ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40505

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – **71080**

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Мир политики и социологии

2016, № 7

Санкт-Петербург
2016

FUND
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION
IN THE AREA OF LAW ENFORCEMENT
«UNIVERSITY»

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate of printed publication registration No. ФС 77 – 40505

Journal is accredited in Russian Science Citation Index (RINTs)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – **71080**

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

World of politics and sociology

2016, Issue 7

Saint-Petersburg
2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Бейдина Т.Е., заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и политики Забайкальского государственного университета, доктор политических наук, профессор (г. Чита, Россия)

Бурлай Е.В., руководитель управления правовой экспертизы Конституционного Суда Украины, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, профессор (г. Киев, Украина)

Григорьев В.Н., заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального института, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Добовсек Боян, доцент кафедра уголовного правосудия и службы безопасности университета Марибор, Словения, доктор философии (г. Любляна, Словения)

Захарцев С.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Иванников И.А., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета, заведующий кафедрой теории государства и права Ростовского государственного университета путей сообщения, доктор юридических наук, доктор политических наук (г. Ростов, Россия)

Иванов В.А., профессор кафедры новейшей истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Кейси ЛаФранс, доцент кафедры политологии Западного Иллинойского университета, доктор философии (США)

Кузнецов Э.В., заведующий кафедрой теории права и государства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Президент Российской Ассоциации философии и права (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, (Санкт-Петербург, Россия)

Курдюк П.М., заместитель Председателя законодательного собрания Краснодарского края, заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Кубани (г. Краснодар, Россия)

Масленников Д.В., профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Родионова А.К., профессор кафедры теории и истории государства и права Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права, доктор политических наук (г.Чита, Россия)

Сативалдыев Р.Ш., заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Тодд Лог, доцент школы правоохранения и управления юстиции Западного Иллинойского университета, Макоб, Иллинойс (США)

Точиев И.Б., руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Ингушетия, кандидат социологических наук (г. Магас, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Мир политики и социологии, 2016
© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2016

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "World of politics and sociology", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Beidina T.E., Head of the Department of State Administration, Municipal Management and Politics of Transbaikal State University, Doctor of Political Science, Professor (Chita, Russia)

Burlai E.V., Head of the Legal Expertise Administration at the Constitutional Court of Ukraine, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher, Professor (Kyiv, Ukraine)

Grigoryev V.N., Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of Moscow Psychological and Social Institute, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Dobovšek Bojan, Associate Professor of the Department of Criminal Justice and Security of Maribor University, Slovenia, Doctor of Philosophy (Ljubljana, Slovenia)

Zakhartsev S.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Law (Moscow, Russia)

Ivannikov I.A., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of Southern Federal University, Head of the Department of State and Law Theory of Rostov State Transport University, Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences (Riostov-on-Don, Russia)

Ivanov V. A., Professor of the Department of Contemporary History of Saint Petersburg State University, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Honorary Figure of Higher Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Casey LaFrance, Assistant Professor of the Department of Political Science of Western Illinois University, Doctor of Philosophy (USA)

Kuznetsov E.V., Head of the Department of Law and State Theory of St. Petersburg State University of Airspace Instrumentation, President of Russian Association of Philosophy and Law (Saint Petersburg), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Kurdyuk P.M., Deputy Chairman of Legislative Assembly of Krasnodar Territory, Head of the Department of Administrative and Financial law of Kuban State Agrarian University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Science of Kuban (Krasnodar, Russia)

Maslennikov D.V., Professor of humanities disciplines Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Philosophy, Professor (Saint-Petersburg, Russia)

Rodionova A.K., of the Department of Theory and History of State and Law of Chita Institute of Baikal State University of Economics and Law, Doctor of Political Science (Chita, Russia)

Sativaldyev R.Sh., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Todd Lough, Associate Professor of School of Law Enforcement and Justice Administration of Western Illinois University, Macomb, Illinois (USA)

Tochiev I.B., Head of the Office of the Federal Antimonopoly Service of the Republic of Ingushetia, Candidate of Sociological Sciences (Magas, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Дженнифер М. Аллен, координатор в области уголовного правосудия (BSCJ / MSCJ), координатор общего высшего образования, кафедра политологии и уголовного правосудия колледжа и государственного университета Северной Джорджии, доктор философии (США)

Зоиров Д.М., начальник Академии МВД Республики Таджикистан, профессор Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Республики Таджикистан (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Пальмиотто, профессор уголовного правосудия в школе по делам общин, координатор Бакалавриата в программе уголовного правосудия. Уичито, университет штата (США)

Покровский И.Ф., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный работник морского флота России, Почетный работник транспорта России (Санкт-Петербург, Россия)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Ромашов Р.А., доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Савенков А.Н., заместитель министра внутренних дел Российской Федерации; заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества (2009-2013 г.г.); заместитель Генерального прокурора Российской Федерации – Главный военный прокурор (2002 – 2006 гг.); первый заместитель Министра юстиции Российской Федерации (2006 – 2008 гг.), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации Москва, Россия)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (Москва, Россия)

Терри Морс, заведующий кафедрой школы правоохранения и управления юстиции, профессор, Западный Иллинойский университет (США)

Шахрай С.М., проректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, народный депутат РСФСР, член Верховных Советов РСФСР и СССР, член Президиума Верховного Совета РСФСР (1990-1992 гг.), Государственный советник РСФСР по правовой политике (1991 г.), член Совета Безопасности Российской Федерации (1992 – 1996 гг.), заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Министр Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (1991 – 1996 гг.), депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (1993 – 1997 гг.), Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации (1996 – 1998 гг.), руководитель аппарата Счётной палаты Российской Федерации (2004 – 2013 гг.), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Шемелин А.В., заведующий кафедрой хозяйственного права Забайкальского государственного университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор (г. Чита, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "World of politics and sociology", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Jennifer M. Allen, Coordinator of Criminal Justice (BSCJ / MSCJ), Coordinator of General Studies Degree, Department of Political Science & Criminal Justice of North Georgia College & State University, Doctor of Philosophy (USA)

Zoirov D.M., Chief of Interior Ministry Academy of Republic of Tajikistan, Professor of Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of "Kyiv Mohyla Academy"; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael J. Palmiotto, Professor of Criminal Justice in the School of Community Affairs, Undergraduate Coordinator of the Criminal Justice Program. Wichita, State University (USA)

Pokrovsky I.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation, Honored Worker of Culture of RSFSR, Honored Worker of Marine Fleet of Russia, Honored Transport Worker of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Romanovskaya V.B., Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (National Research University), Doctor of Legal Sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Romashov R.A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Savenkov A.N.,; Deputy Minister of Internal Affairs of Russian Federation, Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society (2009-2013); Deputy Procecutor General of the Russian Federation – Chief Military Procurator (2002 – 2006); First Deputy Minister of Justice of the Russian Federation (2006 – 2008), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation, Honored Worker of Public Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia"; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Terry Mors, Department Head of the School of Law Enforcement and Justice Administration, Professor, Western Illinois University (USA)

Shakhrai S.M., Vice-Rector of Lomonosov Moscow State University, People's Deputy of the RSFSR, member of the Supreme Soviet of the RSFSR and USSR, member of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR (1990 -1992), RSFSR Counsellor of State on legal policy (1991), member of the Security Concil of the Russian Federation (1992 – 1996), Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation, Minister of the Russian Federation on Nationalities Matters and Regional Policy (1991 – 1996), Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (1993 – 1997), Authorized Representative of RF President in the Constitutional Court of the Russian Federation (1996 – 1998), Head of the apparatus of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2004 – 2013), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shemelin A.V., Head of the Department of Economic Law of Transbaikal State University, Doctor of Political Science, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Александров А.И., Коровников А.В., Ананских И.А., Комоедов В.П., Полугрудова Т.А., Лысов К.П., Толкачев К.Б., Сазонов В.Ф., Курдюк П.М. Общественная деятельность – его кредо на всю жизнь: В.П. Сальникову 70 лет 11

Боер В.М., Агаев Г.А., Булатов Р.Б., Гельдибаев М.Х., Глущенко П.П., Городинец Ф.М., Ермолович Г.П., Журавлев В.А., Игнатьева С.В., Кузнецов Э.В., Ломакина И.Б., Лойт Х.Х., Привалов К.В., Сафин Ф.Ю., Цмай В.В. От профессорско-преподавательского состава юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения – В.П. Сальникову 26

Стеценко С.Г. К юбилею дорогого Учителя - В.П. Сальникова 28

История политических и правовых учений, учреждений и процессов

Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права активно развивается..... 31

Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Человеческая жизнь и юриспруденция: история и современность..... 38

Гусева В.Ю. Учение о правовых эмоциях Л.И. Петражицкого и некоторые вопросы формирования правовой личности..... 55

История, теория, практика политико-правовых институтов России и зарубежных стран

Брылева Е.А. Некоторые размышления о правовом статусе несовершеннолетних в России..... 64

Дашин А.В., Сальников С.П. Месть и возмездие в истории Северного Кавказа 72

Эльхади Х., Беренкова Н.А. Принципы отправления правосудия в учении Умара ибн аль-Хаттаба..... 77

Политика. Правовая политика. Политическая жизнь. Политическая и государственная власть. Модернизация политической системы

Рахимзода Р.Х. Исламское право и оперативно-розыскная политика 81

Мусаев М.А. Право и правовой гуманизм как тип государственно-правовой идеологии..... 93

Колядин А.М. Субъект как ключевая смыслообразующая и управленческая категория политического научного поля: онтологические и гносеологические факторы..... 105

Демократия. Гражданское общество. Правовые аспекты политических процессов

Ананских И.А., Фомичев М.Н., Коломейченко Е.А. Значение личности в формировании государства и власти в России 119

Третьяков И.Л., Сальников П.П., Петров П.А. Социальная структура общества и уголовная политика государства 126

Социология. Социология и реализация демографических программ. Политика в области материнства и детства

Бородин В.В., Бородина С.В., Васильева О.И. Некоторые вопросы совершенствования образовательного процесса в образовательных организациях системы МВД России 135

Национальная, государственная, экономическая, финансовая, информационная и военная безопасность. Внешняя политика, международная безопасность и экономическая интеграция

Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Полномочия войск национальной гвардии по обеспечению деятельности в условиях ограниченных режимов 139

Безопасность человека, общества и государства. Экологическая безопасность и правовые аспекты охраны окружающей среды

Маджидзода Д.З. Этносоциальные факторы и преступность 146

Курбонзода Ш.Ш. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека..... 159

Философия права. Правосознание. Правовая культура. Социология права. Юридическая психология

Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях первой трети XX века 166

Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы 174

Клименко О.А. Идея суверенитета в философии права Г.В.Ф. Гегеля..... 183

Информация для авторов..... 189

CONTENTS

Aleksandrov A.I., Korovnikov A.V., Ananskikh I.A., Komoedov V.P., Polugrudova T.A., Lysov K.P., Tolkachev K.B., Sazonov V.F., Kurdyuk P.M. Outdoor activities - his credo for life: V.P. Sal'nikov 70 years 11

Boer V.M., Agayev G.A., Bulatov R.B., Geldibaev M.H., Glushchenko P.P., Gorodinets F.M., Ermolovich G.P., Zhuravlev V.A., Ignatiev S.V., Kuznetsov E.V., Lomakin I.B., Loit H.H., Privalov K.V., Safin F.U., Tsmay V.V. From the faculty of the Law Faculty of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation – to V.P. Sal'nikov 26

Stetsenko S.G. On the anniversary of my dear teacher - V.P. Sal'nikov 28

History of political and legal doctrines, institutions and processes

Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Comprehend theory of law is actively developing 31

Babadzhanov I. Kh. Human life and the law: history and modernity 38

Guseva V. Yu. The doctrine of legal emotions L.I. Petrazhitsky and the establishment of the legal personality 55

History, theory, practice of political-and-legal institutions of Russia and foreign countries

Bryleva E.A. Some thoughts on the legal status of minors in Russia 64

Dashin A.V., Sal'nikov S.P. Revenge and retribution in the history of the North Caucasus 72

Haddat E., Berenkova N.A. Principles of administration of justice in the teachings of Umar Ibn al-Khattab 77

Politics. Legal policy. Political life. Political and state power. Modernization of the political system

Rakhimzoda R.Kh. Islamic law and operatively-search policy 81

Musaev M.A. Law and legal humanism as a type of public-legal ideology 93

Kolyadin A.M. Subject as a key management and semantic category of political scientific fields: the ontological and epistemological factors 105

Democracy. Civil society. Legal aspects of political processes

Ananskikh I.A., Fomichev M.N., Kolomejchenko E.A. The value of the individual in shaping State and power in Russia 119

Tretyakov I.L., Sal'nikov P.P., Petrov P.A. The social structure of society and the criminal policy of the state 126

Sociology. Sociology and implementation of demographic program. Policy in the area of motherhood and childhood

Borodin V.V., Borodina S.V., Vasil'eva O.I. Some issues of improving the educational process in educational institutions MIA system of Russia 135

National, state, economic, financial, informational and military security. Foreign policy, international security and economic integration

Sal'nikov V.P., Kondrat E.N., Borisov O.S. Powers of National Guard troops to ensure that activities in limited mode 139

Human, society and state security. Environmental security and legal aspects of environmental protection

Madzhidzoda D.Z. Ethnosocial factors and crime 146

Kurbonzoda Sh.Sh. The general principles of legal regulation of transplantation of human organs and tissues 159

Philosophy of law. Legal consciousness. Legal culture. Sociology of law. Legal psychology

Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Law and Justice in the European legal discussions of the first third of the twentieth century 166

Galiev F.Kh. Legal culture: social and philosophical problems 174

Klimenko O.A. The idea of sovereignty in legal philosophy G.V.F. Hegel 183

Information for the authors 189

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЕГО КРЕДО НА ВСЮ ЖИЗНЬ: В.П. САЛЬНИКОВУ 70 ЛЕТ

Аннотация. *Поздравление в связи с 70-летием Виктора Петровича Сальникова от руководителей федеральных и региональных органов власти Российской Федерации..*
Ключевые слова: *В.П. Сальников.*

OUTDOOR ACTIVITIES – HIS CREDO FOR LIFE: V.P. SAL'NIKOV 70 YEARS

The summary. *Congratulations on the 70th anniversary of Viktor Petrovich Sal'nikov from the heads of federal and regional bodies of the Russian Government.*
Key words: *V.P. Sal'nikov.*

Виктор Петрович Сальников хорошо известен в России и за рубежом как авторитетный ученый [29; 78], отец правовой культуры [6], талантливый организатор учебно-методической и научно-исследовательской работы [17; 128], написавший сотни книг [21; 25; 53; 62; 63; 67; 72; 76], монографий [1; 9; 10; 11; 12; 18; 19; 22; 26; 27; 42; 46; 47; 48; 49; 50; 59; 68; 87; 88; 96; 107; 110; 114; 116; 117; 118; 121], учебных и научно-методических пособий [7; 8; 13; 20; 23; 24; 51; 54; 55; 56; 58; 71; 84; 85; 86; 89; 95; 97; 98; 100; 120; 127; 129; 130], комментариев к законодательным актам и статей [32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 41; 45; 79; 80; 82; 83; 90; 92; 93; 94; 102; 103;

104; 105; 106; 112]. Он непревзойденный организатор различных научных форумов международного [2; 3; 5; 15; 16; 60; 65; 70; 73; 74; 75; 81; 91; 111; 115; 119; 131], российского [28; 52; 64; 66; 113; 124; 125; 126], межрегионального [61; 122; 123], межвузовского [4; 14; 77; 101] и вузовского характера. Все это очень справедливо, и во всех этих направлениях юбиляру трудно найти альтернативу.

Нам бы хотелось обратить внимание еще на одну грань его несомненного таланта. Как известно, разрабатывая совместно с профессором С.И. Захарцевым компрехендную теорию познания права [30; 31; 40; 43; 44], он пишет о праве как бриллианте, имеющем как минимум 57 граней. Так вот, сам ученый В.П. Сальников имеет не меньше талантливых граней, чем право в его интерпретации. И одной из таких граней, отличающих исследователя, является его участие в общественной жизни школы, профессионального училища, вуза, комсомола, партии, общественных организаций, Торгово-промышленной палаты, Счетной палаты, Государственной думы и Совета Федерации. Он активно проявляет себя в жизни регионов, региональных парламентов, своей малой родины.

Это отличительная его черта буквально с самого детства. Уже обучаясь в Колоярской средней школе Вольского района Саратовской области, он заявляет о себе не только как спортсмен (волейболист, боксер, лыжник), но и как авторитетный неформальный лидер молодежи, успешный помощник учителей. Не случайно, несмотря на неординарность его внутренней натуры и нестандартность поступков при обучении в школе, он пользуется такой глубокой человеческой любовью не только у своих коллег – школьников, но и у учителей, особенно у классного руководителя Комарь Галины Васильевны и преподавателя физики и математики Никулаевой Лидии Федоровны. Он активный участник всех общественных мероприятий, проводимых в школе, нередко сам их вдохновитель и организатор [69]. До сих пор ветераны Колоярской школы помнят новый 1963 год, когда Виктор Сальников предложил и реализовал со своими друзьями – учениками, совместно с преподавателями, нестандартный праздник – встречу Нового года с концертом силами учеников и учителей, показательной демонстрацией спортивных мероприятий (боксерский спарринг, приемы гимнастики), профессиональным мастер-классом по фотографии, изготовлением фотолотереи и использованием ее в новогодних праздненствах. В те годы в ходу были фотоаппараты «Смена» и «ФЭД-2». Витя Сальников увлекался фотоделом, вел фотокружок в школе и демонстрировал на новогоднем вечере мастерство фотографирования, в том числе со вспышкой, и выдачу через очень короткое время фотографий. В те далекие годы для этого требовалось незаурядное мастерство. Об этом периоде общественной деятельности нашего юбиляра очень подробно написала его учительница Л.Ф. Никулаева, с которой он до сих под поддерживает очень тесные, товарищеские отношения, благодаря которым вся семья учительницы пошла по стопам ее ученика: сын, Никулаев Игорь Анатольевич, подполковник полиции, заместитель начальника территориального отдела одного из районов Ульяновской области. В полиции служит и невестка Лидии Федоровны – Татьяна, она капитан полиции. Внук учительницы – Олег, старший лейтенант полиции, служит в УМВД России по Ульяновской области, его жена – Оля – лейтенант полиции. Вероятнее всего, и их дочь – Милана, когда вырастет, тоже, наверное, пойдет служить в полицию и охранять права и свободы человека и гражданина, их безопасность. Недавно об этой семье был очень интересный материал на Ульяновском региональном телевидении.

Серьезной общественной работой занимался В.П. Сальников, обучаясь в ГПТУ-13 (Городское профессионально-техническое училище) г. Куйбышева (ныне г. Самара). Два года обучения в профессиональном училище не только позволили приобрести ему несколько рабочих профессий (машинист дизельного экскаватора и крана 6 разряда, слесарь 3 разряда), но и приобрести навыки серьезной общественной работы, отдельные из которых переросли в его профессию. Два года он был секретарем комитета ВЛКСМ профессионального училища, вожаком комсомола. Как комсомольский секретарь участвовал в создании ОКО (оперативных комсомольских отрядов) при райкомах комсомола. В частности, он внес свой вклад в создание такого ОКО при Кировском райкоме ВЛКСМ города Куйбышева и был одним из командиров такого отряда, который в 1964-1966 гг. действовал при Дворце культуры им. С.М. Кирова. Комсомольцы, организованные в ОКО, обеспечивали охрану

общественного порядка на улицах, в парках и площадях Кировского района, помогали милиции предотвращать асоциальное поведение подростков в общественных местах. Между прочим, это был очень положительный опыт. В настоящее время во многих регионах России возрождаются ДНД (добровольные народные дружины) по охране общественного порядка. Они становятся одним из институтов гражданского общества, способных усилиями и инициативой общественности, самих граждан, что является отличительной чертой гражданского общества [11, стр. 133-140], сделать нашу жизнь интереснее и безопаснее.

В те же годы участие нашего юбиляра в молодежной общественной жизни, в ОКО определило всю его дальнейшую судьбу и профессию. Работая в ОКО, он постоянно контактировал с сотрудниками УР (уголовного розыска) Кировского райотдела, на него обратили внимание оперативные работники, и он стал внештатным оперуполномоченным УР и два года, до поступления в Елабужскую специальную среднюю школу милиции МООП СССР, занимался этой общественной работой. Она-то и сделала его настоящим, на всю его сознательную жизнь, сотрудником органов внутренних дел.

В школе милиции В.П. Сальников, наряду с освоением оперативного опыта работников милиции (а осваивал он этот опыт хорошо – с отличием закончил обучение), активно занимался общественной работой – помогал оперативным сотрудникам местного отдела бороться с уголовной преступностью в городе Елабуге и Елабужском районе. Красивые места, сосновый бор, воспетый Шишкиным, родина кавалеристдевицы из известного фильма «Гусарская баллада» и место, где провела свои последние годы Марина Цветаева – это те места, где занимался общественной работой курсант, хотя она забрасывала его далеко за пределы этого района, в иные окрестности Татарии, в города Удмуртии и Кировской области, в том числе в такой интересный регион, как Вятские поляны. Обучаясь очно в школе милиции, будучи курсантом, он направлялся в служебные командировки по стране в интересах борьбы с преступностью.

В 1967 году нашумевшим, как сейчас говорят, резонансным было дело о краже цыганами большого количества скаковых лошадей с одного из ипподромов СССР и продажа их в Удмуртии и Кировской области. Были и человеческие жертвы. Скакуны – известные во всем мире, они выступали на международных ипподромах, занимали призовые места, являлись чемпионами – похищены. Каждая лошадь стоила больше автомашины. И вот весь ипподром обчистили цыгане. Они нанесли не только существенный материальный ущерб советскому государству и международному престижу нашей страны, но и жертвами этого преступления стали ни в чем не повинные люди. Кроме того, кони должны были участвовать в международных скачках.

В то время для курсанта Сальникова профессиональным делом была учеба в спецшколе, все остальное – общественная работа. Он в числе группы курсантов из двух-трех человек был откомандирован в оперативную группу, сформированную для раскрытия данного преступления, и в течение где-то полутора месяцев работал в этой оперативной группе, участвуя в засадах, занимаясь личным сыском, принимая участие в задержании вооруженных преступников. Преступление было раскрыто в сравнительно короткий срок, преступники задержаны и понесли заслуженное наказание, а скакуны, которые остались в живых, возвращены на ипподром. Наш курсант в порядке поощрения получил краткосрочный отпуск на 10 дней с выездом в родной город Куйбышев.

При обучении в спецшколе у В. Сальникова была еще одна общественная нагрузка – фотокружок. Увлечения далекого детства сказались и здесь. Хотя это было уже другое фотодело. В спецшколе, по криминалистике изучали судебную фотографию, у курсантов вырабатывали профессиональные навыки обращение уже с фотоаппаратом «Зенит-М», зеркалкой, как его тогда называли, и работали телеобъективами типа «Таир». Сколько же много было тогда сделано фото совместно с коллегами по учебе! Часть из них вошли в книгу, посвященную семье Сальниковых «Формула доброты» [57].

Время летит очень быстро. Школа милиции позади, красный диплом об ее окончании в кармане, точнее, в личном деле, лейтенантские погоны на плечах и должность оперуполномоченного, которую потом переименовали на инспектора – в Отделе БХСС города Куйбышева областного УВД на улице Куйбышевской, 42. А рядом, на площади Революции – Куйбышевский факультет ВЮЗИ (Всесоюзного юридического

заочного института), куда В. Сальников поступает учиться, когда уже по существу закончен прием документов для вступительных экзаменов, в порядке исключения, как имеющий диплом с отличием об окончании специального учебного заведения.

Служба в Отделе БХСС была непростой. Очень сложные, многоэпизодные, тяжелые уголовные дела, по результатам кропотливо оперативной разработки в отношении известных в те годы руководителей различных государственных и промышленных структур. У молодого оперативного сотрудника были опытные руководители-сыскари: полковники начальник отдела В.А. Земсков и заместитель начальника отдела Е.И. Винокуров. Группой оперативных работников, в которую входил Сальников, руководил капитан Самсонов. Поэтому имелись серьезные результаты оперативной работы, о которых писала несколько раз областная газета «Волжская коммуна» и даже «Известия».

В сферу оперативных интересов сотрудников ОБХСС входили директоры рынков города, директор асфальтового завода, руководители клинической больницы, областного управления торговли, завода по производству хрустальных изделий, представители нескольких кавказских республик СССР. Были командировки в эти республики для задержания и ареста виновных лиц. И была общественная работа.

Она ограничивалась организацией и проведением спортивных мероприятий, в том числе соревнований, коллективного отдыха и локальных читательских конференций, в том числе и с участием волжских писателей, книги которых продавались в книжном киоске областного УВД. Тогда на территории управления внутренних дел работал книжный киоск. Интересную книгу можно было купить прямо на работе, недалеко от служебного кабинета.

Многие ветераны и сегодня вспоминают читательские конференции с писателем-волжанином Виктором Владимировичем Кирюшкиным, (1910-1980) – прозаиком, драматургом, участником Великой Отечественной войны, автором книг и пьес «Говорящий ключ», «Занимательный рейс», «Волшебные груши», «Дочь корабля», «Беспокойный рейс», «Ветер с моря», «Шхуна «Ларга», «Лёнька-пулемётчик» и других, адресованных, прежде всего, юному читателю, членом Союза писателей СССР (России). В очерковой книге «На Волге широкой» писатель увлекательно рассказал о своём путешествии вместе с друзьями по маршруту знаменитой Жигулёвской кругосветки на моторной лодке. Роман «Жёлтый тайфун» остался в рукописи. Важнейшая особенность творческого почерка В.В. Кирюшкина – повышенное внимание к приключенческому жанру и возможностям художественной литературы для патриотического воспитания молодежи. Творчество волжанина и сейчас продолжает оставаться актуальным, если иметь в виду, что наша главная национальная идея – воспитание патриотов и созидателей. Виктор Сальников был ранее знаком с писателем, он и организовал данные читательские конференции.

19 ноября 1968 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» (в те времена совместные постановления были нормой). Одним из пунктов постановления предусматривалось создание на базе Ленинградской Военно-политической школы Высшего политического училища МВД СССР (г. Ленинград) для подготовки политработников органов внутренних дел.

В 1969 г. на Куйбышевское областное УВД было выделено одно место для поступления на учебу во вновь созданное образовательное учреждение. В. Сальников решил попытаться поехать на учебу в Ленинград. Руководство же отдела придерживалось другого мнения. Им нужны были хорошие оперативные работники, и расставаться с одним из них не хотелось. Офицеру пришлось выдержать очень большой натиск, чтобы добиться своего, и лишь благодаря вмешательству секретаря парткома УВД вопрос с областным руководством был решен в пользу переквалификации перспективного оперативного работника на политработника. Опять же решающую роль здесь сыграло постоянное участие офицера в общественной работе. А с начальником отдела, В.А. Земсковым, В. Сальников поддерживал длительные отношения, они остались друзьями, в том числе и тогда, тогда Земсков стал руководителем Главного управления МВД СССР по БАМу, и после его ухода в отставку.

Учеба в Высшем политическом училище МВД СССР была напряженной. В.П. Сальников учился одновременно в двух вузах (как мы

ранее указывали, он поступил в ВЮЗИ), притом только на отлично (вновь получил по окончании красный диплом). Для сдачи учебной сессии использовались зимние каникулы и летний ежегодный отпуск. Отдыхать было некогда. С разрешения деканата ВЮЗИ некоторые экзамены и зачеты сдавал на юридическом факультете Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Активное занятие принимал в работе научных кружков кафедры ОРД (оперативно-розыскной деятельности) и по теории государства и права, участвовал в том числе и в международных научно-теоретических конференциях по рекомендации профессора Я.М. Бельсона.

Главное же – опять общественная работа: два года секретарь бюро ВЛКСМ 5 батальона и два года – зам. секретаря партийного бюро батальона.

И вновь общественная работа определила дальнейшую служебную стезю выпускника-отличника. Ему предложили остаться для прохождения дальнейшей службы в ВПУ МВД СССР. Правда, обещали преподавательскую работу на кафедре, а назначили заместителем командира батальона по политической части. Потом многолетняя служба в политическом отделе, и только позже – кафедра. Прошел все ступеньки роста – преподаватель, старший преподаватель, доцент, зам. начальника кафедры, начальник кафедры. Потом – заместитель начальника Санкт-Петербургского юридического института МВД России по научной работе, заместитель начальника Санкт-Петербургской академии МВД России по научной работе. И чтение лекций на всех предприятиях Ленинграда – Санкт-Петербурга, в учебных заведениях, кинотеатрах и театрах, воинских частях и академиях, в райкомах, горкоме и обкоме партии, в Доме политпросвещения. Его знали как лектора общества «Знание», райкома и обкома партии, Дома офицеров. Так рождался профессионал-лектор и преподаватель – мастер своего дела, отвечающий самым высоким требованиям.

В 1998 году объединяются все учебные заведения МВД и создается Санкт-Петербургский университет МВД России, начальником которого назначается полковник В.П. Сальников. В состав университета вошли следующие учебные заведения:

- Санкт-Петербургская академия МВД России;
- Санкт-Петербургский юридический институт МВД России;
- Санкт-Петербургская высшая школа МВД России;
- Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России;
- Санкт-Петербургский институт Государственной противопожарный службы МВД России;
- Санкт-Петербургский институт повышения квалификации МВД России.

Это был первый университет в системе силовых ведомств Российской Федерации. Не было больше университетов не только в МВД, но и в Министерстве обороны, ФСБ и других силовых структурах. Они появятся значительно позже.

Именно в должности начальника Санкт-Петербургского университета МВД России расцвел в полной мере талант В.П. Сальникова как организатора, руководителя, человеколюба с добрым сердцем и чистой душой, в области науки, образовании, подготовки научных кадров и сотрудников правоохранительных органов для России и зарубежных стран, истинных патриотов нашего Отечества. В стенах университета патриотами России, системы правоохранительных органов, в первую очередь органов МВД, становились не только российские, но и граждане и подданные других государств: американцы, англичане, немцы, французы, киприоты, финны, кубинцы, монголы, китайцы, африканцы и…, не говоря уже о гражданах государств – участников СНГ. Каждый, кто прошел через университет МВД в Санкт-Петербурге, становился его патриотом и патриотом России в целом. Об этом очень много говорили и писали, в том числе и журналисты, в конце XX и первом десятилетии XXI века в российских и зарубежных СМИ. Информацию по этому поводу можно было увидеть каждый день. Свой университет прославляли курсанты, слушатели, студенты, адъюнкты, докторанты, преподаватели, доценты, профессоры, рядовые сотрудники и руководство учебного заведения.

Издаваемая университетом научная продукция (учебники, пособия, словари, сборники, монографии, альбомы схем и т.д.) была хорошо известна всем. Она оседала на библиотечных полках национальных библиотек, в

библиотеках учебных заведений России и других стран, личных библиотеках научного сообщества. Их можно встретить в Лондонском, Портсмутском, Лестерском университетах Великобритании, в Кембридже, Пил-центре по подготовке Лондонской столичной полиции, Чикагском, Флоридском, Иллинойском, Западно-Иллинойском университетах США, в Сорбонне и других вузах Франции, Германии, не только европейских стран, но и государств Востока и Азии.

Ежемесячные международные научные форумы еще больше повышают авторитет университета. А когда сотрудник вуза капитан Оксана Федорова получила корону Мисс Вселенной (2002 г.), а потом спустя очень короткое время отказалась от нее в пользу возможности заниматься научной деятельностью – Санкт-Петербургский университет МВД России приобрел мегапопулярность как мировой центр подготовки специалистов в области охраны правопорядка, борьбы с преступностью. обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Идейным вдохновителем, организатором и конкретным руководителем всей этой многогранной деятельности являлся профессор и генерал В.П. Сальников. Он не только умело руководил многотысячным коллективом, Но и доходил до каждого своего подчиненного индивидуально. И это знали все, и соответственно поддерживали своего командира и кумира.

Об этом уже писали много и довольно часто. Тема же наших размышлений – общественная деятельность юбиляра. Казалось бы, служба «забирает» все время, и его не остается на общественную работу. Но ведь без этого нельзя было жить, тем более в должности начальника университета. Здесь общественная работа приобретает иной характер, она поднимается на федеральный уровень.

Профессор В.П. Сальников становится помощником и экспертом на общественных началах депутатов Государственной Думы и сенаторов Совета Федерации по существу всех созывов от первого до нынешнего. Он член экспертно-консультативного совета при Председателе Счетной палаты РФ, Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, вице-президент Российского Союза юристов, вице-президент Российской академии юридических наук, вице-президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, член Экспертного совета ВАК России по праву и политологии, член Аттестационной коллегии Министерства образования Российской Федерации, член секции государственно-правовых дисциплин Методического центра национального образования и координации научных исследований Главного управления кадров и кадровой политики МВД России, председатель ученого совета Санкт-Петербургского университета МВД России, председатель нескольких диссертационных советов по присуждению ученой степени доктора наук и член аналогичного диссертационного совета Северо-Западной академии государственной службы.

Он избирается действительным членом (академиком) Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, Международной академии акмеологических наук, Национальной академии ювенологии, Санкт-Петербургской инженерной академии, член-корреспондентом Российской академии ракетных и артиллерийских наук, почетным профессором или доктором наук Московской академии экономики и права, Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Академии МВД Таджикистана, Самарского юридического института ФСИН России и др., возглавляет редакционный совет федерального научного журнала «История государства и права» и научно-теоретического журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», является членом редколлегии многих журналов издательской группы «Юрист», включенных в перечень изданий, рекомендуемых ВАК для опубликования основных результатов исследований на соискание ученой степени доктора наук.

В.П. Сальников многие годы член редакционного совета общественно-правового и научно-технического журнала «Защита и безопасность», победитель международного конкурса «Человек года» в номинации «Юрист года-2001». Его включают в международное издание Кембриджского университета «Выдающиеся люди XX века».

Наверное, невозможно даже перечислить все общественные нагрузки, которые имеет этот человек, тем более написать о его многогранной работе. Порой думается – как это он все успевает делать? А он не просто успевает, он без этого

жить не может. В этот же период В.П. Сальников пишет книгу об одном из ведущих региональных лидеров: «Муртаза Рахимов: державник или удельный князь».

Вероятнее всего, не только для В.П. Сальникова, но и для его подчиненных служба в университете была лучшими годами жизни. Об этом говорят многое и многие.

Но все имеет свое начало и свое окончание. Генерал В.П. Сальников достиг предельного возраста службы в органах внутренних дел. Он меняет кресло начальника университета на должность Руководителя Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу. Профессор А.И. Бастрыкин переводится для дальнейшей службы в Москву и вскоре становится Председателем Следственного комитета Российской Федерации, а В.П. Сальников занимает его место в Санкт-Петербурге. Новая, иная практическая юридическая деятельность встречает ученого и милиционера. Ему помогают освоить новую стезю заместители генерал-майор профессор С.П. Выменец и генерал-лейтенант В.Н.Тенишев. На работу в Управлении переходят и некоторые сотрудники Университета МВД (генерал-майор Н.Н. Силкин, полковники С.Е. Барило, Н.Н. Жильский, Н.Н. Мальцев, Н.И. Пререзенцев, В.И. Ченкова и др.). В короткое время штаты Управления укомплектованы высококвалифицированными кадрами, пришедшие офицеры имеют не только богатый опыт службы в правоохранительных органах России, но и опыт работы за рубежом, а также ученые степени докторов и кандидатов юридических наук. Юстиция Северо-Запада приобретает новый импульс. Министр юстиции В.В. Устинов, а впоследствии и А.В. Коновалов были спокойны за работу своего ведомства на Северо-Западе, отмечали сотрудников Управления ведомственными наградами и премиями, а руководитель был награжден медалью А.Ф. Кони.

В этом качестве общественная работа не оставляла юбиляра. Она выступает значимой в контексте функционирования аппарата полномочного представителя Президента. В.П. Сальников становится членом Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам помилования на территории Ленинградской области, членом Совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, членом окружного координационного совета по противодействию терроризму, политическому и религиозному экстремизму, этносепаратизму при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе, членом Научного совета МВД России и института проблем региональной безопасности. Его общественная работа в основном строится на территории двенадцати субъектов Российской Федерации, входящих в Северо-Западного федерального округа.

После ликвидации структуры Министерства юстиции по федеральным округам В.П. Сальников переходит работать в Ленинградскую торгово-промышленную палату в качестве вице-президента, исполняющего обязанности президента ЛТПП. Президентом палаты бессменно десятилетия, начиная с Гатчинской торгово-промышленной палаты, являлся доктор юридических наук, профессор Р.Ф. Исмагилов. Но он в этот период был занят на государственной службе – вице-губернатор Ленинградской области, затем один из руководителей Уральского полпредства при Президенте РФ, поэтому В.П. Сальникову приходится постоянно исполнять обязанности председателя палаты.

Здесь он наряду с исполнением служебных обязанностей организует и проводит совместно с президентом в течение целого года Интернет-конференцию по теме: «Взаимоотношения государственной бюрократии и бизнеса: задачи минимизации коррупциогенных рисков». Для участия в ней привлекаются самые авторитетные руководители: федеральные и региональные министры, прокуроры, судьи, следователи, сотрудники полиции, руководители субъектов федерации, ученые Росмсии и зарубежья, авторитетные предприниматели. Материалы конференции размещаются не только на сайте ЛТПП и Фонда «Университет», они печатаются также на страницах федеральных научных журналов.

Деятельность в попечительском совете Фонда «Университет» и в научных журналах увлекает ученого все больше и больше. Он окончательно переходит на научную работу, возглавляет журналы «Юридическая наука: история и современность», «Мир политики и социологии», «Правовое поле современной экономики», становится их главным редактором и председателем редакционного совета. Одновременно он

входит в редколлегии многих журналов издательской группы «Юрист» («Международное публичное и частное право»; «Муниципальное право: правовые вопросы»; «Таможенное право»; «Юрист»; «Уголовное судопроизводство», «Миграционное право»), Вестника академии МВД Республики Таджикистан, других научных журналов.

Он полностью посвящает себя науке. Пишет книги, научные статьи, формирует новые научные подходы в юриспруденции, выступает на различных научных форумах, в том числе в качестве официального оппонента по диссертационным исследованиям в России и за рубежом. У него активная жизнь. Ему и сейчас, как и 60, 40, 30, 20, 10 лет назад, не хватает времени, которое у него всегда в дефиците. Он полон научных идей, активно следит за правоохранительной практикой, делает экспертные заключения для комитетов Государственной Думы.

3 июля 2016 года Президент подписал Федеральный закон № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», и сразу же В.П. Сальников с коллегами О.С. Борисовым и Е.Н. Кондрат предлагает научной общественности изданный комментарий к этому федеральному закону [99] и серию статей [108; 109]. В период работы Государственной Думы шестого созыва он достаточно часто выступал в качестве эксперта и консультанта руководителей комитетов по обороне, а также по физической культуре, спорту и делам молодежи. На Северо-Западе он внес свой существенный вклад в разработку комитетом по обороне программы по трудоустройству военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, уволенных в запас после завершения службы, и программы медицинского обеспечения работников военно-промышленного комплекса.

Мы хорошо знаем Виктора Петровича Сальникова многие годы. Приходилось с ним заниматься и служебной деятельностью, и научными исследованиями, и общественной практикой. Приходим к единому выводу, что этот большой человек состоялся не только как ученый, государственный деятель, организатор науки и высшей школы, но и как крупный общественник, по-настоящему добрый человек [57].

Мы желаем Виктору Петровичу творческого вдохновения, новых научных свершений, неиссякаемой энергии его душе и сердцу, и, конечно, крепкого здоровья!

Список литературы

1. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с.
2. Актуальные проблемы борьбы с преступностью: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 3-4 октября 2001 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с. (Серия «Безопасность человека и общества»).
3. Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Тезисы международной научно-практической конференции / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2003.
4. Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы межвузовской научно-практической конференции / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2001.
5. Андреева И.А., Берекет В.М., Игнатенко Д.И., Сальников В.П., Сарсенов К.М. МВД России – 200 лет. История, современность, перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 4(223). – С. 189-199.
6. Артамонов В.С., Исмагилов Р.Ф., Кондрат И.Н., Султыгов М.М., Уткин Н.И. Выдающемуся юристу и отцу российской правовой культуры Виктору Петровичу Сальникову исполняется 70 лет // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 11-16.
7. Артамонова Г.К., Сальников В.П., Соболь И.А., Уханов И.С. Экологическое право: сборник задач. – СПб., 2002. – Сер. Учебники для вузов, специальная литература.
8. Баранов В.М., Евдокимов С.В., Сальников В.П. Основы Конституции РФ. – СПб., 1996.
9. Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
10. Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность – гражданское общество – права и

свободы граждан. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический ин-т МВД России, 2005.
11. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
12. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
13. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
14. Безопасность человека и преступность: Матер. межвуз. науч-практ конф. / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина, В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1994.
15. Берекет В.М., Владимиров В.Ю., Жаркой М.Э., Игнатенко Д.И., Латышев О.М., Сальников В.П., Шустов Н.И. Перспективы использования зарубежных технических средств безопасности в России: Международный научно-практический семинар // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – № 3. – С. 158-161.
16. Берекет В.М., Мушкет И.И., Потапов Ю.А., Сальников В.П. МВД России – 200 лет: история, развитие, перспективы (Международная научно-практическая конференция) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 1(234). – С. 233-243.
17. Булатов Р.Б. Слово о выдающемся человеке В.П. Сальникове // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 17-27.
18. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ): Научное издание. – СПб.; Фонд «Университет», 1999. – 128 с. – (Серия «Общество и наркомания: социальная опасность»),
19. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
20. Возгрин И.А., Сальников В.П. Новое информационное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел (концептуальные проблемы и система организации). – СПб., 2000.
21. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
22. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб., 1994.
23. Давыдов В.П., Сальников В.П., Слепов В.Я. Основы педагогической психологии высшей школы МВД России: Учебник / Под ред. С.В. Кошелевой. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 256 с.
24. Давыдов В.П., Сальников В.П., Слепов В.Я. Педагогика высшей школы МВД России: Учебник / Под ред. С.В. Кошелевой; под общ. ред. В.П. Сальникова; Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 306 с. – Серия: Учебники для вузов, специальная литература.
25. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев, Н. Бараева, А. Васильев, Я. Гилинский, И. Графчикова, И. Гурвич, Я. Костюковский, Э. Кочетков, И. Кукушкина, Г. Румянцева, М. Русакова, В. Сальников, С. Степашин; отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
26. Доронин А.М., Доронин М.П., Мушкет И.И., Сальников В.П. Жандармы и граница / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 144 с.
27. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
28. Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всероссийского научного методологического семинара, г. Санкт-Петербург, 28-30 июня 2004 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004.
29. Захарцев С.И. У моего учителя юбилей. К 70-летию Виктора Петровича Сальникова // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 11-17.
30. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
31. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных

государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2(19). – С. 29-33.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3(93). – С. 179-183.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
39. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
40. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
41. Захарцев С.И., Сальников В.П. Роль биографии ученого в формировании его жизненной позиции, мировоззрения и методологии // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 2(92). – С. 144-149.
42. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
43. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
44. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
45. Захарцев С.И., Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке и конвергенция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5(22). – С. 9-15.
46. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
47. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности» / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
49. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
49. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
50. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
51. Кальной И.И., Сальников В.П., Чукин С.Г. Философия и право // Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – С. 379-401.
52. Кондрат И.Н., Игнащенков Ю.Ю., Захарцев С.И., Новиков С.А., Мендевев В.Н., Жиганова А.А. Научно-практическая конференция «Криминалистика: вчера, сегодня, завтра» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 5(268). – С 249-259.
53. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
54. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
55. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев,

Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
56. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
57. Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты: Документально-художественная книга. – М.; СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.
58. Логика: Учеб. для юрид. вузов / Сальников В.П., Болдырев А.С., Гусев С.С. и др.; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2003. Сер. Серия «Учебники для вузов, специальная литература» / С.-Петерб. ун-т МВД России (и др.)
59. Лукьянцев В.П., Очередько В.П., Соболь И.А., Сальников В.П. Общество и природа в дореволюционной России: правовой анализ: Монография / Под общей редакцией В.П. Сальникова; МВД России, Санкт-Петербургский университет; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; Московская академия экономики и права. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 168 с. Сер. Учебник для вузов. Специальная литература.
60. МВД России – 200 лет: Материалы международной научно-практической конференции. Том часть 2 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1998.
61. Милиция общественной безопасности: состояние и актуальные проблемы деятельности: Материалы регионального семинара / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 2002.
62. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
63. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
64. Морозова Л.А., Сальников В.П., Федоров А.Б. Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. – 1994. – № 11. – С. 81-118.
65. Морозова Л.А., Потапов Ю.А., Проценко Е.Д., Сальников В.П. Полиция. Женщина. Гуманизм (Международный научный конгресс женщин-полицейских) // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 133-146.
66. Наркомания и наркобизнес: проблемы противодействия: Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25 мая 1999 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.С. Бурдановой, В.Ю. Владимирова, К.С. Кузьминых. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, Фонд «Университет», 1999. – 128 с.
67. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Библиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
68. Николаева Л.А., Сальников В.П., Соловьева А.К. Административное судопроизводство: проблемы теории и практики разрешения публично-правовых споров / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
69. Никулаева Л.Ф. Моему ученику профессору В.П. Сальникову – 70 лет // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 11-17.
70. Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
71. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник для юридических вузов / Под ред. С.В. Степашина; К.В. Сурков, Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов, В.В. Зорин, В.М. Егоршин, Н.Н. Васильев. Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Лань, 1999. – 704 с.
72. Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.П. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
73. Полиция. Женщина. Гуманизм: Программа первого научного конгресса женщин-полицейских. 21-24 марта 1995 г. Санкт-Петербург / Международная ассоциация женщин-полицейских; Санкт-Петербургская

ассоциация женщин – сотрудников органов внутренних дел. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1995. – 100 с.
74. Потапов Ю.А.. Сальников В.П., Берекет В.М., Мушкет И.И. МВД России – 200 лет. История, развитие, перспективы. Международная научно-практическая конференция // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2000. – № 4(8). – С. 181-190.
75. Права человека и статус правоохранительных органов: Материалы международного симпозиума (3-4 марта 1994 г.). Ч. I. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1995.
76. Право и общество: от конфликта к консенсусу / Честнов И.Л. и др.; под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
77. Православие и правоохранительная деятельность в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – СПб, 24 октября 1996 г. Часть III / Под общ. ред. В.П. Сальникова, П.А. Сафронова. – СПб., 1997.
78. Романовская В.Б. Доброе сердце жестокого века. Виктору Петровичу Сальникову посвящается // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 28-29.
79. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
80. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
81. Сальников В.П. МВД России 200 лет (Международно-практическая конференция) // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 118-121.
82. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 9. – С. 6-15.
83. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
84. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983.
85. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1988.
86. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
87. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицины в России (историко-правовое исследование) / Под ред. и с предисловием В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – (Серия: «Право и медицина»).
88. Сальников В.П. Социалистическая правовая культура: Методологические проблемы / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: СГУ, 1989. – 144 с.
89. Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
90. Сальников В.П., Захарцев С.И. Гуманитарные и технические науки: российская специфика // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 1(91). – С. 91-96.
91. Сальников В.П., Морозова Л.А. Полиция. Женщина. Гуманизм // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 133-146.
92. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
93. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
94. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
95. Сальников В.П., Сильников М.В. Боевое и служебное электрошоковое оружие МВД России: Учебное пособие для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России. – СПб, 2007. Сер. Серия «Спецтехника внутренних дел» (3-е изд., перераб. и доп.).
96. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования: Научное издание. / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – Сер. Право и медицина.
97. Сальников В.П., Федоров В.П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. – 91 с.
98. Сальников В.П., Хон Г.Н. Эволюция методологического сознания в философии и науке // Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – С. 458-476.
99. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ

«О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
100. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Кальной И.И. Философия права. Глава 28 // Реалистическая философия: Учебник / В.Л. Обухов, В.П. Сальников, З.С. Алябьева и др.; под ред В.Л. Обухова, В.П. Сальникова. – СПб.: СПГАУ, Санкт-Петербургский университет МВД России, Химиздат, 1999. – С. 432-445 (в кн.: 544 с.: ил.).
101. Сальников В.П., Денисов Е.А., Морозова Л.А. Использование зарубежного опыта в деятельности органов внутренних дел России. Межвузовская конференция // Государство и право. – 1993. – № 12. – С. 18.
102. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников В.П. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4.
103. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
104. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
105. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
106. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
107. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
108. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С Войска национальной гвардии и возлагаемые на них задачи: участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, охрана важнейших государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях // Правовое поле современной экономики.. – 2016. – № 7.
109. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Полномочия войск национальной гвардии по обеспечению деятельности в условиях ограниченных режимов // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7.
110. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология: Научное издание / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Право и медицина»).
111. Сальников В.П., Проценко Е.Д., Денисов Е.А. Международная научно-практическая конференция «Общество, право, полиция» // Государство и право. – 1996. – № 12. – С. 137-149.
112. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.
113. Сальников В.П., Ростов К.Т., Морозова Л.А. Бондуровский В.В. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101-106.
114. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. Сер. Безопасность человека и общества. – 208 с.
115. Сальников В.П., Ростов К.Т., Игнатенко Д.И. Компьютерная преступность: состояние, уголовно-правовые аспекты борьбы и криминологические меры профилактики: Междунар. науч.-практ. конф. // Юридическое образование и наука. – 1999. – № 1. – С. 35.
116. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – Сер. Безопасность человека и общества.
117. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань; Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 224 с.
118. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
119. Сальников В.П., Морозова Л.А., Ростов К.Т., Денисов Е.А. Безопасность человека и преступность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 108-132.
120. Сальников В.П., Сандулов Ю.А., Гуцериев Х.С., Кальной И.И. Философия для аспирантов: Учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное / Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Лань, 2001. – 512 с. – Сер. Мир философии.

121. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Сер. «Право и медицина»).
122. Специальная техника и актуальные проблемы борьбы с преступностью: Труды седьмой межрегиональной научно-практической конференции, март 2003 г. / Под ред. В.П. Сальникова, М.В. Сильникова, А.В. Шайтанова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
123. Специальная техника органов внутренних дел. Новые средства индивидуальной бронезащиты и активной обороны для органов внутренних дел: Труды шестой межрегиональной научно-практической конференции, декабрь 2002 г. / Под ред. В.П. Сальникова, М.В. Сильникова, А.В. Шайтанова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
124. Теоретические и прикладные проблемы экспертно-криминалистической деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7-8 апреля 1999 г. Ч. 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова, И.П. Карлина. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999.
125. Теория и практика криминалистического обеспечения, предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: Материалы научно-практической конференции, 18 января 2000 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.Г. Петухова, В.Ю. Владимирова, К.С. Кузьминых. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.
126. Уголовно-процессуальная реформа: УПК РФ – год спустя. Актуальные проблемы применения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 24 октября 2003 г. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
127. Чукин С.Д., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
128. Экимов А.И. Юбилей Виктора Петровича Сальникова: воспоминания // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 18-29.
129. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Издательство «Лань», 2001. – 608 с.
130. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 2 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Федоров А.В., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Издательство «Лань», 2001. – 640 с.
131. Юридические гарантии правового статуса личности, защита свидетелей и лиц, способствующих раскрытию преступлений в уголовном процессе: Программа международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 28 мая 2004 г. / Сост. В.П. Сальников, В.П. Очередько, А.Н. Павлов, Т.А. Петрова, О.И. Городовая. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – 23 с.

\

АЛЕКСАНДРОВ Алексей Иванович,
первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

КОРОВНИКОВ Александр Венедиктович,
член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
депутат, председатель комитета по физической культуре, спорту и делам молодежи Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации (г. Москва, Россия)

КОМОЕДОВ Владимир Петрович,
депутат, председатель комитета по обороне Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, адмирал (г. Москва, Россия)

ПОЛУГРУДОВА Татьяна Анатольевна,
помощник депутата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)

ЛЫСОВ Константин Павлович,
руководитель представительства комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по обороне в Северо-Западном федеральном округе, помощник депутата Государственной Думы, полковник, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

ТОЛКАЧЕВ Константин Борисович,
Председатель Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия)

САЗОНОВ Виктор Федорович,
Председатель Самарской Губернской Думы, кандидат юридических наук (г. Самара, Россия)

КУРДЮК Петр Михайлович,
заместитель председателя – председатель комитета по вопросам законности, правопорядка и правовой защиты граждан законодательного собрания Краснодарского края, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

ОТ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ – В.П. САЛЬНИКОВУ

Аннотация. *Представлено поздравление в связи с 70-летием Виктора Петровича Сальникова от Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.*

Ключевые слова: *В.П. Сальников; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.*

FROM THE FACULTY OF THE LAW FACULTY OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY OF AEROSPACE INSTRUMENTATION – TO V.P. SAL'NIKOV

The summary. *Submitted greetings in connection with the 70th anniversary of Viktor Petrovich Salnikov from the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.*

Key words: *V.P. Sal'nikov; Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.*

УВАЖАЕМЫЙ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ!

Мы Ваши коллеги, друзья, ученики горячо и сердечно поздравляем Вас с юбилеем – 70-летием со Дня рождения!

За годы общения с Вами все мы утвердились во мнении, что Вы олицетворяете в себе удивительное сочетание выдающегося педагога, талантливого ученого и организатора науки, образцового офицера-генерала, заботливого наставника, честного, душевного и доброжелательного человека.

У всех, кто Вас знает, вызывает заслуженное уважение Ваше самоотверженное служение делу развития юридического образования, правовой науки, укрепления правопорядка в стране.

Результатами первостепенной значимости являются достижения Ваших учеников, которые, благодаря Вашей поддержке, сумели сформировать научные школы, известные не только в России, но и во многих зарубежных странах.

Уверены, что Ваш юбилейный День рождения станет новой точкой отсчета для Ваших больших и славных дел!

Вместе с поздравлениями хотим пожелать, дорогой Виктор Петрович, крепкого здоровья, счастья, благополучия Вам, Вашим родным и близким!

БОЕР ВИКТОР МАТВЕЕВИЧ,

проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета СПб ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АГАЕВ ГЮЛОГЛАН АЛИ ОГЛЫ,
доктор юридических наук, профессор;

БУЛАТОВ РАШИД БОРИСОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор;

ГЕЛЬДИБАЕВ МАВЛАД ХАСИЕВИЧ,
доктор юридических наук, профессор;

ГЛУЩЕНКО ПЕТР ПЕТРОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный адвокат России;

ГОРОДИНЕЦ ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор;

ЕРМОЛОВИЧ ГЕННАДИЙ ПАВЛОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор;

ЖУРАВЛЕВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор;

ИГНАТЬЕВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации;

КУЗНЕЦОВ ЭДУАРД ВЕНИАМИНОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ЛОМАКИНА ИРИНА БОРИСОВНА,
доктор юридических наук, профессор;

ЛОЙТ ХИЛЛАР ХАРРИЕВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации;

ПРИВАЛОВ КОНСТАНТИН ВИТАЛЬЕВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации;

САФИН ФЯРИТ ЮСУПОВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ЦМАЙ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

СТЕЦЕНКО Семен Григорьевич,
член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, Заслуженный деятель науки и техники Украины, первый заместитель начальника Института уголовно-исполнительной службы Украины, доктор юридических наук, профессор (г. Киев, Украина)
E-mail: sgstetsenko@bk.ru

К ЮБИЛЕЮ ДОРОГОГО УЧИТЕЛЯ – В.П. САЛЬНИКОВА

Аннотация. *Представлено поздравление В.П. Сальникову в связи с 70-летием.*
Ключевые слова: *В.П. Сальников; научная деятельность; издательская деятельность; международное признание.*

STETSENKO S.G.

ON THE ANNIVERSARY OF MY DEAR TEACHER – V.P. SAL'NIKOV

The summary. *Submitted greetings V.P. Sal'nikov in connection with the 70th anniversary.*
Key words: *V.P. Sal'nikov; scientific activity; publishing; international recognition.*

В связи с празднованием 70-летия Виктора Петровича Сальникова появилась еще одна возможность высказать свою благодарность человеку, который очень много сделал для развития юридической науки в целом, теории государства и права в частности, подготовки научных и научно-педагогических кадров. Примите самые искренние и теплые поздравления с 70-летием! Желаю Вам крепкого здоровья, душевного равновесия, верных и надежных друзей и учеников, новых свершений в области юридической науки и образования!

Знакомясь с биографией юбиляра, понимаешь, насколько нужно было иметь закаленный характер, целеустремленность и, вне всякого сомнения, природные задатки для того, чтобы достичь таких результатов в науке. Ведь докторскую степень Виктор Петрович получил еще в советские времена, когда и количество докторов наук было существенно меньше и защитить свои научные изыскания было труднее. Думается, этот фактор также сыграл немаловажную роль в том, что став в начале 90-х годов заместителем начальника Санкт-Петербургского юридического института МВД

России по научной работе, В.П. Сальников стремился очень мощно прорабатывать вопросы поддержки ученых, открытия диссертационных советов, опубликования результатов диссертаций в виде тезисов выступлений на конференциях, научных статей, монографий. По своему опыту подтверждаю: в бытность юбиляра заместителем по научной работе, а еще более существенно во время руководства университетом МВД в Санкт-Петербурге, каждый месяц на базе учебного заведения проводилось несколько научно-практических мероприятий, которые помимо высокого организационного уровня сопровождались публикацией материалов. Это очень важный фактор, который позволял привлекать к участию в данных форумах многих участников: от молодых «зеленых» соискателей, аспирантов и адъюнктов до маститых профессоров и академиков.

Всегда с теплотой и благодарностью вспоминаю неоценимую поддержку Виктора Петровича в качестве научного руководителя по кандидатской и научного консультанта по моей докторской диссертации. Убежден, что именно благодаря его пониманию сущности правовых проблем здравоохранения и предвосхищению перспектив развития медицинского права, эти диссертации были восприняты научной юридической общественностью и успешно защищены.

Правду говорят, что большое видится на расстоянии. Чем больше времени проходит с 2002 года, когда при научном консультировании В.П. Сальникова в диссертационном совете Санкт-Петербургского университета МВД России была защищена докторская диссертация, тем я все более очевидно понимаю и осознаю, насколько была велика роль его в «поттягивании» меня до докторского уровня понимания проблем правоведения, умения анализировать, предлагать конкретные пути усовершенствования законодательства и правоприменительной практики. Виктор Петрович всегда настаивал на необходимости публичных выступлений по теме диссертации, чтобы инициированные нами идеи были донесены до ученых и практиков. Такие же подходы и я сейчас пытаюсь использовать при подготовке уже своих докторантов и аспирантов. При написании ими научных работ по теории государства и права изучение работ юбиляра носит обязательный характер. Ведь из более чем 1000 опубликованных В.П. Сальниковым работ каждый может найти глубокие системные исследования, посвященные тем или иным проблемам юридической науки. Неоспорим авторитет юбиляра в инициировании и становлении нового направления юридической науки – правовой культурологи.

Еще одно направление его многогранной деятельности – издательская деятельность. В.П. Сальников является главным редактором и Председателем редакционного совета трех ежемесячных федеральных научно-практических журналов «Юридическая наука: история и современность», «Мир политики и социологии», «Правовое поле современной экономики». Эти издания завоевывают все большую популярность и признание как площадка для научных дискуссий, возможность донести до широкого круга читателей свою научную позицию. Известны и читаемы они и в Украине, наши ученые также публикуют здесь свои статьи.

Неоценим вклад юбиляра в популяризацию медико-правового направления путем инициирования и руководства издательскими проектами, в частности, проектом «Право и медицина». Выход в его рамках нескольких монографий, посвященных юридическим аспектам трансплантологии, биомедицинских технологий, правовой соматологии, истории медицинского права существенно расширили число заинтересованных читателей, способствовали донесению актуальных знаний в юридические, медицинские, философские научные сообщества [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

Категория «международное признание» характеризует любого ученого как исследователя, результаты изысканий которого преодолели границы государства и овладели умами коллег за рубежом. Это сделать очень непросто. Это удается немногим. Но Виктор Петрович Сальников смог. Известно, что он систематически выступает с лекциями в зарубежных университетах США, Великобритании, Франции, Германии, Монголии, Таджикистана и других стран. Я стал свидетелем вручения в 2014 году Виктору Петровичу знаменательной награды – «Почетный профессор Академии МВД Республики Таджикистан». Душевная атмосфера, теплота, аплодисменты, выступления таджикских исследователей, которые рассказывали о В.П. Сальникове и его научных достижениях, – этого нельзя добиться механически, это

достигается упорной целенаправленной работой, результаты которой проявляются в том числе и международным признанием.

В Украине знают и ценят Виктора Петровича. Здесь есть немало его выпускников, учеников, которые благодаря его поддержке стали кандидатами и докторами наук. Во время наших бесед с профессором, академиком Национальной академии правовых наук Украины, ведущим теоретиком права страны Петром Моисеевичем Рабиновичем он часто вспоминает совместное участие с юбиляром в научных конференциях, дискуссии, дружеские беседы. Всегда с теплотой отзывается о встречах с Виктором Петровичем, высоко оценивает его научные достижения и профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины Николай Иванович Козюрба.

Виктор Петрович Сальников достиг значимых вершин и продолжает делать очень многое в становлении и развитии юридического образования, подготовке научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, развитии юридической науки и издательского дела. Пусть на этом пути ему всегда сопутствует удача!

Список литературы

1. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4. – С 219-230.
2. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Регламентация медицинской деятельности в России: историко-правовые вопросы (X – XVII вв.) // Журнал российского права. – 2001. – № 4. – С. 143-151.
3. Стеценко С.Г., Сальников М.В. Правовое регулирования оказания медицинской помощи в Российской империи (II четверть XVIII в. – 1917 г.) // История государства и права. – 2004. – № 6. – С. 50-54.
4. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Юридические гарантии обеспечения медицинской деятельности (теоретико-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 47-51.
.5 Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6. – С 38-40.
6. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Право и медицина: доктрина информационного согласия // Новая правовая мысль. – 2002. – № 1. – С. 36-42.
7. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Нормативно-правовое обеспечение здравоохранения в советский период // Журнал российского права. – 2002. – №1. – С. 152-161.
8. Сальников В.П.. Стеценко С.Г. Условия правомерности проведения медицинских экспериментов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4. – С. 14-18.
10. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 190-197.
11. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая перинатология как составная часть биоюриспруденции: к постановке вопроса // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 196-205.
12. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 32-38.
13. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая соматология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 141-148.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163-170.
15. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
16. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология: место и роль в современной биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 69-77.
17. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 416 с. – (Серия: «Право и медицина»).

С глубоким уважением к юбиляру,

С.Г. Стеценко

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург. Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

КОМПРЕХЕНДНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА АКТИВНО РАЗВИВАЕТСЯ

Аннотация. *Статья посвящена ознакомлению с разработанной авторами новой теории познания права – компрехендной теории. Отражены основные положения этой теории, ее актуальность для развития современного права. Данная теория привлекла внимание российских и зарубежных специалистов. Статья будет интересна научным и научно-педагогическим работникам, а также всем интересующимся проблемами познания права.*

Ключевые слова: *право; теория государства и права; компрехендная теория права.*

ZAKHARTSEV S.I.
SAL'NIKOV V.P.

COMPREHEND THEORY OF LAW IS ACTIVELY DEVELOPING

The summary. *The article is devoted to introduction into developed by authors' new theory of law understanding – comprehend theory. In this article, basic statements of the theory are reflected, as well as its relevancy for development of modern law. This theory has attracted attention of Russian and Foreign specialists. This article will be interesting for scientific workers, scientific-pedagogical workers, and to everyone who is interested in problems of law understanding.*

Key words: *law; state and law theory; comprehend law theory.*

Существует расхожая история о том, что всемирно известный физиолог лауреат Нобелевской премии И. Павлов всегда возмущался, когда при нем начинали хвалить медицину. Пресекая такие измышления, он четко и жестко говорил: «О том, что медицина нужна и важна, ни у кого сомнений нет. Но мне нужно знать, что в медицине плохо. Именно тогда мы поймем, что есть медицина и как ее можно улучшить». Благодаря такому подходу медицина от формул по излечению болезней повернулась лицом к пациенту, были изобретен наркоз, улучшилась реабилитирующая и профилактическая медицина. Появились новые биомедицинские технологии, которые замахнулись даже на клонирование человека [25; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50].

Опыт медицины, несомненно, следует учесть юристам. Сейчас стало принято говорить о значимости права в бытии, о его необходимости, полезности и т.д. Получили распространение определения, что право – это свобода, равенство, справедливость [40]. И ничего другого.

Современные молодые юристы рассказывали нам, что в университетах зубрили приведенное выше определение, а затем выходили из университета и видели совсем другое право: жесткое и жестокое, далеко не всегда направленное на справедливость, иногда неоправданно ограничивающее свободу, далеко не всегда предусматривающее равенство, при этом подчас бессмысленное и абсурдное [18; 21; 22]. А затем сталкивались с правоприменителями и становилось совсем грустно.

Любое явление, как известно, внутренне противоречиво. И если мы видим в явлении только хорошее, значит, мы не замечаем всего явления целиком, неправильно, неточно и необъективно его оцениваем.

В важности права для жизни человека никто не сомневается. Однако разве это явление является безупречным, лишенным негативных сторон? Так давайте, следуя И. Павлову, говорить о праве не только хорошее, но и негативное, оценивать его объективно и без иллюзий. Тогда люди смогут его понять, всесторонне комплексно оценить, а затем и качественно улучшить.

В этом и состоит сформулированный нами подход к познанию права, названный компрехендным (от латинского Comprehendo – всеохватывающий). Смысл предложенного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деиделогизированном познании права, не допуская (что важно!) господства какой-либо теории [16; 17; 19; 20; 23; 26; 27; 51]. Каждая из теорий права отражает какую-либо черту (грань) права, особо выделяет ее относительно других признаков и свойств этого явления. Так, Л.И. Петражицкий выделял психологию [11; 12; 13; 14], И. Кант – природу человека и вытекающие из нее естественные права и т.д. Однако оценка права через призму какой-либо одной конкретной теории всегда не полна. Поэтому надо обобщить имеющиеся теории права, не допуская при этом приоритета какой-либо одной концепции, что в итоге придет к разносторонней и объективной оценке права.

Нам право представляется большим бриллиантом. Красивым, ярким, притягивающим к себе, но в то же время самым твердым из всех минералов.

Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что мыслители видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало. Однако их и не так много, как граней бриллианта. Полагаем и надеемся, что как только перед исследователями права откроется примерно такое же множество граней и черт права, четко определится его сущность и предназначение. Это произойдет не сейчас, и, думается, не в ближайшее время. Однако мы, веря в науку и познаваемость мира, убеждены что такое произойдет.

Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих

возможностей и т.д., – тем скорее мы придем к познанию права.

Попытки объединить некоторые из теорий права учеными уже предпринимались. Так, одно время была популярна идея объединить естественно-правовую, позитивистскую и историческую теории права, взяв от каждой «лучшее». Такая идея была названа интегральной теорией права [10; 28; 31; 33; 38; 39], но, судя по всему, она не оправдала ожиданий. Во-первых, интегральная теория не оценивает негативные черты права, то есть является односторонней. Во-вторых, по замыслу ее основателей интегральная концепция должна была объединить естественно-правовую, позитивистскую и историческую теории права. Но ведь право только этими теориями не ограничиваются. В-третьих, не познав право, невозможно сказать, что в нем «лучшее», а что – «худшее». В-четвертых, каждый из мыслителей по-своему понимает «лучшее и худшее». И нередко то, что один ученый-правовед считает хорошим, другой считает ужасно-плохим. Поэтому интегральная теория представляет собой субъективизм отдельных мыслителей.

На фоне этого, однако, положительно отмечаем то, что в последнее время в правовой среде появились интересные правовые концепции. Например, В.М. Шафиров обосновывает особый статус Конституции в познании и понимании права. Он пишет, что Конституция не является видом закона, она не может быть одновременно правом и давать название отдельной отрасли права. То есть, по мысли автора, Конституция имеет надотраслевой характер, общеправовой характер [53, стр. 2-4]. Ю.П. Боруленков пытается развить идеи постмодернистов, в частности Х.-Г. Гадамера, и пытается обосновать методологический статус герменевтики в юридическом познании [2; 3]. Ф.Х. Галиев, следуя за А.С. Ахиезером, предлагает к познанию права и правовой культуры подходить, используя философию синкретизма [4; 5; 6; 7; 8; 9].

Плюс этих тоже, конечно, небесспорных теорий в том, что они вычленяют новые грани права и правопонимания. Как только совокупность таких теорий наберет определенную «критическую массу» произойдет необходимый диалектический переход от количества к качеству. И мы получим новое понимание права, возможно удивительное для всех нас.

В настоящее время, оценивая право через призму уже известных его граней, можно отметить следующее.

Право – это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны.

Право – это и реализация человеком потребностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. При этом, если так можно выразиться, право обеспечивает жизнь человека человечной.

Право – это и конкретные законы, издаваемые государством, и бытие не зависящее от конкретных законов и даже побуждающее издавать эти законы.

Право – это и разумный регулятор жизнедеятельности, и бессмыслица, абсурд, безрассудность (например, бессмысленные и комичные законы в прецедентном праве). Право показывает как интеллектуальность, так и безрассудство человечества.

Право стремится к справедливости, но одновременно допускает и несправедливость.

Право направлено на установление объективной истины, и в то же время – допускает ее неустановление.

Право динамично и, одновременно, противоречиво в своей динамике. Так, в зависимости от внешних общественных факторов одно и то же деяние может считаться преступлением, а может эффективным ведением дела (напр. спекуляция).

Право просто и понятно с точки зрения вечных ценностей (не убий, не укради), но в то же время трудно с точки зрения квалификации указанных деяний.

Право в ряде случае формирует политику и, одновременно, является инструментом политики. При этом право не может решать все проблемы человечества, хотя многие почему-то его таким видят.

Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов.

Подобные размышления можно продолжать и продолжать. В конечном счете видится, что право – это несомненно сложное диалектичное многофакторное социальное явление, зависящее от объективных и субъективных факторов. К субъективным факторам, например, можно отнести самодурство лица, правомочного издавать

правовые нормы (таких примеров мировая история права накопила много).

Таким образом, право – есть сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать без идеализации. Этот вывод лежит в основе формирования и формулирования нами компрехендной теории права.

Нам близки философско-правовые позиции, разделяющие право и закон. Однако мы против современной моды «выбеливания и идеализации» права с апелляцией к плохим законам. Посмотрите, насколько сейчас стало распространено утверждать: неправовой закон, неправовая норма, иными словами – это закон плох, а право, дескать, по определению хорошее и без недостатков. Такой подход полностью игнорирует истину о том, что любое социальное явление внутренне противоречиво.

Об ущербности и искусственности проблемы «правовых-неправовых» законов писали не только мы. Глубокое исследование этого вопроса проведено, например, О.Э. Лейстом. Как писал названный ученый, на основе абстрактных рассуждений, противопоставляющих всегда хорошее право нередко плохому закону, трудно сформулировать какие-либо конкретные рекомендации современному законодателю, который принципиально признает идеи свободы, равенства и справедливости, но не всегда умеет воплотить их в законе. Кроме того, из поля зрения начисто выпало противоположное соотношение – хорошего закона и зыбкого, необеспеченного и потому плохого права. Пример такого соотношения – ст. 59 Конституции Российской Федерации о праве на замену военной службы альтернативной гражданской службой и невозможность реализовать это право из-за отсутствия законодательного определения порядка его осуществления. Сторонники такого различения права и закона не заметили, что право отличается от закона способностью реализовываться в конкретных правоотношениях, в правах и обязанностях членов общества и потому в праве не могут воплотиться чрезмерно общие формулировки (хорошего по замыслу) закона, не имеющие разработанного механизма их перевода в конкретные правовые отношения. Кроме того, из поля зрения сторонников такого различения права и закона начисто выпал также процесс реализации того и другого, ибо, по их мнению, право – идеи свободы, равенства и справедливости, а закон – тексты, которые могут этим идеям противоречить. Однако истории известны неплохие по литературному оформлению законы, тексты которых возвещают свободу, равенство и справедливость для того, чтобы замаскировать бесправие, террор, нарушение элементарных прав и свобод человека. Такова была Конституция СССР 1936 года, демократические положения которой носили декларативный характер и являлись формой пропаганды в годы массовых репрессий. Была ли эта Конституция «правовым законом»? [34, стр. 309-310].

Надо жить в реалиях. В 2015 году нами были проведены достаточно масштабные социологические исследования: опрос пяти тысяч москвичей, россиян. Им был задан вопрос: «Что такое право, по Вашему мнению? Если затрудняетесь, то с каким словом (словами) у Вас ассоциируется право?». В результате 86 процентов ответили, что право это запрет либо это слово ассоциируется в первую очередь с запретом и наказанием! 5 процентов – затруднились. 9 процентов ответили иначе. Но приводить другие ответы, думается и не так важно за явным преимуществом понимания права через запрет чего-либо и наказания в случае неисполнения [24, стр. 85].

Эти цифры точно повторили результаты нашего опроса, проведенного шесть лет назад, в 2010 году. Тогда для 83% опрошенных москвичей право ассоциировалось с запретом и наказанием [15, стр. 50]. Иными словами, большинство население от права не ждало и не ждет равенства, справедливости, обеспечения режима законности и т.д.

Самое интересное, что аналогичную картину фиксировали и западноевропейские ученые.

В завершение статьи скажем, что компрехендную теорию права мы сформулировали примерно три года назад. Среди российских юристов она получила определенную популярность. Положительные рецензии на наши книги [15; 24], отражающие названную теорию, написали Д.А. Керимов, Т.В. Керимова, И.Ф. Покровский, С.В. Степашин, А.С. Колесников, Р.Ф. Исмагилов, Д.В Масленников, А.Г. Хабибулин и другие известные специалисты [29; 32; 37; 52; 30; 35; 36]. Кроме того, за указанное время эта теория стала известной не только в России, но и за рубежом.

Вместе с тем, она нуждается в новых теориях,

обосновывающих (раскрывающих) новые грани права и его познания. Поэтому с нетерпением ждем новых трудов, концепций и размышлений о таком удивительном феномене как право.

Список литературы

1. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199.
2. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): Монография / Под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 392 с.
3. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика) / Под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 536 с.
4. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
5. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
6. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
7. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
8. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
9. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
10. Графский В.Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М., 2006.
11. Гусева В.Ю. Право как исключительно психологическое явление индивидуальной психики в теории Л.И. Петражицкого // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 190-198.
12. Гусева В.Ю. Применима ли теория правовых эмоций Л.И. Петражицкого к исследованию института деятельного раскаяния? // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С.188-195.
13. Гусева В.Ю. Психологическая концепция права Л.И. Петражицкого / Юридическая наука – 2016. – № 6. – С. 15-20.
14. Гусева В.Ю. Соотношение эмоций, мотивов и нравственного поведения в работах Л. И. Петражицкого // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 185-189.
15. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права. – М., 2014.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3(93). – С. 179-183.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П.Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39-58.
20. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. – 2016. – № 3. – С. 24-25.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17-22.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.

24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М., 2015.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163-170.
26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
27. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
28. Карташов В.Н. От интегральной к синтетической теории права, или все-таки наоборот? // Теоретические и практически проблемы правопонимания. Материалы 3 Международной научной конференции, 24 апреля 2008 г. В Российской академии правосудия, г. Москва / Под ред. В.Н. Сырых, М.А. Заниной. – М.: РАП, 2010. – С. 162-174.
29. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015 – № 1. – С. 78-85.
30. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 168-172.
31. Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность: Материалы третьих филос.-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М.: НОРМА, 2009.
32. Колесников А.С., Масленников Д.В., Гук А.И. Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 177-184.
33. Лазарев В.В. Интегральные аспекты преподавания юриспруденции на высшей ступени юридического образования // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М., 2013.
34. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. – М., 2011.
35. Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия права и компрехендная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 177-179.
36. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 184-190.
37. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 196-200.
38. Поляков А.В. Интегральная теория права: миф или реальность? // Философия права в России: история и современность: Материалы третьих филос-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М.: НОРМА, 2009.
39. Ромашов Р.А. Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методологический анализ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 3. – С. 105-120.
40. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы: Монография. – СПб.: Алетейя, 2015. – 448 с. – (Толкование источников права).
41. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
42. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
43. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
44. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 190-197.
45. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая перинатология как составная часть биоюриспруденции: к постановке вопроса // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 196-205.
46. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая соматология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 141-148.

47. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 32-38.
48. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология: место и роль в современной биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 69-77.
49. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования: Научное издание. / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – Сер. Право и медицина.
50. Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 25-32.
51. Федоров А.В., Шахматов А.В. Компрехендный подход профессора В.П. Сальникова к изучению правовых вопросов противодействия наркопреступности: к юбилею ученого // Наркоконтроль. – 2016. – № 3(44). – С. 39-44.
52. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 203-209.
53. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, профессор кафедры гражданско-правовых наук 2 факультета Академии МВД Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: bobojonov_i@mail.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. *Анализируется категория «право на жизнь». Исследуются различные подходы к определению момента начала и конца правовой жизни физического лица; приводятся выработанные на международном уровне подходы к рассматриваемым вопросам. Отмечается, что современные достижения в области биомедицины ставят перед специалистами в самых разных областях и другие трудноразрешимые этико-правовые проблемы.*

Ключевые слова: *жизнь; право на жизнь; правоспособность; биомедицинские технологии; стволовые клетки; эмбрионы.*

BABADZHANOV I. Kh.

HUMAN LIFE AND THE LAW: HISTORY AND MODERNITY

The summary. *The category «the right to a life» is analyzed. Various approaches to definition of the moment of the beginning and the end of a legal life of the physical person are investigated; the approaches developed at the international level to cases in point are led. It is noticed, that modern achievements in the field of biomedicine put before experts in the most different areas and other stubborn etiko-legal problems.*

Key words: *a life; the right to a life; legal capacity; biomedical technologies; stem cells; embryos.*

Право на жизнь – первое фундаментальное право человека, без которого все другие права лишаются смысла. Оно представляет собой абсолютную ценность, ибо все остальные права утрачивают смысл и значение в случае гибели человека [53, стр. 143; 43, стр. 198; 5; 6; 7; 8].

Право на жизнь – это субъективное правомочие, имеющее формально-атрибутивное

оформление, поэтому следует различать такие категории, как жизнь и право на жизнь. Соответственно возникает проблема определения момента возникновения субъективного права на жизнь и момента возникновения самой жизни: различны ли они и зависят ли друг от друга (аналогична проблема определения момента утраты права на жизнь и момента смерти).

В Гражданском кодексе Республики Таджикистан весьма значительным преобразованиям подвергся правовой статус физических лиц в результате закрепления в нем целого комплекса правовых норм, которые по-новому, в духе лучших европейских и мировых стандартов определили важнейшие параметры их правового положения. Однако, многие понятия и правила остались неизменными, в том числе и определение правоспособности, которое в ГК РТ формулируется практически так же, как в Гражданском кодексе РТ 1965 г.: «способность иметь гражданские права и обязанности». В неизменном виде в ГК РТ закреплены и правила определения начальных и конечных моментов правоспособности: «Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью». Вопрос о том, оправдан ли в данном случае проявленный законодателем консерватизм, в последние годы вызывает большой научный и практический интерес, а появляющиеся в литературе предложения об изменении соответствующих положений закона заслуживают самого пристального внимания.

Так, в журнале «Нотариус» было опубликовано интервью с депутатом Государственной Думы, заместителем председателя Комитета по общественным объединениям и религиозным организациям того периода А.В. Чуевым, сообщавшим о том, что ряд депутатов разрабатывают законопроект о внесении поправок в ГК РФ в части, касающейся возникновения и прекращения правоспособности физических лиц. Основная идея планируемых поправок состоит в принципиально ином определении момента, с которого начинается правоспособность гражданина, – не с момента рождения ребенка, как это закреплено в ст. 17 ГК РФ, а с момента его зачатия. В обоснование приводится ряд доводов, в первую очередь о фактическом, хотя и частичном признании правоспособности зачатых, но не рожденных лиц в действующем законодательстве путем признания за ними права на жизнь (Основы законодательства об охране здоровья граждан) и права на наследство (ст. 1116 ГК РФ). В качестве косвенного подтверждения правоспособности зачатого ребенка А.В. Чуев рассматривает также право беременной женщины на «определенную финансовую и социальную поддержку: отпуск и пособие» [54].

Данное законодательное предложение затрагивает столь важные вопросы, что его смысл и приведенная автором аргументация нуждаются в глубоком анализе и всестороннем обсуждении. Положение о признании некоторых субъективных гражданских прав за зачатым, но еще не родившимся ребенком было сформулировано свыше двух с половиной тысячелетий тому назад в Законах XII Таблиц, в которых за такими детьми (называемыми насцитурусами, т.е. еще не рожденными) признавалось право наследования [50, стр. 18]. Такой подход полностью сохранился в последующие века и получил свое развитие и закрепление в Дигестах Юстиниана: «Кто находится в чреве, охраняется, как если бы он находился среди людей, поскольку дело идет о выгоде самого плода» [50, стр. 170].

Гуманная правовая регламентации данной коллизии отвечала широким общественным интересам: ситуации, когда ребенок появлялся на свет после гибели или смерти своего отца (в этом случае дети назывались постумы), встречались довольно часто, т.к. средняя продолжительность жизни в Древнем Риме была очень низкой. В интересах детей еще в древности была сформулирована правовая фикция: «Posthumus pro nato habetur» – «Ребенок, родившийся после смерти отца, считается родившимся до его смерти» [39, стр. 313]. При этом, однако, охраняя права зачатого, но еще не рожденного ребенка, римские юристы всегда рассматривали его в неразрывном единстве с личностью его матери. Такой подход нашел свое отражение в Дегестах Юстиниана, в которых, в частности, подчеркивалось: «Плод чрева до рождения является частью женщины или ее чрева», поэтому предписывалось, что, если сама беременная женщина не разрешает осмотра для выявления своей беременности, принудительные действия в отношении ее не допустимы...» [50, стр. 567-568].

Еще в римском праве, несмотря на то, что зачатый ребенок не рассматривался, как существующий человек, способный приобретать права и обязанности, имела место идея о признании его

субъектом гражданского права. Римские юристы установили правило, в силу которого зачатый, но еще неродившийся ребенок признавался субъектом права во всех случаях, когда это соответствовало его интересам… [55, стр. 84].

Положение о том, что правоспособность ребенка, как самостоятельного субъекта права возникает только с момента его появления на свет и только при условии, что он родится живым, неуклонно соблюдалось на всех этапах развития Римского государства. Это положение никем не оспаривалось, и споры между представителями сабинианской и прокулианской юридических школ велись только о моменте, с которого ребенка следует считать живым: с момента, когда он издал первый крик, или с момента, когда он подал любые другие признаки жизни.

А.Г. Периханян отмечает, что в иранском праве, как и в других правовых системах, в период беременности матери еще не родившийся ребенок считался потенциально правоспособным [52, стр. 5].

А.Г. Халиков, исследователь зароастрийской системы права, также пишет о том, что Авеста признает право на жизнь плода в утробе матери. Ребенок, находящийся в утробе матери, защищался зороастрийским правом [86, стр. 34-35; 87, стр. 54-58]: «Если женщина или девочка сама из–за стыда совершает аборт незаконно зачатого ребенка, то она сама будет виновата в своих деяниях. Если женщина убивает ребенка в своей утробе, то вина за убийство ребенка возлагается как на мать, так и на отца. За такое преступление предусматривается наказание, как за умышленное убийство» [86, стр. 34-35; 87, стр. 54-58]. Таким образом, Авеста и нормы мусульманского права четко защищают право на жизнь неродившегося ребенка. Авеста, признавая права ребенка на жизнь, дарит ему свободу рождения, что означает легализацию правоспособности неродившегося ребенка. Интересным является то, что еще тогда имело место общественное порицание за незаконное рождение. Законодатель Заратуштра, осознавая всю тяжесть данного явления, тем не менее, ставил целью защиты неродившихся детей. Правоспособность неродившихся детей не только защищалась в форме признания права на существование. Вдобавок ко всему Авеста предусматривала их права на ухаживание, на обеспечение и заботливое обращение с ними.

Если мужчина не содержал беременную женщину, как положено, и от этого ребенку наносился вред, то за такую вину мужчину наказывали, как за умышленное убийство [87, стр. 54-58]. Авеста обязывает мужчин и женщин бережно относиться к неродившимся детям. Так, в этом древнем памятнике указывается, что все лица, которые окажутся вблизи при рождении ребенка, обязаны оказать помощь, бережно отнестись к женщине и содействовать в здравом рождении ребенка [87, стр. 54-58]. Авеста не только прямо запрещает аборты или обязывает других бережно относиться к матери ребенка, но и исполняет правовую миссию защиты неродившегося ребенка. Более того, женщина, родившая мертвого ребенка, признавалась в Авесте нарушительницей закона и ее отгораживали от всего святого [87, стр. 54-58]. Интересным является то, что признание правоспособности неродившегося ребенка в утробе матери, по всей видимости, начинается с первого месяца беременности.

Не раскрывая понятие «жизнь», право (в частности гражданское) определяет его через две противоположности, которые могут быть биологически предопределены: рождение и смерть. Как известно, статус субъекта права связан с фактом рождения, характеризующимся двойным условием: новорожденный должен быть живым и жизнеспособным (хотя ни один нормативный акт этих условий не закрепляет). Жизнь предшествует рождению. Современные исследования в области биологической науки подтверждают интуицию традиционных моралистов: жизнь начинается с момента зачатия. С самих первых минут жизни эмбрион является носителем присущих только ему и никому более генетических свойств человека, который должен родиться. Речь пойдет всегда об одном и том же индивиде, который будет лишь меняться в течение всего периода своего существования.

Юристы, медики, философы традиционно определяют саму жизнь как эмбриогенез, т.е. биологическое существование. Соответственно общий вывод вроде бы должен сводиться к тому, что, как только возникает жизнь, появляется и соответствующее субъективное право. Между тем столь простой вывод не находит своего простого подтверждения в силу того, что на протяжении тысячелетий не умолкают дискуссии о моменте возникновения жизни. Довольно значительный временной «разрыв» между зачатием и рождением порождает споры о том, в какой момент

можно говорить о появлении самостоятельной, саморазвивающейся жизни, а значит, и о новом субъекте права.

С какого момента возникают права человека? «Естественное право» ведет этот отсчет с рождения человека [17; 18; 37; 57; 58; 63; 68; 69]. Современное право решительно определяет иной рубеж: жизнь человека начинается с оплодотворения яйцеклетки. По этой причине вторжение в жизнь оплодотворенной яйцеклетки может рассматриваться, как нарушение целостности потенциального человека. По мнению академика Р. Петрова, экспериментируя с эмбрионом, мы нарушаем права человека: «Сперматозоид проникает в яйцеклетку – и это уже человек! Все права, которые распространяются на человека, относятся к эмбриону. Следовательно, манипулировать с ним нельзя… Требуется разрешение на исследование. И кто его должен давать? У эмбриончика об этом не спросишь…» [46, стр. 15].

Здесь добавим, что законодательства некоторых государств в XIX в. по-разному регламентировали права зачатого ребенка, как субъект права.

Этот вопрос наиболее широко рассмотрен и глубоко анализирован в рамках цивилистики.

Некоторыми нормами Германского гражданского уложения (ГГУ 1896 г.) была предусмотрена охрана права зачатого ребенка в рамках конкретного правоотношения. Параграф 1923, регламентирующий вопросы наследования, также исходит из фикции, что зачатый ребенок рассматривается, как уже родившийся: «Тот, кто еще не жил, но был уже зачат ко времени открытия наследства, считается рожденным до открытия этого наследства». В параграфе 1912 этого же уложения предусматривается назначение попечителя зачатому, но еще неродившемуся ребенку, поскольку это необходимо для охраны его будущих прав.

Французский ГК (Кодекс Наполеона 1804 г.) применяет это положение к наследованию, дарению (ст. 725, 906), а также к установлению отцовства в отношении ребенка, зачатого во время брака (ст. 312).

В гражданских кодексах других государств в виде общей нормы предусмотрено признание ребенка, как субъекта права с момента его рождения при условии, если он родится живым. Прямо указывается, что ребенок условно может считаться рожденным с момента зачатия (параграф 22 ГК Австрии 1811 г.; ст.31 ГК Швейцарии; ст. 36 ГК Греции; ст. 4 ГК Бразилии).

Различные правовые школы по-разному объясняли зачатого ребенка как субъекта права и охрану его интересов. Сторонники школы естественного права в свое время развивали концепцию, согласно которой зачатый ребенок является правоспособным. Они полагали, что жизнь человека начинается с момента зачатия. Следовательно, с этого момента возникает и правоспособность, которая существует независимо от того, родится ребенок потом живым или нет.

Подобные взгляды разделяются и в современной цивилистической литературе. Авторы, разделяющие подобные взгляды, пытаются охарактеризовать права зачатого ребенка, как предварительные, другие – считают условно правоспособным. Но поскольку, по их мнению, зачатый ребенок способен обладать правами и обязанностями, то его правоспособность трактуется как ограниченная, частичная или условная.

Однако рассматриваемые нормативные акты, – отмечает Г.Б. Романовский, – нельзя назвать в полной мере признающими правосубъектность человеческого эмбриона. Эти правила направлены на будущее: уже в дальнейшем, после своего рождения, зачатый ребенок будет обладать определенными правами. Условием реальной правоспособности, в любом случае, будет рождение живым. Право лишь реагирует на то, что два юридических факта «разорваны» во времени – факт зачатия и факт рождения [59]. «Несмотря на то, что зачатый ребенок в будущем может стать субъектом права, – отмечает М.Н. Малеина, – вряд ли следует рассматривать его в качестве обладателя правоспособности и другими субъективными правами еще до рождения. Субъективные права могут возникнуть лишь у реально существующего субъекта» [41, стр. 56].

Римское право содержит аналогичные примеры. Так, в Институциях Гая можно найти: «По естественным требованиям и соображениям решено, что если рабыня забеременеет от римского гражданина, а затем, отпущенная на волю родит, то дитя рождается свободным, так как зачатые незаконно приобретают состояние с того времени, когда рождаются. Поэтому они считаются свободными, если рождаются от свободной, и безразлично, от кого мать зачала

их, когда еще была рабыню. Но законно зачатые приобретают состояние с момента зачатия» [20, стр. 47]. Подобные примеры отнюдь не наталкивают на мысль о прогрессивности римского законодательства. Налицо лишь наслаивание на регулирование неимущественных отношений принципов права собственности. Так, в римском праве решался вопрос о собственности с учетом событий: зачатия, беременности и рождения [59, стр. 72].

Правило, в соответствии с которым правоспособность человека возникает в момент его рождения, закреплено в подавляющем большинстве современных правовых систем. Исключения весьма немногочисленны (например, в Венгрии, если ребенок рождается живым, он считается правоспособным с момента своего зачатия).

Многовековой опыт законодательной регламентации требует особенно тщательного обсуждения вопроса о том, насколько обоснованы и целесообразны предложения о внесении соответствующих поправок в ст. 18 ГК РТ. В качестве главного аргумента утверждают, что эти поправки ограничат право матери на уничтожение зачатого ребенка «убийство в виде аборта», станут первым шагом к тому, чтобы впоследствии значительно ограничить аборты: запретить все основания, кроме медицинских.

Предположение о том, что законодательное признание правоспособности за зачатым, но не родившимся ребенком станет гарантией охраны его прав и интересов и решит все вопросы, связанные с искусственным прерыванием беременности, вызовет целый ряд сомнений. Прежде всего, остается неясным, каким образом разработчики предлагают добиться реализации этой цели: путем установления контроля за каждой беременной женщиной на предмет систематического подтверждения ее состояния и установления ответственности в случае выявления прерывания ею беременности? [44, стр. 21-22].

Во-вторых, непонятно, с какого именно момента будет определяться возникновение правоспособности зачатого ребенка. Момент зачатия в большинстве случаев точно определен быть не может и, как правило, устанавливается только спустя несколько недель. Но такое определение осуществляется на разных стадиях беременности, т.к. в нашей стране довольно высок процент будущих рожениц, которые по тем или иным причинам обращаются в специализированные медицинские учреждения для обследования и постановки на учет уже на поздних ее стадиях, а иногда вообще не обращаются (беженцы, вынужденные переселенцы, женщины, не имеющие постоянного места жительства или проживающие в отдаленных местностях, где отсутствуют специальные клиники, и т.д.). Принятие предложения разработчиков законопроекта, утверждающих, что момент зачатия следует отнести к актам гражданского состояния, подлежащих обязательной государственной регистрации, и внесение соответствующих дополнений в ст. 47 ГК РФ на практике будет означать, что часть российских граждан будут регистрироваться в качестве правоспособных субъектов еще в утробе матери, причем на разных стадиях развития беременности, а часть только после появления на свет, что создаст путаницу и породит множество трудноразрешимых вопросов

В-третьих, как справедливо отмечалось в литературе, вопрос о том, что следует считать началом жизни человека, чрезвычайно сложный. Спектр мнений весьма широк: некоторые авторы древности полагали, что зародыш становится человеком с начала шевеления в утробе матери; ряд современных авторов связывают этот момент с формированием нервной системы зародыша или с первым проявлением его мозговой деятельности; для других это момент появления ребенка на свет. Недавно были продемонстрированы снимки, сделанные ультразвуковым фотоаппаратом в Лондонском центре репродукции и современных технологий, которые позволили впервые получить наглядные данные о развитии плода на разных стадиях беременности. Эти снимки произвели сенсацию, т.к. они неопровержимо доказали, что 12-недельный зародыш уже практически сформировавшийся человек, а с 26-й недели, т.е. с 6-го месяца беременности, ребенок в утробе матери демонстрирует полный спектр человеческих реакций, выражая мимикой самые разнообразные чувства: радость, боль, испуг, ужас. Это открытие, несомненно, будет иметь огромное значение для окончательного ответа на вопрос: с какого момента эмбрион становится человеком? [44, стр. 21-22].

Вопрос о моменте возникновения правоспособности зачатого ребенка приобретает особую сложность в случаях применения искусственных методов репродукции человека, которые

получают все более широкое распространение во всех странах мира [70].

На сегодняшний день американские ученые выделяют шесть теоретически возможных способов воспроизведения человеческой жизни, но Семейный кодекс содержит указание на три метода: искусственное оплодотворение, имплантация эмбриона и имплантация эмбриона в тело суррогатной матери. При этом ни в Семейном кодексе, ни в других законах не раскрывается значение этих медицинских терминов, что порождает целый ряд вопросов, в том числе и имеющих непосредственное отношение к проблеме определения момента зачатия ребенка и, как следствие к моменту возникновения правоспособности гражданина.

Так, в частности, остается открытым вопрос о том, с какого момента правоспособность возникнет в случае применения метода, называемого в медицине «экстракорпоральное оплодотворение», при котором оплодотворение происходит вне организма матери, «в пробирке» (In Vitro). При применении этого метода зачатый «в пробирке» эмбрион после некоторого процесса развития помещается (имплантируется) либо обратно в организм матери, либо в организм другой женщины, т. е. суррогатной матери, где и будет происходить дальнейшее развитие плода. Следует учитывать, что согласно крайним научным данным в специально созданных лабораторных условиях эмбрионы в замороженном виде могут храниться в течение нескольких лет, что еще более усложняет обсуждаемую проблему. Кроме того, имплантация далеко не во всех случаях заканчивается нормальным развитием беременности, процент случаев гибели или отторжения эмбрионов довольно высок, и, учитывая такую вероятность, в тело матери нередко имплантируют не один, а 2-3 эмбриона.

Кстати, гибель плода (выкидыш) нередко наступает и в случае естественного зарождения человеческой жизни. Если, как предполагает А.В. Чуев, в дальнейшем «можно будет вести речь» об установлении регистрации момента зачатия ребенка в качестве акта гражданского состояния, неизбежно возникнет вопрос о необходимости регистрации и его гибели в утробе матери [44, стр. 22].

Вопросам охраны права на жизнь уделяется пристальное внимание и в уголовном праве. Не вдаваясь в особенности квалификации убийств, следует отметить, что дискуссия о начале жизни получила «новое дыхание» с появлением такого состава преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка. Приведем лишь наиболее распространенные точки зрения. Их очень подробно анализирует А.Н. Красиков, считая, что в этом вопросе необходимо следовать Инструкции «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода» гласящей, что «...Начальным моментом жизни человека считается момент, когда констатируется полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма беременной, то есть когда плод отделился от организма роженицы, за исключением пуповины, которая не перерезана, и у плода имеется дыхание или сердцебиение, пульсация пуповины либо произвольные движения мускулатуры» [14, стр. 173-179; 33, стр. 44]. С. Бояров дополнительно указывает; «... Начальным моментом жизни человека считается момент появления из организма роженицы части тела младенца, имеющего сердцебиение. Плод в утробе матери имеет все указанные признаки жизни, кроме одного – плод еще не живет самостоятельно, является частью организма матери и не является субъектом права на свою защиту в уголовно-правовом значении, поскольку в момент родов могут возникнуть непредвиденные ситуации, не зависящие от воли посторонних лиц» [15, стр. 14]. Такой точки зрения придерживается А.В. Наумов, ссылаясь на указанную Инструкцию: «Таким образом, нормативными основаниями (условиями) признания начала жизни ребенка следует считать, во-первых, его полное как в результате физиологических родов, так и искусственным путем, допустим кесарева сечения, отделение (кроме пуповины) от организма матери и, во-вторых, наличие (возможно, и в альтернативной форме) следующих признаков: дыхания, сердцебиения, пульсации пуповины либо произвольного движения мускулатуры» [47].

В комментарии к ст. 105 УК РФ другие авторы подчеркивают: «Началом жизни принято считать начало физиологических родов. Жизнь ребенка охраняется законом в процессе родов (ст. 106 УК). В то же время посягательство на плод, находящийся в утробе матери, убийством не считается и может влечь уголовную ответственность за незаконное производство аборта или причинение тяжкого вреда здоровью женщины». [30] Аналогичная точка зрения представлена в

учебнике, но уголовному праву под редакцией Л.Л. Кругликова: «Начальный момент жизни человека традиционно определяется началом процесса физиологических родов, что необязательно связывается с отделением плода от утробы матери, с началом самостоятельного дыхания» [81]. С этим не согласны авторы другого учебника под редакцией А.И. Рарога: «Роды – это сложный, завершающий беременность физиологический процесс, в начале которого происходят ритмичные сокращения маточной мускулатуры, заканчивающийся изгнанием плода и последа через естественные родовые пути. Рождение ребенка обычно начинается путем выхода наружу из полости матки головки плода. Хотя в некоторых случаях возможны и аномалии. При рождении с первым вдохом легкие новорожденного расправляются. Обычно об этом сигнализирует первый крик ребенка. С этого момента можно говорить о начале человеческой жизни, однако умышленное лишение жизнедеятельности ребенка, еще не начавшего самостоятельной жизни, но уже вышедшего из утробы матери, хотя и не полностью, следует, по нашему мнению, считать убийством» [82].

Проблеме определения момента возникновения права на жизнь уделяли внимание различные авторы, коих упомянуть в рамках данной статьи не представляется возможным. Лишь вскользь об этом говорится в статье Т. Волковой: «Сущность проблемы состоит в том, что жизнь многих физиологически сформировавшихся в утробе матери жизнеспособных детей насильственным образом прекращается путем операции прерывания беременности на поздних ее сроках, и это деяние не признается посягательством на жизнь. Правовое обоснование таких актов производится только в документах ведомственного значения... В контексте уголовно-правовой охраны жизни новорожденного ребенка хотелось бы рассмотреть еще одну проблему. Государство обязано не только обеспечить гарантии права ребенка на рождение, но и создать максимальную защиту его жизни в период новорожденности» [19]. Довольно четко обосновывает необходимость уголовно-правовой защиты жизни эмбриона Н.Н. Крылова: «Любой живущий на Земле человек прошел через стадию эмбрионального развития прежде, чем родиться и получить правовой статус личности. Если уж Уголовный кодекс России становится на защиту животных, предусматривая ответственность за жестокое с ними обращение, повлекшее их гибель или увечье (ст. 245), то почему в этом отказано человеческому эмбриону» [34; 35].

Как известно, статус субъекта права, или, вернее юридической личности, связан с фактом рождения, характеризующимся двойным условием: новорожденный должен быть живым и жизнеспособным (хотя ни один нормативный акт этих условий не закрепляет). Гражданское право идет, однако, немного дальше, поскольку признает существование жизни еще до рождения. Старая римская максима infans conceptus нашла свое отражение в некоторых статьях Гражданского кодекса Франции и базируется на бесспорных естественно – научных данных: жизнь предшествует рождению. Современные исследования в области биологической науки подтверждают интуицию традиционных моралистов: жизнь начинается с момента зачатия. С самых первых минут жизни эмбрион является носителем присущих только ему и никому более генетических свойств человека, который должен родиться. Речь пойдет всегда об одном и том же индивиде, который будет лишь меняться в течение всего периода своего существования.

По мнению специалистов (здесь и далее мы будем ссылаться на мнение юриста, глубоко изучающего эту проблему, – О.А. Хазовой) [84, стр. 2], большинство исследований, проводимых на эмбрионах и зародышевых тканях, относятся к сфере репродуктивной медицины и имеют целью лучше понять причины бесплодия, выкидышей и врожденных дефектов. Пользу от таких исследований получают такие сферы медицины, как восстановление тканей человеческого организма, болезнь Паркинсона и другие дегенеративные заболевания. Медицина должна идти в ногу с научным прогрессом, в том числе и юридическим прогрессом [9; 21; 22; 23; 24; 26; 67; 73]. То есть учитывать при этом широкой спектр прав человека, прежде всего таких, как свобода личности и уважение человеческого достоинства, когда медицинские исследования проводятся на людях или человеческих тканях и когда требуется свободное и осведомленное согласие объекта исследования, прежде чем на нем начнут проводиться медицинские или научные эксперименты [65; 66; 79].

Достижения в области биомедицины ставят перед специалистами в самых разных областях трудноразрешимые этико-правовые проблемы.

С большинством из них человечеству никогда прежде не приходилось сталкиваться. Проблемы правового регулирования использования стволовых клеток в исследовательских и медицинских целях принадлежат к числу тех, где выработка этически приемлемых правил и стандартов особенно трудна. Это именно та область, где необходимо создать то, что В.Р. Поттер назвал «новой мудростью», которая не препятствовала бы развитию науки и одновременно соответствовала бы общечеловеческим ценностям [85, стр. 1].

В мировом сообществе предпринимаются попытки выработать нормы, регулирующие использование стволовых клеток человека. Однако, пока единодушия достигнуть не удалось. Большинство специалистов (биологов, медиков, философов, юристов) согласно в том, что регулирование необходимо, однако на вопрос о том, каким оно должно быть, однозначного ответа нет. «Камнем преткновения» в проблеме исследования и использования стволовых клеток человека, является вопрос о допустимости или недопустимости работы с человеческими эмбрионами на ранней стадии развития. Проблема заключается в том, что получение стволовых клеток из человеческого эмбриона ведет к его разрушению, т.е. к смерти. В данном случае невероятные возможности медицины, связанные с использованием стволовых клеток, сталкиваются с требованием защиты человеческого эмбриона и достойного с ним обращения.

На современном этапе развития биомедицины существует несколько возможностей получения эмбриональных стволовых клеток. Основными способами являются следующие:

1) использование «невостребованных» эмбрионов, созданных для лечения бесплодия по программе ЭКО;
2) использование эмбрионов, созданных путем ЭКО специально в исследовательских целях;
3) использование эмбрионов, созданных путем терапевтического клонирования;
4) использование партеногенетического способа развития [85, стр. 1].

Помимо этической дилеммы допустимости разрушения человеческого эмбриона ради общественного блага (развитие науки, разработка новых методов лечения болезней), использование эмбрионов, специально созданных для исследовательских целей, порождает еще большие этические сложности, поскольку предполагает создание эмбриона, который заведомо будет уничтожен в дальнейшем. В случае терапевтического клонирования проблема усугубляется опасностью «сползания» в перспективе к репродуктивному клонированию человека [25; 60; 64; 74].

В разных странах по поводу использования стволовых клеток и, в частности, полученных из эмбрионов на ранней стадии развития или из абортивного материала, существуют разные, а иногда диаметрально противоположные позиции. Это серьезно осложняет выработку единого подхода на международном уровне – подхода, который был бы закреплен в международно-правовом документе и явился бы обязательным стандартом для всех стран, в которых проводятся исследования в области клеточных технологий.

Тем не менее, несмотря на различия в позициях на национальном уровне, к настоящему времени все же удалось выработать целый ряд международных документов. Некоторые из этих документов имеют непосредственное отношение к рассматриваемым вопросам, а некоторые -закрепляют общие принципы проведения научных исследований с участием человека и медицинского вмешательства. Их объединяет то, что главным при применении любых достижений биологии и медицины является обеспечение всестороннего уважения достоинства человека и соблюдение его прав и свобод. Из числа новейших международных документов следует назвать Европейскую Конвенцию о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 году (Конвенция о правах человека и биомедицине) вместе с Дополнительными Протоколами (в первую очередь, Протоколом 1998 года о запрете клонирования человека). В рамках Совета Европы ведется работа над проектом Дополнительного Протокола о проведении исследований на изъятых у человека биологических материалах и человеческих эмбрионах in vitro. Чрезвычайно важными, хотя и носящими рекомендательный характер, являются Хельсинкская Декларация Всемирной медицинской ассоциации 1964 года (в редакции 2004 года) и два документа ЮНЕСКО: Всеобщая Декларация о геноме человека и правах человека 1997 года и Всеобщая Декларация о биоэтике и правах человека 2005

года.

Основное, что характеризует выработанные на международном уровне подходы к рассматриваемым вопросам, состоит в следующем: получение разрешения на проведение исследований соответствующей официальной структурой; оценка целесообразности исследований и их этическая экспертиза независимым компетентным органом; получение свободного информированного согласия лица (лиц), ткани которого будут использоваться в исследовательских целях; запрет на извлечение финансовой выгоды донорам стволовых клеток; соблюдение конфиденциальности; прозрачность результатов исследований.

К сказанному следует добавить и то, что Конвенция о правах человека и биомедицине запрещает создание эмбрионов человека в исследовательских целях. Относительно возможности проведения исследований на человеческих эмбрионах in vitro, созданных для лечения бесплодия, Конвенция требует, чтобы в тех странах, где такие исследования разрешены национальным законодательствам, эмбриону была обеспечена надлежащая защита.

Международное право и внутреннее законодательство в области биомедицинских исследований в целом развивается медленно и, надо признать, что не поспевает за быстрым прогрессом науки. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) выработала декларацию, имеющую рекомендательную силу, под названием «Всеобщая декларация 1997 г. о человеческом геноме и правах человека». Декларация провозглашает, что «никакие научные исследования не отменяют уважения к правам человека, фундаментальным свободам и человеческому достоинству личности». Декларация затрагивает все вопросы биомедицинских исследований. Однако она почти не повлияла на национальное законодательство и политику в этой области.

В Европе с 1997 года существует Конвенция прав человека и достоинства человеческой личности в связи с применением биологии и медицины (Европейская конвенция о правах человека и биомедицине), так называемая Конвенция Овьедо (место ее подписания) от 4 апреля 1997 года. Тем не менее, это единственный современный международный договор, в котором делается попытка использовать принципы прав человека для защиты людей от возможных злоупотреблений биомедицинскими технологиями. Конвенция является попыткой создать общие принципы действий в этой области для всех европейских стран, имеющих весьма различную историю и нравственные традиции. Поэтому Конвенция допускает широкий спектр законов и политики, от полного запрета таких технологий до более либеральной практики. Конвенция не требует установления единых законов или единой политики, она позволяет отдельным государствам – участникам Конвенции принимать свое законодательство в этой области. Что же касается исследований на эмбрионе или зародышевых тканях, Европейская конвенция о правах человека и биомедицине не запрещает подобных исследований. Однако она все же налагает некоторые ограничения на виды проводимых исследований. В ст.18, где речь идет конкретно об исследованиях эмбриона «в пробирке», говорится: [28, стр. 429] «1. В случаях, когда законом допускается исследования на эмбрионах in vitro, должна быть обеспечена адекватная защита эмбриона.

2. Создание человеческих эмбрионов для исследовательских целей запрещено».

К сожалению, указанная Конвенция не раскрывает положений об «адекватной защите эмбриона». Необходимо разработать Протокол к Конвенции 1997 г., в котором будут установлены дополнительные предписания по защите эмбриона и зародышевых тканей при проведении медицинских исследований.

В международном праве даже нормативные документы (не считая доктрины) не закрепляют однозначную позицию, позволяя апеллировать к тем или другим сторонникам той или иной позиции. В текстах Международного Пакта о гражданских и политических правах (ст. 16) и Всеобщей декларации прав человека (ст. 6) закрепляется общий принцип: «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». Как видно, в тексте отсутствует прямое указание на момент начала обладания правами. Однако, исходя из общих правил толкования, можно сделать вывод, что приведенные документы признают правосубъектным только уже родившегося человека. Эмбрион не является человеком в правовом смысле слова, обязательных положений о праве эмбриона на признание его правосубьекности не закрепляется.

Региональные международные документы практически имеют идентичное содержание. Исключение составляет Американская конвенция о правах человека. Ст. 4 Конвенции устанавливающей право на жизнь, прямо указывает: «Это право защищается законом, как правило, с момента зачатия».

Некоторые другие международно-правовые акты позволяют несколько отойти от приведенного принципа: права возникают с момента рождения человека. Так, в преамбуле Декларации прав ребенка, принятая резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года, подчеркивается: «Ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения». Аналогичная формулировка используется и в преамбуле Конвенции о правах ребенка 1989 года. В ст. 6 говорится, что государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь. В ст. 1 указывается, что ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста. Это между тем означает, что международно-правовые акты направлены на установление обязательств по надлежащей защите эмбриона, что не является тождественным признанию правосубъектности человека с момента его зачатия. Именно на такой вывод наталкивает Европейская конвенция о правах человека и биомедицине, ст. 418 которой закрепляет: «Если закон разрешает проводить исследования на эмбрионах in vitro, он же должен предусматривать надлежащую защиту эмбриона». Приведенная норма опять фиксирует обязательство по установлению надлежащей защиты, но отнюдь не по признанию правосубъектности человека с момента зачатия.

Некая осторожность в международном праве применительно к данной проблеме понятна. Вопрос серьезен, его однозначное решение повлечет соответствующие изменения в национальных правовых системах. Это предопределяет отказ от категорического закрепления права на жизнь с момента зачатия. Исходя из этого, Европейский Суд по правам человека неоднократно уклонялся от определения момента возникновения права на жизнь, дабы не создать прецедент [13; 29; 36; 56; 61; 62; 80].

В конституционном праве юридическая норма и доктрина имеют крайне противоположные примеры регулирования [11; 12; 31; 88]. Конституции большинства государств идут по пути краткого закрепления права на жизнь. В то же время Конституция Словацкой Республики (ст. 15) и Конституция Чешской Республики (ст. 6) дополнительно выделяют положение, что человеческая жизнь достойна охраны еще до рождения. Конституция Ирландии закрепляет более четкие обязательства: «Государство признает право на жизнь нерожденного и, имея в виду равное право на жизнь матери, гарантирует в своих законах уважение и, насколько это возможно, защищает и поддерживает своими законами это право» (ст. 40). Применительно к такому способу текстуального установления следует обратить внимание на значение словосочетания «право на жизнь нерожденного. Противники такого подхода могут сказать, что нерожденный не может существовать вне организма матери, он лишен способности самостоятельно функционировать, отсутствует дыхание, система кровообращения зависит от материнского организма и т.д.,

Можно ли говорить, что нерожденный живет? Человек, находящееся в коме, поддерживается с помощью искусственных мероприятий: вентиляции легких, питания, кровообращения. Однако нельзя говорить, что с потерей сознания человек утрачивает и право на жизнь. В настоящее время проблема определения момента жизни нашла свое отражение в нескольких диссертационных исследованиях. В этой связи вызывает определенный интерес мнение О.Г. Селиховой: «Период внутриутробного развития человека – есть ранний период его биологической жизни. Пребывая в материнской утробе в состоянии эмбриона, он телесно самостоятелен, так как не является частью организма своего носителя и способен к саморазвитию. Ведь происходящие в нем жизненные процессы выступают в качестве внутреннего движителя его развития. Тело матери представляется только идеальной средой развития эмбриона, обеспечивающей его питанием, охраной. С рождением начинается второй этап биологического существования человека, а точнее, этап пребывания его организма в социальной среде. Это свидетельствует об ошибочности бытующего мнения о том, что человеческая жизнь начинается с его рождения. Его следует скорректировать: социальная жизнь человека начинается с момента его рождения» [16; 72, стр. 13-14]. Разделение жизни на биологическую

и социальную является оправданным, но влечет за собой далеко идущие последствия [40; 48; 49]. Конституционное право, закрепляя право на жизнь, говорит, прежде всего о биологической жизни. Если согласиться, что таковая наступает с момента зачатия, то это предопределит запрещение практики абортов и манипуляций с эмбрионами, некоторыми другими биотехнологиями. В российской юридической науке наметились устойчивые тенденции поддержки именно этой точки зрения. Так, Н.И. Беседкина считает, что «юридическое отношение к статусу эмбрионов в нашей стране должно строиться на основе признания того факта, что эмбрион не часть организма матери, а начало новой жизни. Это и должно определять подходы к созданию соответствующего правового ее регулирования, отношение к абортам» [10, стр. 12]. Практически таким же выглядит мнение Е.В. Перевозчиковой: «Конституционное закрепление права на жизнь человеческого эмбриона с момента зачатия может рассматриваться в качестве базы для правового регулирования репродуктивных прав человека, использования человеческих эмбрионов в научно-исследовательских и терапевтических целях» [51, стр. 9]. В этой части уместно также привести мнение авторитетного ученого – проф. А.И. Ковлера: «Современное право решительно определяет иной рубеж: жизнь человека начинается с оплодотворения яйцеклетки» [28, стр. 428]. Следует напомнить, что еще несколько лет назад не то, что такие выводы, даже дискуссии в научных работах в области права не представлялись возможными. В 1977 году О.Ю. Косова сделала попытку косвенного признания права на жизнь нерожденного: «Постепенно выдавливая в течение десятилетий из этики, морали общества правила о недопустимости детоубийства носящей ребенка матерью, расширяя границы легального абортирования, государство юридически обосновывает право матери на убийство собственного ребенка, мало беспокоясь о негативных последствиях этого шага не только для конкретных женщин, но и для общества в целом» [32].

Вместе с тем российское и таджикское общество еще не до конца утратили свое сострадательное отношение к рождаемой человеческой жизни, к зачатому эмбриону. Об этом, в частности, свидетельствует и научная статья профессора О.Э. Старовойтовой под само за себя говорящим названием «Детоубийство как следствие кризиса общественного сознания», которая, между прочим, посвятила проблемам человеческой жизни и кандидатскую, и докторскую диссертации [77; 78]. Она, в частности, пишет: «На наш взгляд, всякие манипуляции с человеческим организмом, ведущие к его гибели, не могут быть оправданы никакими потребностями и объяснениями. Необходим закон который бы охранял права не рожденного ребенка», и дальше продолжает: «аборт, биомедицинские эксперименты, проводимые на эмбрионах, а также искусственное оплодотворение в пробирке (in vitro) представляют посягательство на жизнь и здоровье эмбриона» [76].

Нельзя не сказать, что на модель рассматриваемого правового регулирования оказывают серьезное влияние господствующие религиозные убеждения. Представители христианской конфессии ссылаются на божественную природу человека: И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Бытие, 2:7). Одновременно Дж. Ларю считает: «История творения человека, изложенная в Книге Бытия, свидетельствует о том, что до того, как Яве вдохнул в ноздри Адама «дыхание жизни», сделав его «душою живою», тот был всего лишь сделанной из глины фигурой (2:7). В библейской литературе невозможно найти подтверждение того, в какой именно момент душа входит в тело, а также представляет ли собой плод «личность» или нет» [38, стр. 405].

Представители одной и той же конфессии нередко отстаивают различные точки зрения. С одной стороны, некоторые убеждены, что душа вселяется в человека с момента зачатия. Таким образом, эмбрион следует считать человеческим существом на определенной стадии развития. Сторонники другой точки зрения, обращаясь к той же формуле Книги Бытия, указывают, что человек уже был создан Богом и только потом в него Бог вдохнул душу. Поэтому о человеке как имеющем душу и как о субъекте правоотношений можно говорить только с момента первого вздоха. При этом Фома Аквинский определял момент одушевления на 30-й день после оплодотворения для мальчика и на 80-й – для девочки, основываясь на библейских предписаниях о послеродовом очищении женщины» [89].

В настоящее время православная церковь отстаивает однозначную позицию

– жизнь начинается с момента зачатия [27; 75]. Католическая церковь также придерживается данной точки зрения, что отражено в серьезном научном исследовании «Биоэтика», авторами которого выступают Э. Стречча и В. Тамбоне: «Как только происходит проникновение сперматозоида в яйцеклетку, начинается цепочка действий, которые со всей очевидностью указывают на то, что уже не две системы действуют независимо друг от друга, но возникает новая система, которая начинает функционировать как единство, называемое зиготой или одноклеточным эмбрионом» [71, стр. 155]. В работе отстаивается тертуллиановский принцип: «уже человек тот, кто им станет». Наиболее четко, как представляется, сформулированы доводы признания правосубъектности человеческого эмбриона другим представителем католической церкви Ж. Судо: «Человеческий эмбрион имеет в наличии все характеристики человеческого индивидуума: имеет новую, специфическую биологическую сущность со своей программой жизни и развития; имеет внутренний динамизм, определяемый и управляемый геномой и направленный на постепенное развитие вплоть до формирования взрослого человека; существует в виде независимого организма, т.е. организованного биологического единства, который действует и размножается в определенном порядке; является независимым, т.е. не нуждается во внешних силах для поддержания своей жизненной структуры; является самоконтролируемым в осуществлении своей генетической программы; гаметы, из которых он образуется, доказывают его принадлежность к человеческому роду, что ясно определяется также по особенностям принадлежащей ему генетической структуры (геномы)» [89].

Разделились голоса в мусульманстве и в индуизме. В материалах «Мировые религии в поддержку выбора» отмечается: «Все исламские теологи сходятся в утверждении, что аборт должен быть запрещен, когда он убивает душу, но вопрос о том, когда наступает «одушевление» плода, остается предметом серьезных споров. Большинство правоведов школ Ханафи и Зайди разрешают аборт в течение первых 120 дней, так как считают, что зародыш еще не получает душу вплоть до этого срока. Ученые, школы Ханбали допускают аборт до 40 дней. Среди ученых школы Шафии некоторые допускают аборт в любое время до 120-дневного срока, другие только до 80-дневного, а ряд ученых запрещают в любое время» [42]. Коран напрямую не говорит о воодушевлении плода, указывая на различные сроки, по истечении которых разведенная или овдовевшая из женщин может снова выйти замуж и избежать сомнений относительно отцовства. «Исходя из этих положений и основываясь на предании о пророке Мухаммеде, согласно которому Аллах вдохнул «аль рух», т.е. душу, в зародыш, возраст которого достиг трех месяцев и одной недели, можно сделать вывод, что о зародыше как о человеческой личности можно реально говорить с первой недели четвертого месяца, т.е. на сотый день беременности» [4, стр. 111].

Таким образом, при любом подходе наибольшие надежды возлагаются на юриспруденцию, которая с помощью карательного механизма государства «административным ресурсом» назначила бы столь спорный момент возникновения жизни. В таком контексте следует согласиться с мнением судей Верховного Суда США по делу Roe v. Wade (1973): «Мы не должны здесь принимать решение по столь трудному вопросу, когда начинается жизнь. Поскольку по этому вопросу не могут прийти к одному мнению даже специалисты соответствующих областей – медицины, философии и теологии, то на настоящем этапе развития знаний отвлеченные рассуждения на эту тему не укладываются в компетенции судебной практики» [83, стр. 39]. По-видимому, не юристы должны определить момент возникновения жизни. Цитируемое решение было принято семью голосами против двух. Это еще раз подтверждает, что отнюдь не семь человек (какими бы специалистами они ни были) должны установить, что есть жизнь. Между тем, именно юристы обозначают момент возникновения субъективных прав, от государственно-властных велений зависит, какое деяние будет наказуемым. По-видимому, в силу того, что юриспруденция попала в сложную ситуацию (когда от него требуют формального закрепления момента возникновения права на жизнь), и правовые источники столь скупо комментируют ее, ограничиваясь определением момента возникновения правосубъектности, соотнося его с фактом рождения. Факт рождения можно констатировать визуально, его последствия «ощущаемы» и могут быть четко охарактеризованы медициной. Кроме того, правосубъектность

включает в себе правоспособность, т.е. способность иметь права и нести обязанности. Только родившийся человек способен совершать юридически значимые действия – значит, только он может вовлекаться в сферу правоотношений. Данные положения нельзя рассматривать, как отрицание человеческой природы за эмбрионом и даже санкцию на его убийство. Как представляется, здесь происходит некая путаница различных категорий и понятий. Обладание правовым статусом – особый атрибут, придаваемый субъекту в силу того, что мы все живем в государстве, и многие отношения регулируются с помощью специального регулятора – права. Человек на необитаемом острове не нуждается ни в государстве, ни в признании правоспособности, он сможет жить и без этих в то институтов и институций. Отсутствие закрепления неких прав в законодательстве не означает, что лицо напрочь лишено возможности совершать те или иные действия. Соответственно закрепление в конституции права на жизнь не означает, что только в таком государстве допускается жизнь человека, а в другом – нет. Как уже отмечалось выше, право на жизнь и сама жизнь – различные категории. Приведенные доводы обусловливают уважительное отношение к ребенку и до его рождения. Данная цель должна определять смысл законодательства, которое, в свою очередь, не должно устанавливать то, что не зависит от его велений – саму жизнь. Способы правового регулирования не всеобъемлющи. Следует признать, что человек обладает достоинством, которое предопределяет особое уважение не только к нему, как существующему субъекту, но и к различным формам его существования, как дородовому, так и посмертному.

Еще один аспект обсуждаемой проблемы: логическим следствием признания правоспособности зачатого, но не родившегося ребенка является необходимость решения вопроса о целесообразности внесения изменений в правила о наследственной трансмиссии, в соответствии с которыми, если наследник, призванный к наследованию после открытия наследства умер, не успев его принять, право на принятие причитающегося ему наследства переходит к его наследникам по закону или завещанию. Данная правовая коллизия (когда зачатый ребенок, признаваемый наследником, погибает в утробе матери) обсуждалась еще в далекой древности, в частности в знаменитом «Causa Curiana – «Деле Мания Курия» (90 г. до н.э.). Суть дела заключалась в следующем: некто умер и оставил завещание: «Если у меня родится сын, и он умрет, то я желаю, чтобы Курий был моим наследником». Зачатый ребенок (сын, как полагал и надеялся завещатель) не родился (погиб в утробе матери), и между Курием, названным в завещании, и родственниками наследодателя возник спор о том, к кому должно перейти не реализованное зачатым, но не родившимся ребенком право на наследство.

Предлагается изменить правила, определяющие не только момент возникновения, но и прекращения правоспособности физических лиц. Утверждается, что, «исходя из содержания правоспособности, мы начинаем понимать, что со смертью – с физической смертью человека – жизнь его в правовом смысле не прекращается», т.к. «могут наличествовать завещания, могут наличествовать договора» [54, стр. 46]. Еще одним фактором, свидетельствующим о продолжении правовой жизни (и, следовательно, правоспособности) умершего лица, должны рассматриваться закрепленные законом авторские права на созданные им произведения науки, литературы и искусства (кстати, в соответствии с действующим законодательством авторское право действует не 25, как утверждается, а 50 лет после смерти автора [3]).

Все сказанное позволяет подвести некоторые, хотя и, далеко не исчерпывающие итоги рассмотренных проблем, отличающихся большой сложностью и важным социальным значением. На наш взгляд, нельзя согласиться с прозвучавшим в литературе утверждением о том, что «определение момента рождения и смерти не составляют предмета юридической науки, поскольку речь идет о чисто физиологических понятиях» [45]. Поскольку эти моменты определяют начало и конец не только физиологической, но и правовой жизни каждого физического лица, его существования в качестве самостоятельного и полноправного субъекта права, все аспекты любой из проблем, связанных с рождением и смертью человека, нуждаются в самом тщательном анализе и всестороннем обсуждении. Высказанные в литературе предложения о внесении изменений в Гражданский кодекс, хотя и не являются бесспорными, заслуживают самого пристального внимания, т. к. они подтверждают

стремление к всестороннему совершенствованию тех положений гражданского законодательства. Конституционное положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и что их признание, соблюдение и защита – обязанность государства (ст.2 Конституции РФ, ст. 5 Конституции РТ [1; 2]), должно рассматриваться в качестве основы для дальнейшего совершенствования гражданского законодательства и внесения в него дополнений, обеспечивающих эффективную охрану и защиту субъективных прав граждан на всех этапах человеческой жизни – с момента ее зарождения (в период внутриутробного развития) и на ее завершающей стадии (в терминальном состоянии умирающих лиц).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2016
3. Закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-I «Об авторском праве и смежных правах». П. 1 ст. 27 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1242.
4. Антипова Н.Д. Этические коллизии вокруг проблемы аборта в рамках различных ценностно-мировоззренческих ориентации // Вестник МГУ. Серия 7: Философия. – 2005. – № 1. – С. 107-119.
5. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
6. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 21-27.
7. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как абсолютная ценность // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 16-20.
8. Бабаджанов И.Х. Юридическое содержание права на жизнь и социальная ценность человеческой жизни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 124-133.
9. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
10. Беседкина Н.И. Конституционно-правовая защита прав неродившегося ребенка в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. иаук. – М., 2005.
11. Боброва Н. Конституция в зеркале учёных и политиков. Настольная книга политиков и конституционалистов. – СПб.: Алетейя, 2016. – 256 с.
12. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: Юнити-Дана, 2003.
13. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соответствии с компетенцией Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2006 – № 6. – С. 113-127.
14. Бородин С.В. Преступление против жизни. – М.: Юристъ, 1999.
15. Бояров С. Проблемы определения начала жизни человека в уголовном праве // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 13-14.
16. Брусиловский А.И. Жизнь до рождения. – М.: Знание, 1984.
17. Верховодов Е.В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2001.
18. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
19. Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. – 2004. – № 4. – С. 6-10.
20. Гай. Институции. – М., 1997.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое

поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163-170.
26. Зигель Ф.Ф. Право и прогресс. – Варшава: тип. Варш. учеб. округа, 1913. – 7 с.
27. Игумен Гавриил (Вардаев). Аборт – убийство беззащитных // http://pravoslavye.org.ua/in-dex.php?r_type=article&action=fu]Jinfo&id=5351 .
28. Ковлер А.И. Антропология права: Учебник для вузов. – М.: НОРМА, 2002.
29. Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань: Концепция, 2014. – 296 с.
30. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (Постатейный) / Под ред. В. М. Лебедева. Изд-е 3-е, доп. и испр. – М., 2004.
31. Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. – М.: МГУ, 2001.
32. Косова О.Ю. О конституционном принципе защиты семьи государством // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – № 2. – С. 14-23.
33. Красиков А. Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata u lege ferenda. – Саратов, 1999.
34. Крылова Н. Е. Об уголовно-правовой защите прав человека от общественно опасных нарушений биоэтики // Вестник МГУ. Серия 11: Право. – 2003. – № 1. – С.38-58.
35. Крылова Н. Е. Ответственность за незаконное производство аборта и необходимость уголовно-правовой защиты «будущей» жизни // Вестник МГУ. Серия 11: Право. – 2002. – № 6. – С.44-45.
36. Кузнецова С.Н. К вопросу о системных нарушениях Европейской конвенции о правах человека и пилотных постановлениях Европейского Суда // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 159-164.
37. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
38. Ларю Дж Секс в Библии. – М., 1995.
39. Латинские юридические изречения / Сост. Е.И. Темнов. – М., Юристъ, 1996.
40. Ломброзо Ч. Преступный человек: [пер. с ит.]. – М.: Эксмо ; МИДГАРД, 2005 (СПб.: АООТ Твер. полигр. комб.). – 876, [1] с.: ил., портр., табл.; 24 – (Гиганты мысли).
41. Малеина М. Н. О праве на жизнь // Государство и право. – 1992. – № 12. – С. 50-59.
42. Материалы «круглого стола» на тему «Репродуктивные права в России: пределы законодательного ррегулирования». (Москва, 30 июня 2000 г.). – М., 2000.
43. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете Российских и международных стандартов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 198-212.
44. Михайлова И. А. Возникновение и прекращение правоспособности физических лиц: новые аспекты // Российский судья. – 2004. – № 10. – С. 20-24.
45. Михеев Р. И. Пути научного сотрудничество юристов и медиков на рубеже столетия // Материалы конференции «Медицина и право». – М., 1999.
46. Московские новости. – 2001. – № 1,2.
47. Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование (Постатейный) / Под. ред. Г. М. Резника. – М., 2005.
48. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1962.
49. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. – Саратов: Саратовский ун-т, 1975. – 222 с.
50. Памятники римского права: Законы XII Таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М., Зерцало, 1997.
51. Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека. Автореф. дисс .... канд. юрид. наук. – Казань, 2005.
52. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
53. Права человека. Учебник для вузов / Под. ред. Е.А.Лукашевой. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
54. Предложение о внесении поправок в ГК Российской Федерации в части, касающейся возникновения и прекращения правоспособности физических лиц (интервью с депутатом Государственной Думы, заместителем председателя Комитета по общественным объединениям и религиозным организациям А. В. Чуевым) // Нотариус. – 2004. – № 2. – С 45-48.
55. Римское частное право: Учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М., 1999.
56. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.

57. Романовская В.Б., Титков Е.П. Теория естественного права в проповедях епископа Дамаскина (70-80-е годы XVIII века) // Англия и Европа: проблемы истории и историографии. – Арзамас: АГПИ, 2001.
58. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
59. Романовский Г. Б. Юридическое определение момента возникновения права на жизнь // Государство и право. – 2007. – № 11. – С.71-78.
60. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
61. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
62. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 23-27. – в сб. 243 с.
63. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. - 2013. - № 11. - С. 51-54.
64. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
65. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Право и медицина: доктрина информационного согласия // Новая правовая мысль. – 2002. – № 1. – С. 36-42.
66. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Условия правомерности проведения медицинских экспериментов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4. – С. 14-18.
67. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
68. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 20-32.
69. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
70. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
71. Сгречча Э., Тамбоне В. Биоэтика: Учебник. – М., 2002.
72. Селихова О.Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность: Автореф. дис.... канд. юрид. наук, – Екатеринбург. 2002.
73. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
74. Силуянова И.В. Искушение клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Посад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1998.
75. Спаси и сохрани (Против абортов). Сборник публикаций. – М.; Православный медико-просветительским центр «Жизнь», 1997.
76. Старовойтова О.Э. Детоубийство как следствие кризиса общественного сознания // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 153-169.
77. Старовойтова О.Э. Правовые проблемы танатологии (историко-теоретический аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
78. Старовойтова О.Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
79. Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 25-32.
80. Тарнавская М.И. Морально-оценочные подходы в практике Европейского суда по правам человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 145-150.
81. Уголовное право России. Часть Особенная. Учебник для вузов. Изд-е 2-е, перераб. и доп. / Под. ред. Л. Л. Кругликова. – М., 2004.
82. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник. Изд-е 2-е, перераб. и доп. / Под. ред. А. И. Рарога. – М., 2004.
83. Франковски С. Гольдман Р. , Лентовская Э. Верховный Суд США о гражданских правах и свободах.

– Варшава, 1997.
84. Хазова О.А. Биомедицинская этика: Проблема научного использования человеческого эмбриона и зародышевых тканей // Московский центр гендерных исследований. Материалы «круглых столов» (http://www.gender.ru). – М., 2001.
85. Хазова О.А. Стволовые клетки: Законодательство, исследования и инновации. Международные перспективы сотрудничества. Материалы «круглых столов» (http://www.gender.ru). – М., 2007.
86. Халиков А.Г. Гражданское право зороастризма (древнее право). – Душанбе, 2003.
87. Халиков А.Г. Семейное право зороастризма (древнее право). – Душанбе, 2003.
88. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: Учебник. – М.: Юнити, 2015.
89. www.kcn.ru

ГУСЕВА Валерия Юрьевна,
начальник отделения по выдаче лицензий и разрешений отдела лицензионно-разрешительной работы УМВД России по г. Сочи (г. Сочи, Россия)
E-mail: gusevavalera23@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УЧЕНИЕ О ПРАВОВЫХ ЭМОЦИЯХ Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *Правовая доктрина Л.И. Петражицкого, в которой значительное место уделялось свойствам, так называемых, правовых эмоций оказала значительное влияние на философско-правовую и социологическую мысль России, Польши, Германии и США. Еще в двадцатые годы прошлого века советскими правоведами была предпринята довольно успешная попытка использования методологии Л.И. Петражицкого с целью легитимизации «революционного» правосознания как формы социалистического права. Подтверждается тезис о том, что несомненной заслугой Л.И. Петражицкого является «освобождение» теории права от узкого юридического догматизма. Применительно к современным условиям роль правовой доктрины Л.И. Петражицкого приобретает в том числе и в связи с острой потребностью общества в формировании эффективных механизмов воспитания правовой личности.*

Ключевые слова: *право; правовые эмоции; психологическая теория права; правовая личность; правовое регулирование и воспитание человека; права и обязанности.*

GUSEVA V. YU.

THE DOCTRINE OF LEGAL EMOTIONS L.I. PETRAZHITSKY AND THE ESTABLISHMENT OF THE LEGAL PERSONALITY

The summary. *The legal doctrine of L.I. Petrazhitsky, in which significant place was given to the properties of the so-called legal emotions had a significant influence on the philosophical, legal and sociological thought in Russia, Poland, Germany and the USA. In the twenties of the last century, the Soviet scholars was made quite successful attempt to use the methodology of L.I. Petrazhitsky, with the aim of legitimizing the «revolutionary» consciousness as a form of socialist law. The author confirms the thesis that the undoubted merit L.I. Petrazhitskogo is «liberation» theory of law from a narrow legal dogmatism. As applied to modern conditions the role of the legal doctrine of L.I. Petrazhitsky gains including in connection with acute need of the society in the formation of effective mechanisms of education legal personality.*

Key words: *law; legal emotions; psychological theory of law; legal personality; legal regulation and education of the person; rights and responsibilities.*

«Л.И. Петражицкий принадлежит к числу тех первостепенных мыслителей, чьи новаторские идеи настолько опережали свою эпоху, что их истинное значение выявляется лишь спустя определенный промежуток времени», поэтому, полагал он, философия права ученого «может быть оценена во всем своем значении только в перспективе глубоких изменений, характерных для современной философской и юридической мысли».

Г.Д. Гурвич [23, стр. 339].

Научное творчество видного отечественного юриста Л.И. Петражицкого не только оставило заметный след в истории правовой мысли дореволюционной России, но и продолжает вызывать споры среди отечественных правоведов в связи с переосмыслением новых проблем, имеющих важное социальное, политическое, психолого-педагогическое и т.д. значение для дальнейшего, поступательного развития нашей страны, для формирования высокого уровня правовой культуры [15; 16; 17; 18; 60; 61; 62; 66; 67; 68; 69; 73; 74; 75; 76] и правового сознания граждан [11; 31; 35; 37; 51; 55; 57; 58; 64; 78]. Концепции Л.И. Петражицкого уже давно вышли за рамки права. В частности, одним из достижений Л.И. Петражицкого является то, что он разработал оригинальную теорию государственной власти, которая рассматривалась им в качестве правового явления, основанного на психологических проекциях прав и обязанностей. Именно психологические переживания легли в основу классификации властных отношений государственной власти и граждан. Так называемые, психологические эмоции, не только удостоверяли власть, но и создавали явления власти [24, стр. 185-189; 45, стр. 117].

В понимании великого ученого, право следует рассматривать как исключительно психологическое явление (или феномен индивидуальной психики). Л.И. Петражицкий в определенной мере лишал данное понятие социальной составляющей, отрицая его объективную реальность, в тоже время, наделяя свойством «объективной реальности» индивидуальное правосознание, субъективные переживания (с их двусторонней, императивно-атрибутивной природой). Э.В. Кузнецов подчеркивал, что юридические нормы в психологической теории не исчерпывались лишь велением, поскольку к велению присоединялось «воздаяние» [45, стр. 118].

Сам Л.И. Петражицкий писал: «С моей точки зрения, интуитивное право (и интуитивная нравственность) отнюдь не содержат в себе руководящего совета для сознательно-рациональной политики, и предложенная мною программа политики права, как науки существенно отлична от возведения интуитивного права в руководство для законодательства» [53, стр. 484]. Данная позиция ученого, не совпадающая с доминирующей парадигмой представителей юридического позитивизма сразу привлекла к себе внимание современников, тем более, что, по выражению И.А. Ильина, в начале XX века существовало множество способов изучения права, каждый из которых представлял несомненную ценность и незаменимость: «Вера в спасительный методологический монизм падает и уступает место принципиальному признанию методологического плюрализма» [41, стр. 6]. В тоже время И.А. Ильин вступал в полемику с Л.И. Петражицким и выражал несогласие с тезисом последнего о том, что право и правосознание следует отождествлять: «право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам; оно утверждает и отрицает, оно формулирует и требует – для того, чтобы люди знали, что утверждено и что отринуто, осознавая сформулированное требование … Самая сущность, самая природа права в том, что оно твориться сознательными существами и для сознательных существ, мыслящими субъектами и для мыслящих субъектов» [42, стр. 83-84].

Л.И. Петражицкий пропагандировал мысль о том, что выделенное им интуитивное право – результат внутреннего самоопределения индивида. От количества индивидов зависит число систем интуитивного права. В нем, по Л.И. Петражицкому, выделяется прогрессивное ядро, которое подвижно и гибко реагирует на запросы жизни, и поэтому оказывает давление как на позитивное, так и на официальное право. Неофициальное право и интуитивное право рассматриваются ученым как аналоги «живого» права. Для того, чтобы безболезненно проводить реформы, исключая возможность наступления революции, он предложил развивать прикладную науку – политику права. Данная наука разрабатывает правовые ценности, на базе которых создается справедливое законодательство, отвечающее запросам людей. Таким образом, отрицается всякая догматизация в праве, приводящая к ущемлениям и нарушениям индивидуальных интересов (которые так последовательно отстаивались ученым). В этой связи «неисполняющий добровольно свои юридические обязанности может быть и должен быть подвергнут принудительным мерам» [53, стр. 260].

В обращении мыслителя к анализу правовых ценнотей выступает сегодня как важнейшее актуальное направление изучения правовой реальности [2; 48; 56; 98], да и отечественные ценности, а также национальные политико-правовые

традиции в современном мире [26; 27; 84; 85; 86; 88; 89; 90; 91; 92; 93] существенно различаются на Западе и Востоке. Западные ценности, культивируемые США и Западной Европой, очень часто являются неприемлемыми для России и государств Азии [1; 12; 28; 43; 44; 59; 70; 72; 77; 79; 80; 81; 82; 87; 94; 102], зачастую выступая в качестве антиценностей.

Л.И. Петражицкий обратил внимание современников на два вида государственного принуждения: физическое и психическое. Под физическим принуждением он понимал предусмотренные правом меры, состоящие в применении физической силы для поддержания правопорядка, в том числе и репрессивные. В основе психического принуждения, по Л.И. Петражицкому, лежит чувство страха, боязнь «подвергнуться тем мерам, которые предусмотрены правом в случае неповиновения». Нередко именно страх «психически принуждает граждан сообразовывать свое поведение с требованиями права» [53, стр. 269].

М.В. Синютин пишет, что эмоциональная сторона в жизни человека стала тем фундаментом, который Л.И. Петражицкий закладывает в основу возникновения государства и государственной власти; исходя из основных положений его теории, общественные явления, такие как право и власть, предстают в виде эмоциональных переживаний [96].

Целесообразно отметить, что важнейшим содержанием эмоциональных явлений права Л.И. Петражицкий считал осознанные переживания долга, а также притязания человека на обладание долгом. В результате, как подчеркивал П.И. Новгородцев, объективное обладание общественными свойствами субъектом стало возможным (в рамках психологической теории) посредством моторных раздражений и переживаний индивидуальной психики [50].

В работе «Введение в изучение права и нравственности», Л.И. Петражицкий развивает мысль о том, что в процессе социального общения у человека вырабатываются эмоциональные «равнодействующие» тенденции, которые, сознательно усиливаясь индивидами, способствуют унификации, единообразию и определенности содержания правовых явлений. Сформировавшиеся стереотипы, привычки, эмоции играют в жизни человека доминирующую роль и берут на себя функцию гарантов поведения, направляя вектор общей поведенческой активности на объединение и сплочение (т.е. формируя сознательный путь к «обобщению всего существующего», путь от индивидуализма к коллективизму) [52].

Поскольку право, по Л.И. Петражицкому является психическим фактором общественной жизни и действует, прежде всего, на личностном (сознательном и бессознательном) уровне, то его действие проявляется в возбуждении или подавлении самых различных мотивов, в том числе и в сфере укрепления определенных черт человеческого характера, а также в плане искоренения и исправления социальных пороков.

До революции научная литература о воззрениях Л.И. Петражицкого носила полемический характер, при этом никто не ставил под сомнение его огромное влияние на отраслевые дисциплины. Многочисленные сторонники Л.И. Петражицкого считали, что основная структурная единица этического, социально-психологического и индивидуально-личностного анализа – это человеческое поведение, которое детерминируется и регулируется многими факторами – правовыми, экономическими, политическими, нравственными и т.п. Именно поэтому термин «поведение» фигурирует не только в этике и социальной психологии, но и в социологии, философии, науке о праве. Сегодня, развивая идеи Л.И. Петражицкого об этических мотивах, лежащих в основе человеческих поступков, представляется возможным сформулировать тезис о том, что поведение (рассматриваемое в качестве нравственно-психологического, эмоционального явления) предполагает сознательно-волевой выбор личности, ее способность ставить перед собой социально значимые цели, выбирать средства их осуществления и чувствовать свою ответственность за результаты деятельности [24, стр. 185-189].

Возвращаясь к историческому аспекту рассматриваемой проблемы, необходимо указать, что в Советской России после нескольких лет официального признания (особая заслуга в распространении идей ученого принадлежит М.А. Рейснеру), имя Л.И. Петражицкого было подвергнуто забвению, так как научное наследие «буржуазного» ученого не вписывалось в идеологию всемирной революции и социалистического государства [99, стр. 329-332].

М.А. Рейснер, в частности, писал, что психологическое обоснование права способно успешно

разрешить все существующие в марксизме противоречия, при этом советский государственный деятель, юрист и философ считал, что учение об интуитивном праве базировалось на фундаментальных исследованиях Бирлинга, Гирке, Еллинека, Колера, Кнаппа и ряда других немецких правоведов [54].

Можно согласиться с О.А. Скибиной, что М.А. Рейснер вполне оправданно и обоснованно предлагал рассматривать народное «интуитивное» право в качестве основного рецепта перехода к коммунистическому обществу, при этом, по его мнению, именно господство «интуитивного» пролетарского права способно вызывать эмоциональный отклик и одушевление у народных масс, избежать государственного принуждения, кровавой диктатуры и позволит перейти к новому общественному строю. «Интуитивное» право у М.А. Рейснера равнозначно справедливости; в нем проявляется психология как отдельной личности, так и психология социальных групп, коллективов, классов [97].

Несмотря на вышеуказанные наблюдения отечественных авторов, возьмем на себя смелость предположить, что некоторые идеи «коллективной психологии», правовой справедливости и т.д. прослеживаются в работах основателей советской педагогики, в частности, А.С. Макаренко. Безусловно, автор «Педагогической поэмы» творил в то время, когда любая ссылка (в положительном контексте) на юристов с «буржуазным уклоном», могла перечеркнуть всю дальнейшую жизнь человека. Так, бесспорным достоинством наследия А.С. Макаренко является научное и практическое обоснование идеи о том, что сущность человеческого поведения, формы и средства его регулирования и оценки носят конкретно-исторический характер с учетом индивидуальных (субъективных) особенностей. Для А.С. Макаренко человеческая личность является не механическим продуктом общественных отношений, а активным субъектом, необходимой общественной предпосылкой развития. Коллективное историческое движение, считал педагог, – это осмысленная деятельность человеческих индивидуумов, объединенных одной идеей, стремлением к лучшей жизни [95, стр. 153-159; 49, стр. 240-247].

Взаимодействие между личностью и обществом советский педагог рассматривал неоднозначно. С одной стороны, предполагал он, личность есть индивидуализированный результат развития конкретно-исторических отношений, а с другой – она есть творческое, эмоциональное начало, которое не только перерабатывает «внешнее», «социальное» в «личное», но и вносит нечто «от себя самого» в социальное. Общественные отношения, существуя объективно, вне и независимо от сознания, в то же время являются и собственными отношениями отдельной личности. Эта связь весьма неоднозначна, а всевозможные закономерности – динамичны. Общественные отношения, образующие основу личности, находятся в сложном (и даже противоречивом) единстве, в «полифонии», которая характеризуется определенными внутренними (эмоциональными) отношениями и психологическими взаимосвязями. Эти отношения выстраиваются в строгом иерархическом соподчинении. Одни из них – главные, ведущие, другие – подчиненные. У различных людей совокупность их реальных эмоциональных отношений может быть примерно одинаково широкой или, наоборот, одинаково узкой, но характеристика их личности будет различна в зависимости от того, какие отношения занимают у данного человека главное место, а какие – подчиненное, второстепенное [47].

Таким образом, подводя итог сказанному, представляется возможным сформулировать тезис о том, что концепция Л.И. Петражицкого о правовых эмоциях вполне применима при разработке эффективных механизмов формирования правовой личности, так как суть указанного процесса заключается в воспитании и закреплении правовых качеств, активном приобретении самим человеком правовых знаний, навыков, умений. Интернализация граждан должна осуществляться на основе общественной потребности в регулировании и координации жизнедеятельности всех членов сообщества. Средством интернализации является система правовых норм, ориентирующих личность (интеллектуально, эмоционально и т.д.) на вполне конкретные, социально одобряемые образцы поведения (при этом ограничивающие деятельность граждан определенными рамками). Именно «правовые эмоции» являются важнейшим регулятором поведенческой активности личности, одним из средств ее правового воспитания путем включенности человека в

систему правоотношений, сложившихся в данный исторический период, как патриота и созидателя своего Отечества [25; 29; 46; 63; 65; 71; 101], что выступает сегодня нашей национальной идеей [83]. В частности, выступая на активе клуба лидеров неформального объединения представителей малого и среднего бизнеса, В.В. Путин заявил «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма». Президент также добавил: «Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо» [104].

Актуальность обращения к творчеству Л.И. Петражицкого возрастает в современных условиях в связи с обоснованием новых концепций правопонимания В.М. Шафировым [103], Ф.Х. Галиевым [13; 14; 19; 20; 21; 22], Ю.П. Боруленковым [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] и особенно профессорами В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым [30; 32; 34; 36; 38; 40; 100]. Компрехендная теория познания права, разработанная и предложенная ими, заставляет более внимательно относиться ко всем ранее выдвинутым концепциям, в том числе и незаслуженно забытым. Каждая из них является той гранью права, как грань бриллианта, о которых пишут мыслители [33; 39].

Список литературы

1. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
2. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
3. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199.
4. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 206-216.
5. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201-210.
6. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 200-209.
7. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: философский подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 192-204.
8. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): Монография / Под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 392 с.
9. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика) / Под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 536 с.
10. Боруленков Ю.П. Юридическое познание: кризис методологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 205-211.
11. Булатов Р.Б., Биктасов О.К., Ильичев В.В., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Состояние и проблемы правосознания современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 10-15.
12. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
13. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
14. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
15. Галиев Ф.Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство: теория и практика. – 2009. – № 4(18). – С. 8-9.
16. Галиев Ф.Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2(36). – С 52-58.
17. Галиев Ф.Х. Правовая культура и регулирование общественных отношений. – М.: Этносоциум, 2009. – 184 с.

18. Галиев Ф.Х. Правовая культура и социальные нормы. – М.: NOTA BENE, 2010. – 174 с.
19. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
20. Галиев Ф.Х. Правовая культура и традиционная картина мира // Право и государство: теория и практика. – 2009. - № 8(56). – С. 129-133.
21. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
22. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
23. Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Г.Д. Гурвич Философия и социология права. Избр. соч. / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. – СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.
24. Гусева В.Ю. Соотношение эмоций, мотивов и нравственного поведения в работах Л.И. Петражицкого // Правовое поле современной экономики. – 2013. № 11. – С. 185-189.
25. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Навеки в памяти народной (к 625-летию Куликовской битвы) // История государства и права. – 2005. – № 9. – С. 2-7.
26. Дашин А.В., Сальников М.В., Клименко О.А. Обычное право в правовой системе традиционного общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 42-58.
27. Ерофеев К.Б., Сальников М.В. Древняя Русь и правовые идеалы славянских язычников // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 52-66.
28. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
29. Жизнь и победа. Герой Советского Союза Ашик Михаил Владимирович. Страницы биографии. – СПб., 2015. – 259 с.
30. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
31. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 48-53.
32. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
34. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
37. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. - 2015. - № 11. - С. 172-180.
38. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
39. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
40. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
41. Ильин И. Понятие права и силы. Опыт методологического анализа. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016.
42. Ильин И.А. О сущности правосознания // И.А. Ильин. Соч. в 2-х т. Т. 1. – М., 1993.
43. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
44. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.

45. Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М.: Юридическая литература, 1989.
46. Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты. Документально-художественная книга. – М., СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.
47. Макаренко А.С. Собрание сочинений в 4-х томах. – М.: Правда, 1987.
48. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
49. Неустроев А.Н., Софронеев В.А. Педагогическое наследие Макаренко А.С. в Польше: инновация и противоречие // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 6. – С. 240-247.
50. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. – М., 1992.
51. Олейников В.С., Джегутанов Б.К., Балахонский В.В. Философия права и правосознания: Монография. – СПб, 2009.
52. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. – СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1905.
53. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. – СПб., 1909.
54. Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. – СПб., 1908.
55. Реуф В.М., Сальников С.П. Правосознание как функция и функции правосознания // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 12. – С. 54-61.
56. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
57. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
58. Романовская В.Б. Русское правосознание: исторические особенности // Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
59. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
60. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163.
61. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 7-10
62. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.
63. Садовников М., Шаманов В., Маресьев В. Легендарный Маресьев. – Бологое – Камышин, 2016. – 272 с.
64. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
65. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
66. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
67. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
68. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
69. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
70. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
71. Сальников В.П., Гутман М.Ю. «И была брань крепкая и сеча злая» (к 625-летию Куликовской битвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. С. 104-109.
72. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
73. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
74. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
75. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.

76. Сальников В.П., Стремоухов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
77. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
78. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
79. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
80. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
81. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
82. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
83. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-23.
84. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
85. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
86. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
87. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
88. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
89. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
90. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
91. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
92. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
93. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
94. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
95. Симатова Т.В. Идеи А.С. Макаренко в решении современной проблемы трудового воспитания // Вестник ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2006. – № 4. – С. 153-159.
96. Синютин М.В. Методологическая роль категорий «Право» и «Власть» в русской позитивной социологии XIX начала XX века. – СПб., 1994.
97. Скибина О.А. Психологическая теория права Л.И. Петражицкого и марксизма в учении М.А. Рейснера. [Электронный ресурс] URL: http://www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/42.html
98. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
99. Ушкарев О.А. Учение Л.И. Петражицкого о праве и его оценка в российской юридической науке // Вестник ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2012. – № 5. – С. 329-332.
100. Федоров А.В., Шахматов А.В. Компрехендный подход профессора В.П. Сальникова к изучению правовых вопросов противодействия наркопреступности: к юбилею ученого // Наркоконтроль. – 2016. – № 3(44).

– С. 39-44.
101. Чагин Г.В., Кубарев А.Г. Чагины. 600 лет на службе России. – М.: Буки-Веди, 2015. – 240 с.
102. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
103. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
104. http://rispit.ru/society/natsionalnaya-ideya-rossii-patriotizm-21165.html

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

БРЫЛЕВА Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук (г. Пермь, Россия)
E-mail: elenbrylev@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

Аннотация. *Анализируются различные подходы к определениям понятий «ребёнок», «дети», «несовершеннолетние» в международном и российском праве. Отмечается, что в России термин «несовершеннолетний» применяют преимущественно в уголовном и гражданском праве, а в конституционном или семейном праве в первую очередь используется термин «ребенок». Рассматриваются проблемы определения правового статуса ребенка, важность юридического закрепления его прав, свобод и законных интересов.*

Ключевые слова: *ребенок; несовершеннолетний; дети; правовой статус; правоспособность.*

BRYLEVA E.A.

SOME THOUGHTS ON THE LEGAL STATUS OF MINORS IN RUSSIA

The summary. *Various approaches to definitions of concepts "child", "children", "minor" in the international and Russian right are analyzed. It is noticed, that in Russia the term "minor" apply mainly in criminal and civil law and in the constitutional or family right the term "child" first of all is used. Problems of definition of a legal status of the child, importance of legal fastening of its rights, freedom and legitimate interests are considered.*

Key words: *the child; the minor; children; a legal status; legal capacity.*

Как известно, под правовым статусом личности понимается система признанных и закрепленных государством в законодательном порядке прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов личности как субъекта права. В рамках нашего исследования принципиален подход Н.Е. Борисовой к ребенку как субъекту права так как «ребенок представляет собой социальное существо не только потому, что он постоянно окружен атмосферой социальности, которой дышит так же, как его легкие дышат воздухом, но также и потому, что он сам живет активной социальной жизнью, входит составной частью в ее организованные формы,

участвует в ее творчестве» [19, стр. 8].

Российское законодательство закрепляет понятие ребёнка в п. 1 ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации [3] (далее – СК РФ), ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации», ст. 3 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [4]: «Ребёнок – лицо, не достигшее возраста 18 лет». Аналогичное понятие закреплено и в ряде законов субъектов Российской Федерации: например, в ст. 1 Закона Республики Башкортостан от 31 декабря 1999 г. № 44-з «Об основных гарантиях прав ребёнка в Республике Башкортостан», в ст. 1 Закона Приморского края от 29 декабря 2004 г. № 217-КЗ «О защите прав ребёнка в Приморском крае», в ст. 1 Закона Костромской области от 11 ноября 1998 г. № 29 «О гарантиях прав ребёнка в Костромской области» [31; 32; 33] и других нормативно – правовых актах.

Отсюда можно сделать вывод, что формально понятие «ребёнок» используется для характеристики лица, не достигшего 18-летнего возраста (совершеннолетия). В то же время, по наблюдениям некоторых учёных, понятие «ребёнок» в международном и российском праве не являются тождественными. По мнению Е.Н. Микитовой, формулировка, содержащаяся в Конвенции 1989 г. «...максимально расширила содержание понятия «ребёнок», существующего в российском праве, наделяя данным статусом (а, соответственно, и защитой) не только человека, а человеческое существо» [28, стр. 24].

Несомненно, такая точка зрения имеет право на существование. Дело в том, что ни международное, ни российское право не даёт ответа на вопрос, с какого момента человеческое существо можно считать ребёнком. В преамбуле Конвенции 1989 г. воспроизводится положение Декларации прав ребёнка 1958 г. о том, что «ребёнок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Отсюда, понятие ребёнок может включать в себя и период до рождения. Например, в Гражданском кодексе Аргентины существует такое положение: «жизнь человека начинается с момента зачатия в утробе матери, и индивид может приобретать некоторые права до рождения, как если бы он уже был рождён». [44]

Рассматривая вопрос о самом важном юридическом факте в жизни каждого человека – моменте его рождения, необходимо обратиться к действующему российскому законодательству, где содержится ряд положений по интересующей нас проблеме.

В п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) говориться, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения. Следовательно, плод в утробе матери в России правоспособностью не обладает. Однако гражданско – правовая защита гарантируется по существенным вопросам уже до рождения. Так, п. 1 ст. 1116 ГК РФ содержит положение о том, что к наследованию могут призываться граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Значит, гражданская правоспособность ребёнка как наследника возникает только в том случае, если он родиться живым. В ст. 1166 ГК РФ закреплено, что при наличии зачатого, но ещё не родившегося наследника раздел наследства может быть осуществлён только после рождения такого наследника. Отсюда, ребёнок будет участвовать в разделе имущества только в том случае, если родиться живым.

Примеры, связанные с возникновением правового регулирования зачатого ребёнка, можно найти и в других российских законодательных актах. В части второй Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) подп. 1 п. 1 ст. 218 [2] предусмотрено, что вследствие аварии в 1957 г. на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча, к имеющим право на получение стандартного налогового вычета, в частности, относятся дети, которые в момент эвакуации (переселения) находились в состоянии внутриутробного развития [2].

Существующая правовая неопределённость начала человеческой жизни вызвала дискуссию в юридической науке [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Одни авторы настаивают на том, что права ребёнка подлежат определённой защите до момента появления ребёнка на свет [30], поскольку эмбрион это не часть организма матери, а начало новой жизни, подлежащее соответствующему правовому регулированию [16, стр. 26]. Другие, считают целесообразным относить понятие «ребёнок» лишь к ребёнку уже

рождённому [41, стр. 13], определяя нижнюю возрастную границу этой категории моментом рождения [24, стр. 13]. Думается, что именно этот подход является разумным и оправданным, поскольку нерождённый ребёнок не может реализовать своих прав ни самостоятельно, ни через законных представителей и это становиться действительно возможным лишь с момента рождения живого ребёнка.

Так, по мнению И.Н. Беседкиной, неродившийся и родившийся ребенок – это стадии развития одного и того же человека. Следовательно, к неродившемуся ребенку допустимо относиться как естественной фазе развития человека, которая начинается во внутриутробный период и заканчивается достижением совершеннолетия [15].

Профессор Г.Ф. Шершеневич относительно правоспособности ребенка указывает: «… следует признать, что правоспособность возникает не ранее, как с момента появления на свет живого существа… Не зародыш, а родившийся ребенок оказывает влияние на юридические отношения. Рождение составляет настолько необходимое условие правоспособности, что появление мертвого ребенка лишено юридического значения, зародыш рассматривается как бы никогда не существовавшим. Если ребенок родился живым, то он тем самым приобретает правоспособность, хотя бы он вскоре после этого умер» [40, стр. 75-76].

Точка зрения о том, что правоспособность человека возникает с момента его рождения, придерживается и профессор М.М. Утяшев: «Совсем не трудно согласиться, что два рожденных в одном роддоме и в одно и то же время малыша имеют от рождении равные права на жизнь, на выбор места жительства, на образование и здравоохранение, на достойный уровень жизни, на личную неприкосновенность, на чистую воду и качественнее мамино молоко» [39, стр. 11].

Профессор А.Е. Казанцева также связывает возникновение прав ребенка с его рождением. Она полагает и следует с ней в данной вопросе согласиться, что рождение приводит к возникновению множества правоотношений, участником которых становится ребенок: правоотношения с медицинским учреждением, в котором он родился; семейных, возникающих не только с отцом и матерью, но и с бабушками, дедушками, братьями, сестрами и другими родственниками [22, стр. 89-93].

Аналогично наши зарубежные коллеги также стоят перед диллемой с какого момента индивидуума наделять правоспособостью.

Например, английский юрист У. Блэкстон в книге «Rights of persons» [43] провозгласил право ребенка на жизнь с момента зачатия уже в середине XVIII века (1765 – 1769 г.).

В 1861 году в Великобритании (Англии) был принят «Акт о преступлениях против личности», согласно которому считалось, что у ребенка с момента зачатия есть право личности на жизнь. В соответствии с п. 58 Акта, «всякая беременная женщина, решившая избавиться от своего плода, должна преследоваться по закону. Если женщина воспользуется каким-либо ядом или использует какой-либо инструмент для проведения аборта себе или другой женщине, она будет подвергнута уголовному наказанию пожизненно заключена в тюрьму». В п. 59 Акта предусматривалась ответственность за сокрытие факта рождения ребенка, мертвого или живого.

В стране прецедентного права была предпринята попытка решить проблему наделения нарожденного ребенка правами в судебном порядке. В мае 1978 г. Высший суд Англии рассмотрел дело Мерсэйсайд в отношении его жены. Он обратился в суд с целью защитить право на жизни нерожденного ребенка, отцом которого являлся. Мерсэйсайд считал, что данное право ребенка можно реализовать путем запрета его жене прервать беременность.

Высший суд Англии отклонил обращение Мерсэйсайд, аргументируя это тем, что ребенок не существует юридически. При вынесении решения Высшим судом Англии особую роль сыграли слова сэра Бейкера о том, что нерожденный ребенок не имеет юридических прав до его рождения в силу того, что плод в английском законе не может иметь никакого права, так как он не рожден и не имеет отдельного существования от своей матери. Аналогичный принцип содержится и в правовых системах США, Канады, Австралии «человек признается убившим ребенка, если ребенок был рожден живым и имел независимое от матери существование».

В настоящее время в Великобритании действуют нормативно – правовые акты, которые нерожденного признают ребенком с 24 недель

[25, стр. 27-31].

В контексте этих рассуждений полагаем, что право начинает действовать в отношении ребёнка как специального субъекта в правоотношениях с момента рождения его живым и до достижения совершеннолетия (18 лет). Данная позиция не противоречит ни нормам Конституции РФ, ни Конвенции о правах ребёнка 1989 г. по следующим соображениям. Одно из указанных в ч. 2 ст. 17 Конституции РФ свойств основных прав и свобод человека и гражданина, разумеется, и ребёнка, определяет механизм их возникновения – момент рождения человека. Возраст совершеннолетия установлен в российском законодательстве – 18 лет, что соответствует ст. 60 Конституции РФ и Конвенции 1989 г.

В тоже время, что касается прав нерожденного ребенка на жизнь, здоровое развитие, охрану здоровья и медицинскую помощь, в данном случае необходимо говорить о едином целом с матерью, находящейся в состоянии беременности. Не случайно российский законодатель предусмотрел повышенную правовую защиту беременных женщин. (уголовно – правовая сфера, трудовые правоотношения, и т.д.).

Международное законодательство также не оставило без внимания женщин в «особом» положении. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах запрещает приводить в исполнение смертный приговор в отношении беременных женщин [27, стр. 43-51]. Дополнительный протокол № 1 к Женевским Конвенциям от 12 августа 1949 г. помимо данного запрета устанавливает первоочередность рассмотрения дел беременных женщин, которые подвергаются аресту, задержанию или интернированию по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, рассматриваются в первоочередном порядке [20]. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах гарантирует особую охрану матерям в течение разумного периода до и после родов и предоставление работающим матерям оплачиваемого отпуска или отпуск с достаточными пособиями по социальному обеспечению [27, стр. 43-51].

При определении правового положения ребенка понятие «статус» встречается часто. Говорится о так называемом статусе детства, юридическом статусе детей, о признании самостоятельного статуса государственной социальной политики в интересах детей. Объект этой политики – дети, предмет – комплексный процесс улучшения их жизнедеятельности. Отводится особая роль проблемам и решениям, в области защиты прав ребенка, нового политического статуса. Особенности гражданских, трудовых, семейных правоотношений с участием несовершеннолетних рассматриваются в контексте определения правового статуса молодежи. Об особой, усиленной охране прав ребенка свидетельствует и требование сохранения за эмансипированным несовершеннолетним специфического статуса несовершеннолетнего лица. Однако все вышеперечисленные понятия и определения не дают четкого представления о сущности правового статуса ребенка, несовершеннолетнего.

Очевидно, что правовой статус ребенка (несовершеннолетнего) вытекает из правового статуса человека с учетом возрастных и иных особенностей. Правовой статус находит свое закрепление в конституции, других нормативных правовых актах любого государства, а также в международных правовых актах. Соответственно, правовой статус несовершеннолетних в России складывается из положений Конвенции о правах ребенка (согласно ст. 15 Конституции РФ), норм Конституции РФ и других нормативно-правовых актов.

В настоящее время некоторые специалисты в качестве основного (стержневого) выделяют конституционный статус ребенка [19, стр. 9].

Н.Е. Борисова отмечает что «конституционные нормы имеют общую, универсальную регламентацию статуса личности, они касаются не какой-либо одной стороны, а всех наиболее важных его сторон; однако не в полном объеме, не в деталях, а лишь в обобщенном виде, выражающем самые существенные черты правового положения личности в целом» [26, стр. 121]. При этом «конституционно-правовой статус» – более широкое понятие. Он включает нормы не только Конституции РФ, но и других источников конституционного права. Такой статус более разносторонен и богат по содержанию, учитывает родовые признаки субъекта, и поэтому ему не свойственны однотипность и унификация [18, стр. 56]. Борисова Н.Е. определяет особенности конституционного-правового статуса ребенка, в который помимо системы прав, свобод и обязанностей, законных интересов должны включаться

в качестве обязательных элементов социально-экономические, политические, идеологические и юридические гарантии его реализации. Это и будет составлять механизм правового регулирования общественных отношений с участием несовершеннолетних [19, стр. 11].

Литература по семейному праву выделяет семейно-правовой статус ребенка [6; 17; 21; 29; 36; 37; 38]. Анализ семейного законодательства позволяет сделать вывод о том, что оно наделяет ребенка определенным набором прав, предусматривает отдельные меры их обеспечения, частично исходит из интересов ребенка.

Если продолжить данную классификацию, взяв в качестве критерия подразделение системы права на отрасли, то дополнительно можно выделить: уголовно-правовой, гражданско-правовой статус ребенка и т.д.

В зависимости от наличия гражданства можно выделить правовой статус несовершеннолетних – граждан Российской Федерации и иностранных граждан, лиц без гражданства (апатридов) и т.д.

В зависимости от жизненной ситуации можно выделить правовой статус детей: оставшихся без попечения родителей; инвалидов; с ограниченными возможностями здоровья, т.е. имеющих недостатки в физическом и (или) психическом развитии; жертв вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий; из семей беженцев и вынужденных переселенцев; детей, оказавшихся в экстремальных условиях; жертв насилия; отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; находящихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях и др.

Употребляя термины «ребенок», «дети», «несовершеннолетние» равнозначно мы не допускаем юридической ошибки. Определимся с возрастными границами и поясним вышеуказанное.

Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. в ст. 1 говорит о несовершеннолетнем как о человеческом существе до достижения им 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достиг совершеннолетия ранее [23].

Правила ООН, принятые в 1990 г. и затрагивающие вопросы защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, не содержат никаких уточнений относительно возрастного порога несовершеннолетия [34, стр. 112]. Минимальные стандартные правила ООН, принятые в 1985 г., касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), не устанавливая их конкретный возраст, тем не менее, указывают, что несовершеннолетним является ребенок или молодой человек, который в рамках существующей правовой системы может быть привлечен за правонарушение к ответственности в такой форме, которая отличается от формы ответственности, применимой к взрослому (Правило 2.2.а). Следует отметить, что возрастные пределы будут зависеть от положений определенной правовой системы, тем самым полностью учитывая экономические, социальные, политические, культурные и правовые системы государств-членов ООН. Комментарий к Пекинским правилам охватывает в понятии «несовершеннолетний» широкий возрастной диапазон – от 7 до 18 лет или старше. Текст Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (приняты в Эр-Рияде в 1990 г. [35, стр. 103-105]) также не содержит конкретного определения возраста несовершеннолетнего.

Очевидно, что если в международных документах отсутствует указание на возраст, с достижением которого наступает совершеннолетие, то выбор (из имеющихся в международной практике стандартов) при его определении должен быть сделан в пользу верхней возрастной границы. В большинстве случаев, несомненно, основанием для определения возрастных рамок несовершеннолетия должны стать положения Конвенции ООН 1989 г., которая признает «ребенком каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста» [23].

В этой связи следует согласиться с выводом А.В. Заряева, В.Д. Малкова о том, что верхнюю возрастную границу несовершеннолетия следует установить на уровне 18 лет, поскольку начиная именно с этого возраста, физическое лицо практически становится полноправным членом общества [42, стр. 15].

В настоящее время законодательство практически всех стран мира определяет, что дееспособным в полном объеме гражданин становится с момента достижения определенного возраста, установленного в законе, который считается возрастом совершеннолетия. Во Франции,

Великобритании и России этим рубежом является наступление 18-летнего возраста. В Германии этот вопрос решен по-иному, и днем наступления совершеннолетия считается день окончания 18-го года жизни. Японский законодатель еще выше поднимает возрастную планку наступления полной дееспособности – до 20-летнего возраста. В ряде штатов США совершеннолетие наступает в возрасте 21 года.

Отечественное законодательство, как и международные акты, широко использует термин «несовершеннолетний» (малолетний, ребенок, подросток). Дополнительные сложности создает тот факт, что законодатель, как правило, не формулирует четкое определение этого понятия для каждой отрасли права, вероятно, относя его к очевидным. Такую ситуацию можно наблюдать на примере источников гражданского, административного, трудового и ряда других отраслей законодательства. В то же время в российском праве существуют отрасли, где дается трактовка указанного термина (например, в уголовном, уголовно-процессуальном, семейном праве).

Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 111-ФЗ введено в ст. 1 федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» понятие «несовершеннолетний» – лицо, не достигшее возраста 18 лет.

Часть 1 ст. 54 Семейного кодекса РФ под ребенком признает лицо, не достигшее возраста 18 лет (совершеннолетия) [3].

Ст. 14.1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (в ред. от 17 декабря 2009 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» при перечислении мер по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей называет детьми «лиц, не достигших возраста 18 лет» [4].

Вышеприведенные примеры показывают, что законодатель не делает различий между понятиями: «ребенок», «дети», «несовершеннолетние». Однако по наблюдениям некоторых ученых, понятие «ребенок» более емкое по своему содержанию, чем понятие «несовершеннолетний». Так, профессор А.С.Автономов отмечает: «Если первое понятие содержит характеристику весьма важного этапа жизни человека, то последнее акцентирует внимание прежде всего на отсутствии у человека определенного качества. А именно – на том, что лицо не достигло определенного возрастного рубежа [5]. Исходя из этого понятие «несовершеннолетний» применяют преимущественно в уголовном и гражданском праве (т.е. соответствующем законодательстве, в рамках которого существенное значение имеет такой формальный аспект, как возраст). В других же отраслях права, таких, например, как конституционное или семейное право, в первую очередь используется термин «ребенок». Соответственно, следует употреблять все три термина в одном и том же значении.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
3. Семейный кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
4. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.
5. Автономов А.С. Уполномоченный по правам ребенка и система ювенальной юстиции в России // Вопросы ювенальной юстиции. Альманах. Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН) № 1. – М., 2001.
6. Антокольская М.В. Лекции по семейному праву. – М., 1995.
7. Бабаджанов И.Х. Возникновение правосубъектности человека: некоторые дискуссионные вопросы истории и современности // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 122-129.
8. Бабаджанов И.Х. Государственная политика в области охраны права внутриутробного ребенка на жизнь: законодательство России, Республики Таджикистан и других стран // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 40-53.

9. Бабаджанов И.Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико-аксиологический и частно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Душанбе, 2014.
10. Бабаджанов И.Х. Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона: проблемы правового регулирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 7-21.
11. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 21-27.
12. Бабаджанов И.Х. Правовое регулирование статуса эмбриона человека: светский и религиозный аспекты // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 14-26.
13. Бабаджанов И.Х. Правовой статус человеческого эмбриона: несколько подходов к анализу // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 10-28.
14. Бабаджанов И.Х. Суррогатное материнство: некоторые вопросы правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 100-110.
15. Беседкина Н. Права неродившегося ребенка: личные неимущественные и имущественные //. Право и жизнь. – 2005. – № 82. – С. 118-144.
16. Беседкина Н.И. Конституционно-правовая защита прав неродившегося ребёнка в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
17. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в РФ: Монография. – Владимир, 2000.
18. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М., 2001.
19. Борисова Н.Е. Конституционно-правовой статус ребенка – основа формирования ювенального права // Закон и право. – 2003. – № 6. – С. 8-12.
20. Дополнительный протокол 1 к Женевским Конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г.// ИПП ГАРАНТ
21. Казанцева А.Е. Обязанности и права родителей (заменяющих их лиц) на воспитание детей и ответственность за их нарушения. – Томск, 1987.
22. Казанцева А.Е. Семья и право (к 10 летию принятия Семейного Кодекса Российской Федерации). – М., 2005.
23. Конвенция о правах ребенка: одобрена ГА ООН 20 нояб. 1989 г.: (вступила в силу для СССР 15 сент. 1990 г.) // Сб. междунар. договоров СССР. – 1993. – Вып. XLVI.
24. Лобанова Т.В. Правовое положение ребёнка в России и Великобритании (Англии): теоретико-правовой анализ: Автореф. дис. . канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006.
25. Лобанова Т.В. Правовой статус ребенка в России и Великобритании (Англии): теоретико-правовой анализ. Дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006.
26. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации: проблемы ее реализации. – М., 2002.
27. Международный пакт о гражданских и политических правах // Международные акты о правах человека. Сб.документов. – М.: Норма, 2002.
28. Микитова Е.Н. Особенности правового статуса ребенка в Российской Федерации. Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002.
29. Нечаева А.М. Правовая охрана детства в СССР. – М., Наука, 1987.
30. Никонов Катажина. Современные теоретические аспекты института международно-правовой защиты и поощрения прав ребёнка // Московский журнал международного права. – 2009 – № 1. – С. 83-102.
31. О гарантиях прав ребёнка в Костромской области: закон от 11.11.1998 г. № 29 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»
32. О защите прав ребёнка в Приморском крае: закон от 29.12.2004 № 217-КЗ [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»
33. Об основных гарантиях прав ребёнка в Республике Башкортостан: закон от 31.12.1999 г. № 44-з [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»
34. Пекинские правила // Сб. междунар. стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. – М., 1998.
35. Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы // Сб. междунар. стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. – М., 1998. – С. 103-105
36. Правонарушения в сфере личных семейных отношений. – М., 1991.
37. Салтанова С.А. Законодательство о защите прав семьи. – М. ; СПб., 1998.
38. Сорокин С.А. Права ребенка в семье. – М., 1999.
39. Утяшев М.М., Утяшева Л.М. Права человека в современной России: Учебник для вузов и средн. учебных заведений. – Уфа: Полиграфкомбинат, 2003.
40. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). Вступит. статья Е.А.Суханова. – М.: Спарк, 1995.
41. Шийко-Окрух Малгожата. Международно – правовые вопросы защиты прав ребёнка: Автореф. дис. ... канд.

юрид. наук. – М., 2002.
42. Ювенальное право: Учебник / Под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. – М., 2005.
43. Blackstone W. The rights of persons: being the first book of Blackstone's commentaries: incorporating the alterations down to the present time / Ed. by James Stewart. London: Spettigue and Farrance, 1849.
44. Conclusion observation: Argentine CRC/C/

ДАШИН Алексей Викторович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (г. Самара, Россия)
E-mail: avdashin@mail.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

МЕСТЬ И ВОЗМЕЗДИЕ В ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация. *Рассматриваются вопросы мести за совершенное преступление на Северном Кавказе. Отмечается, что даже осуждение виновного ни к коей мере не освобождало его и его семью от угрозы совершения кровной мести со стороны родственников потерпевшего. Данная общинная идеология пытается влиять не только на индивидуальное правосознание жителей, но и правосознание государственных судей и на их решения.*

Ключевые слова: *кровная месть; община; родственники потерпевшего; наказание; возмещение ущерба.*

DASHIN A.V.
SAL'NIKOV S.P.

REVENGE AND RETRIBUTION IN THE HISTORY OF THE NORTH CAUCASUS

The summary. *Questions are considered to sweep for the committed crime in the North Caucasus. It is marked, what even condemnation guilty to any measure did not release it and his family from threat of fulfilment of blood feud from relatives of the victim. The given communal ideology tries to influence not only individual sense of justice of inhabitants, but also sense of justice of the state judges and on their decisions.*

Key words: *blood feud; a community; relatives of the victim; punishment; damage compensation.*

Если в исходном конфликте было совершено умышленное убийство, особенно при отягчающих обстоятельствах, то медиаторам и односельчанам нелегко уговорить родственников потерпевшего на примирение [13; 15; 17; 21; 24; 29; 42]. По сообщению информаторов, в таких случаях кабардинцы и балкарцы предпочитают не возмещать ущерб, а мстить. Наконец, затруднено использование традиционного посредничества и в тех случаях, когда убит родственник: чем ближе родственники, тем сложнее примирение [28; 36].

При умышленных убийствах родственники виновных, как правило, даже не пытаются через посредников начинать переговоры о примирении с родственниками потерпевших. Последние обычно ведут себя очень агрессивно

и в большинстве случаев обращаются к российским судьям с просьбой, а порой и с требованием об определении виновному самого строго наказания, вплоть до расстрела. Иногда во время судебного процесса они заявляют, что отказываются от получения материальной компенсации в пользу вынесения российским судом смертного приговора виновному. Так, мать убитого осетина назвала обычай традиционного примирения «дурацким законом», подчеркивая, что обращение к нему возможно только при причинении неумышленного физического ущерба во время аварий на дорогах: злой умысел «прощать нельзя». Она попросила Верховный суд Северной Осетии, куда поступило дело, передать его на рассмотрение в другую северокавказскую республику и таким образом оно попало в Верховный суд КБР. Во время судебного заседания женщина потребовала от суда рассмотреть дело не по «нашим обычаям», а по справедливости, чтобы виновный понес «справедливую кару».

Осуждение виновного в совершении любого уголовного преступления советским судом ни к коей мере не освобождало его и его семью от угрозы совершения кровной мести со стороны родственников потерпевшего. Освобождение от мести могло быть осуществлено только после медиаторского примирения. Известны случаи, когда советский суд осуждал виновного, а его семье не удавалось примириться с семьей потерпевшего, то обязательно следовала месть в какой-либо форме [6, стр. 124]. Поэтому иногда родственники потерпевшего во время судебного заседания выражали просьбы об определении более мягкого приговора виновному. Такой случай имел место в Аджарии в 1967 г. Произошло убийство мужчины. Через пять лет 17-летний сын убитого убил отца виновного в исходном убийстве, 60-летнего старика. Парня судили в советском суде. Тем не менее жена убитого старика просила о снисхождении малолетнему убийце. Она сказала, что если он во время заключения умрет или его расстреляют, «то между нашими фамилиями кровомщение будет продолжаться и впредь, как этого требует старый хевсурский обычай». Она заявила, что ни она, ни ее родственники не имеют претензий к 17-летнему убийце [12, стр. 104].

Судебные органы не проводили и не проводят видимого деления преступников, убийц и насильников по национальному признаку, тем не менее если насильник – русский, то его родственники пытались доказать суду необходимость такого различия в связи с особенностями этнических традиций горцев и русских. Так, по мнению матери русского, совершившего вместе с балкарцем изнасилование русской девушки, суд должен был учесть нравы горцев и определить балкарцу больший срок, чем ее сыну. Национальный состав суда при разборе уголовных дел не имеет связи с этнической принадлежностью участников рассматриваемых дел. За последние более чем 40 лет в Верховным суде КБР было два дела, когда состав суда имел принципиальное значение. В обоих случаях балкарцы, находясь в сильном опьянении, совершили убийства молодых кабардинцев. Жители кабардинских селений, в которых проживали потерпевшие, были настроены агрессивно и требовали от Верховного суда назначения виновным смертной казни. Поэтому состав суда был тщательно подобран так, чтобы родственники потерпевших и сельчане не могли обвинить суд в необъективности.

Кабардинцы и балкарцы восприняли категорию «наказание» как элемент государственного права, но восприняли ее весьма своеобразно. По мнению И.Л. Бабич, в 1950-1990-е годы возникла новая форма мести, когда потерпевший или его родственники просили государственный народный суд, в котором рассматривалось дело, назначить виновному смертную казнь, утверждая, что в противном случае они сами совершат над ним кровную месть [3; 4; 5]. Подобная ситуация возникла в КБР несколько лет назад, когда Верховный суд рассматривал дело об убийстве пьяным балкарцем молодого кабардинца. Это убийство всколыхнуло многих кабардинцев и балкарцев. Обстановка в республике была сильно накалена. Общественность требовала вынесение виновному смертного приговора. Верховный суд КБР удовлетворил это требование. Затем дело было передано в Москву, в Судебную Коллегию РФ, которая определила виновному иное наказание – три года лишения свободы.

Кабардинцы и балкарцы пытались ввести в государственное судопроизводство и другую норму адата, а именно: выселение семьи виновного на жительство в другое селение. Часто имели место случаи, когда родственники потерпевших просили суд о применении подобного

наказания. Особенно это касалось тех случаев, когда участники конфликта жили по-соседству. Жена одного убитого кабардинца, требуя выселения семьи виновного из селения, говорила на суде: «Мы живем близ друг друга, и я нехочу, чтобы дети выросли с чувством мести». Добровольное и принудительное выселение семьи виновного, а иногда и семьи потерпевшего, исторически использовалось кабардинцами и балкарцами как действенная мера урегулирования любого конфликта.

Ни в 1950-1980-е годы, ни сейчас органы внутренних дел и Верховный суд КБР не обращал и не обращает внимание на информацию о попытке или факте дачи кабардинцами или балкарцами (родственниками обвиняемых) компенсации (выкупа) семьям потерпевших. Подобные действия горцев в 1920-1930-е годы жестоко преследовались советскими правоохранительными и судебными органами. Позднее республиканские и федеральные органы стали относиться к применению этой нормы традиционного права терпимо, почти без внимания, лишь изредка отмечая данный факт в судебном приговоре.

Изучая материалы советских судебных процессов по убийствам и изнасилованиям, можно сделать вывод о значительном влиянии горцев, которое они оказывали и продолжают оказывать на работу правоохранительных и судебных органов. Результат государственного судебного процесса во многом зависит от того, кого из участников рассматриваемого дела, в какой форме и в какой степени активности будут поддерживать сельчане.

В структуре современного правосознания жителей Северного Кавказа в целом и кабардинцев и балкарцев в частности можно выделить несколько типов:

- сельское правосознание, придерживающееся частично традиционной правовой ориентации;
- правосознание части горожан и правосознание местных чиновников, имеющих высшее образование – пророссийское правосознание;
- профессиональное правосознание работников Прокуратуры, районных народных и Верховного судов, имеющее в себе черты как традиционного, так и российского правосознания.

Обычно работники правоохранительных органов [1; 2; 9; 11; 32; 33; 37; 39; 40], в том числе и Следственного комитета, которые расследуют дела, и судьи Верховного суда, которым в дальнейшем эти дела попадают на рассмотрение, – люди, имеющие высшее юридическое образование и независимо от их возраста уважающие традиционное правосознание и традиционную правовую практику горцев.

Сельские кабардинцы и балкарцы до сих пор не апеллируют к понятию «преступление». Они продолжают придерживаться традиционной модели понимания преступления как причиненного имущественного или физического ущерба и необходимости независимо от осуждения виновного в государственном суде возмещения ущерба и последующего примирения участников конфликта и их родственников [14; 16]. В настоящее время правосознание кабардинцев подвергается воздействию как со стороны общины, которая, не обладая какими-либо санкциями, все же пытается оказывать моральное и психологическое воздействие на сельчан с тем, чтобы заставить их примириться с помощью посредников, так и со стороны государственного права. Кабардинец или балкарец, который отказывается от услуг медиаторов, односельчанами осуждается, а иногда даже презирается. Вокруг такого человека создается атмосфера отчуждения, которая вынуждает его в конце концов обратиться к медиаторам [10; 15; 22; 23; 27; 30].

Традиционными правовыми знаниями, как и прежде, обладают общинные лидеры, в том числе и духовные, являющиеся, как правило, и медиаторами. В настоящее время среди, главным образом, молодого поколения появляются духовные лица, имеющие высшее религиозное образование и владеющие знаниями о правовых нормах ислама, в том числе и тех, которые, хотя и в незначительной форме, практиковались в кабардинской общине в XVIII-XIX вв., а именно: о нормах наследования.

Отношение кабардинцев и балкарцев к традиционной правовой практике до сих пор является положительным, тогда как опыт следственной работы следователей Следственного комитета и работников Верховного суда свидетельствует об отсутствии уважения к Уголовному кодексу РФ. Кабардинцы и балкарцы не воспринимают российское законодательство и судопроизводство как важный для них этап урегулирования

конфликта, скорее – это вынужденная неизбежность, которую они, в свою очередь, стараются приспособить к своим традиционным правовым понятиям [7; 8; 18; 19; 20; 25; 26; 31; 34; 35; 38; 41].

Общинная идеология пытается влиять не только на индивидуальное правосознание кабардинцев, но и правосознание государственных судей и на их решения. Еще до государственного судебного заседания они проводят собрание, на котором обсуждаются обстоятельства совершенного преступления и принимается решение об оказании общественной поддержки либо родственникам потерпевшего, либо родственникам обвиняемого. Данное решение либо отправляется в государственный суд, либо зачитывается во время судебного процесса кем-либо из сельчан.

Список литературы

1. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
2. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
3. Бабич И.Л Правовой плюрализм на Северо-Западном Кавказе (Исследования по прикладной и неотложной этнологии). – М, 2000.
4. Бабич И.Л Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). – М., 1999.
5. Бабич И.Л Народные традиции в общественном быту кабардинцев. – М, 1995.
6. Барамия А.И. Борьба с преступлениями против жизни и здоровья: Дис.... канд. юрид. наук. – М.: Сухуми, 1965.
7. Баранов В.М., Худойкина Т.Р. Теория юридического конфликта: философские и социологические аспекты // Юрист-правовед. – 2000. – № 1. – С. 22-28
8. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб., 1994.
9. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
10. Гущева Ю.В. Примирительная процедура в праве: доктрина, практика, техника. – Н. Новгород, 2013. – 289 с.
11. Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Выпуск 22. Часть 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
12. Диасамидзе Г.И. Убийство на почве кровной мести по советскому уголовному праву (по материалам Аджарской АССР): Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. С. 104.
13. Загайнова С.К., Тарасов Н.Н. Медиация в практике нотариуса. – М.: Инфотроник Медиа, 2012.
14. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
15. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 304 с.
16. Карапетян Л.М. Государственно-национальные конфликты и политико-правовые основы их развития // Социально-политический журнал. – 1996. – № 6. – С. 72-85.
17. Карташов В.Н., Сальников В.П. Медиация в праве: новый или хорошо забытый старый способ разрешения споров // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 194-198.
18. Карташова Н.В. Особенности конфликтов в деятельности милиции (полиции) // Общество, право, полиция: Материалы межвузовской научно-практической конференции. 23-24 мая 1996 г. Ч. 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996. – С. 47-49.
19. Карташова Н.В. Предупреждение конфликтов и ограничений прав личности // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: Сборник научных трудов. Ч. I. – Н. Новгород, 1998. – С. 231- 233.
20. Карташова Н.В. Специфика конфликта в профессиональной юридической деятельности // Права человека и статус правоохранительных органов: Материалы международного симпозиума (3-4 марта 1994 г.). Ч. I. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1995. – С. 159-162.

21. Кристи Н. Конфликты как собственность // http://sprc.ru/wp-content/uploads/2012/08/
22. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / Пер. с англ. Е. Матерновской под общ. ред., вступ. статья Я.И. Гилинского; под ред. А. Турунтаевой. – СПб.: Алетейя, 2010.
23. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / Пер. с англ. В. М. Когана; Л. И. Альперн (пер. пред. и гл. 12); под общ. ред. Я. И. Гилинского; под ред. А. М. Яковлева; вступ. ст. А. М. Яковлева и В. М. Когана. пред. Ховарда-Зера. – СПб.: Алетейя, 2010.
24. Кристи Н. Простые слова для сложных вопросов / Пер. с норвеж. Е. Рачинской; лит. ред. Л. Альперн; вступ. статья Я. И. Гилинского. – СПб.: Алетейя, 2010.
25. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9-14.
26. Кузбагаров А.Н. Примирение споров по конфликтам частноправового характера: Научное издание. – СПб.: СТАТУС, 2010. – 320 с
27. Максуров А.А., Таланова М.В. Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. – М.: ЭкООнис, 2014. – 456 с.
28. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2014. – 736 с.
29. Минеева Т.Г., Назарова Н.Л., Сальников В.П., Соловьева С.В. Медиация в России. (Памяти Нильса Кристи) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 195-202.
30. Минеева Т.Г., Сальников В.П., Соловьева С.В.,Числов А.И. Восстановительное правосудие и использование медиации в борьбе с преступностью. Некролог памяти Нильса Кристи // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 150-157.
31. Право и общество: от конфликта к консенсусу: Монография / Честнов И.Л. и др;. под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с
32. Проблемы развития современного общества и правоохранительные органы: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 12. / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб., 2000.
33. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
34. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.
35. Садыкова З.А. Виктимологическая теория как способ предупреждения юридического конфликта // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 186-192.
36. Смирнов А.М. Институт кровной мести в контексте генезиса общества и государства // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 119-125.
37. Теоретические прикладные проблемы деятельности правоохранительных органов в современных условиях: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 13 часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000.
38. Тихомиров Ю.А. Юридические конфликты: природа, виды, преодоление // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. – Вып. 6. – М., 1994. – С. 49-61.
39. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
40. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
41. Юридическая конфликтология: Монография / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: 1995. – 316 с.
42. Ярков В.В. Медиация в нотариальной практике (Альтернативные способы разрешения конфликтов) / Петер Фар и др.; Отв. ред. Катарина Грефин фон Шапффен и Бернц Вегманн; Пер. с нем. С.С. Трушников. – М.: Волтерс Клувер, 2005.

ЭЛЬХАДИ Хаддат,
адвокат, аспирант кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета) (г. Алжир, Алжир)
E-mail: tigpnngu@mail.ru

БЕРЕНКОВА Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), кандидат исторических наук (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: natalia.berenkova@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРИНЦИПЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В УЧЕНИИ УМАРА ИБН АЛЬ-ХАТТАБА

Аннотация. *Анализируются принципы правосудия в государстве Арабский Халифат, установленные в VII веке Пророком Мухаммедом и закрепленные документально вторым праведным халифом Умаром ибн Хаттабом, которые сохранили свою актуальность до настоящего времени и признаются во всем мире.*

Ключевые слова: *Умар ибн аль-Хаттаб; судопроизводство; правосудие; свидетельские показания; иджтихад; кияс; источники и принципы исламского права.*

HADDAT E.
BERENKOVA N.A.

PRINCIPLES OF ADMINISTRATION OF JUSTICE IN THE TEACHINGS OF UMAR IBN AL-KHATTAB.

The summary. *The authors analyze the principles of justice in the state of the Arab Caliphate, established in the 7th century by the prophet Muhammad, and documented the second Caliph Umar Ibn Khattab, who retained their relevance up to the present time and are recognized worldwide.*

Key words: *Umar Ibn al-Khattab; judiciary; justice; evidence; ijtihad; kias; sources and principles of Islamic law.*

Государство Арабский Халифат, существовавшее в VII-VIII веках как единое политико-территориальное образование, было по форме правления теократией. После смерти Пророка Мухаммеда духовным и светским главой государства стал считаться Халиф. Как глава государства он объединял в своих руках всю власть, говоря в терминах современной теории государства и

права, – духовную и светскую: законодательную, исполнительную, судебную. Вся земля считалась собственностью Бога, соответственно, частной собственности на землю не было. Также не было в этот период времени и четкого разделения населения Арабского Халифата на социальные группы, слои или классы.

В период правления второго праведного халифа, как его называют в исламской традиции, – Умара ибн аль-Хаттаба, в государстве произошли существенные изменения. Умар ибн Хаттаб провел ряд реформ, направленных на укрепление государства, усиление его влияния в мире, улучшение положения проживающего в нем населения, установления справедливого правления. Современники и последователи писали о нем, как о выдающемся государственном деятеле, человеке мудром и честном, смелом воине и справедливом судье. Особое внимание он уделял вопросам судопроизводства.

Судопроизводство согласно нормам ислама – это процесс решения споров между людьми путем разрешения конфликтов и имущественных тяжб в соответствие с нормами шариата, прямо вытекающими из Корана и Сунны. Главные принципы правосудия, установленные исламской религией и закрепленные в период правления праведных халифов, оставались неизменными: право неотделимо от религии, основной его источник – Священный Коран.

Судопроизводство в период Пророка.

Согласно исламской доктрине, осуществление судопроизводства связано с верховным правителем государства, или его наместников в отдаленных территориях. Пророк Мухаммед был первым судьей в Исламском государстве. Он сам осуществлял правосудие в соответствие с теми правилами, которые были ниспосланы ему Богом и записаны в Коране. В самом исламском государстве в период его зарождения население, принявшее ислам, обращалось непосредственно к самому пророку за разрешением своих споров. В том случае, когда спорящие стороны были территориально далеки от Медины – главного города молодого государства, то Пророк посылал одного из своих помощников для завершения расследования и осуществления правосудия. Позже, после обширных территориальных завоеваний, когда стало невозможно единолично отправлять правосудие, особенно в отдаленных регионах, Пророк Мухаммад стал назначать эмиров, которым и поручал обязанность осуществления правосудия в соответствии с Кораном [2, стр. 86-88]. По мере упрочения власти правителей халифата произошло упорядочение местной администрации. Территория халифата была разделена на провинции, управляемые, как правило, военными наместниками – эмирами, которые были ответственны только перед халифом. Эмиры обычно назначались халифом из числа своих приближенных. Однако были и эмиры, назначенные из представителей местной знати, из бывших правителей завоеванных территорий. В ведении эмиров находились вооруженные силы, местный административно-финансовый и полицейский аппарат.

Правосудие в период первого халифа Абу Бакра ас-Садика.

Эпоха Абу Бакра была аналогичной эпохе Пророка Мухаммеда с точки зрения осуществления правосудия и организации суда, особенно в отдаленных городах, где наместник сам выступал в роли судьи. Что касается Медины, то в главном городе государства были использован новые методы. Эти нововведения были заслугой Умара ибн аль-Хаттаба, которому было поручено заниматься вопросами правосудия. Именно он впервые предложил халифу Абу Бакру разделить функции управления и правосудия. Так в Медине произошло «частичное отделение правосудия», хотя халиф Абу Бакр часто сам лично осуществлял суд и не оставлял сферы правосудия полностью. Однако появились и другие судьи, уважаемые и авторитетные знатоки ислама и Корана. Но за пределами Медины и в завоеванных провинциях этот принцип не действовал. Там по-прежнему, правосудие не было отделено от административной власти наместника, Эмира.

Правосудие в период правления Умара ибн аль-Хаттаба

Когда после смерти Абу Бакра ас-Садика новым Халифом стал Умар, то он провел ряд преобразований. Особенное внимание он обращал на вопросы организации правосудия. Арабские исторические источники свидетельствуют: «Умар ибн аль-Хатаб не пренебрегал судопроизводством и взял на себя разрешение споров между людьми, исполнение заповедей и норм. По мере расширения государства и смешения арабов с населением завоеванных территорий увеличивалось количество проблем в этих регионах, для халифа и наместников было

затруднительным рассмотрение их. Поэтому Умар ибн аль-Хатаб работал над отделением правосудия от управления и начал назначать судей на завоеванных территориях. Абу ад-Дарда был назначен судьей в Медине, Шарих аль-Кинди – в Куфе, Усман ибн Абу-Ас – судьей Египта, Абу Муса аш-Шаари – в Басре. Умар платил им жалование. Вознаграждение судьи Султана ибн Рабиа составляло пятьсот дирхемов в месяц, Шарих получал сто дирхемов и паек из пшеницы. Умар стимулировал судей к осуществлению права и достижению справедливости между людьми, побуждал судей к работе по полной реализации норм исламского права. Равно как и издал Умар для этих судей конституцию, нормам которой они должны были следовать, и оставалась эта конституция авторитетным источником по судопроизводству» [11]. Таким образом, Умар не только отделил судебную власть от административной, он назначил судей и установил им «заработную плату», что сделало судей экономически независимыми. Эти важные принципы были введены в европейскую систему правосудия лишь спустя несколько столетий. Они до сих пор являются основой судебной системы всех цивилизованных государств современного мира.

Самые известные судьи, назначенные Умаром, как указывают арабские исторические источники, были следующие: «Зейд ибн Сабит аль-Ансари, Зейд ибн Саид ибн Самама, известный как Ибн Ухт ан-Нимр, Али ибн абу Талиб. Последний не был непосредственно назначенным судьей, но часто он оказывал помощь в рассмотрении некоторых дел и консультировал по важным вопросам. Амир ибн Малик ибн Каис, известный как Абу ад-Дарда был назначен судьей в Медине, Ияс ибн Сабих ибн аль-Мхрейш аль-Ханафи известный как Абу Мериам был назначен судьей в Басре. Кааб ибн Сур аль-Кинди стал одним из самых известных правителей Куфы, Абдалла ибн Масуд первым из известных судей Куфы. Убада ибн ас-Самит назначен судьей в Леванте. Нужно отметить, что история не сохранила имен известных судей в регионе Леванта времен правления Умара. Что касается Египта, то выбор судей был обязанностью военачальника Амра ибн аль-Аса. Назовем среди судей в Египте Кияса ибн Аби аль-Аса ас-Сахми и Кааба ибн Ясира ибн Саба аль-Абси». Умар установил, что судьи должны выносить решения независимо ни от кого и ни от чего, основываясь только на своем понимании норм, взятых из Корана и Сунны Пророка. В современном праве это называется «судья независим в принятии решения и основывается только на нормах Закона». Независимость судебного решения – это еще один важный принцип правосудия, существующий сегодня во всех странах.

Как указывают источники, Умар ибн аль-Хаттаб «испытывал» своих судей перед их назначением. Он определял курс, которому они должны были следовать. Кроме этого он развивал учение о системе судопроизводства, его этике, а также не переставал писать и выступать, демонстрируя широту своих взглядов о праве, его истоках и нормах. Важнейший труд Умара, посвященный правосудию, – это известное послание Абу Мусе Ашари, в котором он назначал последнего судьей, и которое стало частью бессмертной правовой литературы не только в арабском мире.

В истории права известен Завет Умара ибн аль-Хаттаба Абу Мусе Ашари, включающий основные положения судопроизводства, где были определены основные принципы судопроизводства. Автор говорил: «правосудие – это долг суда». Умар ибн аль-Хаттаб писал о необходимости и обязательности правосудия в государстве, и утверждал, что его нормы исходят не от людей, а из предписаний религии. Он указывал, что прежде, чем вынести решение, необходимо подробное рассмотрение дела, соблюдение равенства сторон и справедливости в отношении каждой из них. Следует дать каждой стороне возможность привести свои доказательства, не ограничивать во времени при даче показаний и не притеснять никаким образом. Важным он считал приведение в исполнение судебного решения, (сейчас это называется неотвратимость наказания), для того, чтобы сохранить авторитет судебной власти и осуществления ее цели. Большое внимание он уделял процессу доказательств, требуя ясного понимания, что имеются веские доказательства виновности обвиняемого. Если возникали какие-то сомнения, то это необходимо было учитывать при принятии решения. Умар считал, что все сомнения и подозрения должны быть устранены, в противном случае может произойти нарушение справедливости, что было недопустимо. Судья должен был опираться на нормы Корана, однако, если подходящей нормы не было, то провозглашалось

допущение иджтихада (права судьи самостоятельно решать некоторые вопросы юридическо-богословского характера, опираясь на глубокое знание ислама) и кияса (решения по аналогии). Умар ибн аль-Хаттаб установил, что если была выявлена ошибка в приговоре или его противоречие Корану и Сунне Пророка Мухаммеда, то судья обязан отменить свое решение, поскольку произошло нарушение правосудия и справедливости.

В гражданских спорах допускалась отсрочка для истца, чтоб он мог собрать доказательства, прежде, чем начнется судебный процесс Требования к свидетельским показаниям были очень высокие. Клятва не могла являться основанием для полного доверия свидетелям и сторонам. Требовались именно бесспорные доказательства для вынесения судебного решения. В ходе судебного процесса должны быть устранены всякие сомнения и подозрения. «Судья не может выносить решение на основании своего гнева, или занятости ума. Осуществление правосудия должно быть логично с точки зрения души и тела, со спокойной совестью, и терпением, широтой души и, отсутствием обиды на оппонента, а также недовольством им и его жалобой. Выполнение этого требует вознаграждения в процессе правосудия, а также контроля Бога в публичной и частной жизни. В суде обязательна искренность показаний, отсутствие лжи и клеветы, чтобы божий гнев не был навлечен на людей» [12]. Кроме того, Умар ибн аль-Хаттаб считал, что во многих случаях должно быть допущено мировое соглашение на условиях сторон. Другими словами, идеи медиации [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10] зарождались и блуждали в тех условиях. Эти и другие правила судопроизводства, введенные праведным халифом Умаром в VII веке, получили в дальнейшем развитие во многих государствах, попавших в сферу влияния Арабского Халифата, и даже после его распада они сохранили свою силу.

Список литературы

1. Аль-Мааварди Аль-ахкам ас-Султания (Законы султана) // Махмуд Шариф Васаик ад-даулия аль-маания бихукук аль-инсан (Международные документы в области прав человека). Т. 2. – Каир: Дар аш-Шурук. 2003.
2. Галиб бин Абдалькафи аль-Карши Аулият аль-фарук фи аль-идара валь-кадаи (Приоритеты мудреца в управлении и судопроизводстве). Ч. 1
3. Галиб бин Абдалькафи аль-Карши Аулият аль-фарук фи аль-идара валь-кадаи (Приоритеты мудреца в управлении и судопроизводстве). Ч. 2.
4. Гущева Ю.В. Примирительная процедура в праве: доктрина, практика, техника. – Н. Новгород, 2013. – 289 с.
5. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 304 с.
6. Карташов В.Н., Сальников В.П. Медиация в праве: новый или хорошо забытый старый способ разрешения споров // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 194-198.
7. Кузбагаров А.Н. Примирение споров по конфликтам частноправового характера: Научное издание. – СПб.: СТАТУС, 2010. – 320 с.
8. Максуров А.А., Таланова М.В. Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. – М.: ЭкООнис, 2014. – 456 с.
9. Минеева Т.Г., Назарова Н.Л., Сальников В.П., Соловьева С.В. Медиация в России. (Памяти Нильса Кристи) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 195-202.
10. Минеева Т.Г., Сальников В.П., Соловьева С.В.,Числов А.И. Восстановительное правосудие и использование медиации в борьбе с преступностью. Некролог памяти Нильса Кристи // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 150-157.
11. Мохаммед бин Салим бин Али Джабер Тартиб аль-идария фи ахд Умар ибн аль-Хаттаб (Административное устройство во время Умара ибн Аль-Хаттаба) // Аль-Алюка. URL: http://www.alukah.net/culture/0/5799/
12. Письмо Умара ибн аль-Хаттаба Абу Мусе Ашари с правилами и инструкциями в области судопроизводства // Маджалла аль-Бухус аль-исламйя // Журнал исламских исследований. – № 17.

ПОЛИТИКА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

РАХИМЗОДА Рамазон Хамро
(Рахимов Рамазон Хамроевич),
министр внутренних дел Республики Таджикистан, профессор кафедры организации управления правоохранительной деятельностью Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Таджикистан, генерал-лейтенант милиции (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: rahimov50@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ИСЛАМСКОЕ ПРАВО И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПОЛИТИКА

Аннотация. *Рассматривается влияние исламского права на оперативно-розыскную политику исторического Таджикистана, а также некоторых современных государств. Приводятся основные источники исламского права, их роль в сфере обеспечения правопорядка и государственной безопасности. Анализируется подход исламского права к использованию различных видов оперативно-розыскных мероприятий.*

Ключевые слова: *ислам; право; Коран; шариат; оперативно-розыскная политика; оперативно-розыскные мероприятия.*

RAKHIMZODA R.Kh.

ISLAMIC LAW AND OPERATIVELY-SEARCH POLICY

The summary. *Influence of the Islamic law on the operatively-search policy of historical Tajikistan, and also some modern states is considered. The basic sources of the Islamic lawt, their role in sphere of maintenance of the law and order and state security are resulted. The approach of the Islamic law to use of various kinds of operatively-search actions is analyzed.*

Key words: *Islam; the right; the Koran; Sharia; the operatively-search policy; operatively-search actions.*

Исламское право в своей основе сложилось в эпоху становления феодального общества в Арабском халифате в VII-X вв. как система религиозных норм, выражающих в волю религиозной знати, санкционируемых и поддерживаемых исламским государством.

В советской правовой системе твердо сложилось мнение о том, что данная система права и

правовая система должна называться мусульманскими. Мы же считаем, что более правильной является название «исламская правовая система», «исламское право».

Исследование оперативно-розыскной деятельности в исламской правовой системе, на наш взгляд, приобретает особенное значение, ибо, как мы отмечали ранее, средневековая история государственности таджиков основывалась на исламском мировоззрении и исламском праве [33].

Как известно, историческое развитие Таджикистана тесно связано с исламом, исламскими государствами и исламской правовой системой [1; 6; 29]. Однако исламское право, которое «может быть по-настоящему понятно только тем, кто имеет хотя бы минимальное общее представление об этой религии и об этой цивилизации» [34, стр. 387], весьма редко подвергается анализу, тем более в сфере регулирования сыскной, оперативной, разведывательной и контрразведывательной деятельности.

Ранний опыт внедрения исламских правил осуществления правосудия в Мавераннахре – в исторической территории Таджикистана – относится еще к эпохе арабского военачальника и завоевателя Мавераннахра – Кутейбы ибн Муслима. Однако наиболее полномасштабное, комплексное и системное внедрение исламских норм правосудия в Мавераннахре начинается с эпохи национального государственного строительства таджиков на своей исторической родине. Это было связано с периодами правления таджикских династий Тахиридов [20] и Саманидов [18; 19; 21; 22; 26; 27; 30] со столицей в городе Бухаре, успешно проводивших политику сочетания ислама с поддержкой местных ученых-факихов Мавераннахра [31, стр. 42-43].

При изучении исламского права в первую очередь встает вопрос об источниках этого права. Их рассмотрение в интересующем нам аспекте должно осуществляться в том плане, в соответствие в которым, можно получить ответ на вопрос о том, каким образом и насколько в этих источниках отражены вопросы оперативно-розыскной деятельности в том смысле, в котором этот термин используется в современное время [4, стр. 77].

Как известно, в иерархическом порядке источники исламского права выгладить следующим образом:

1. Коран – священная книга мусульман, основа исламского законодательства. Он имеет высшую юридическую силу и его положения не может быть оспорен никем;

2. Сунна – собрания преданий (хадисов) о высказываниях, действиях и даже о молчании [10, стр. 281] исламского пророка Мухаммада (шииты, являясь последователями одного из двух главных направлений в исламе (шиизма), по определенным причинам не признают сунну);

3. Иджма – нормы, выработанные наиболее авторитетными компетентными юристами богословами на основе единогласного их мнения, которые должны вытекать из двух первых источников и не могут противоречить им;

4. Кияс – умозаключение по аналогии. В принципе, право на осуществление кияса имеет любой правоприменитель, но правовое значение имеет только кияс судьи.

Существуют и другие виды источников исламского права, выдвигаемые некоторыми учеными (истихсан, урф, одат, раъй), которых мы не рассмотрим в силу их спорности в науке.

Коран, хотя и является главным первоисточником исламского права, однако его положения юридического характера, по словам Рене Давида, «недостаточны для того, чтобы составить кодекс» [34, стр. 338]. Поэтому, когда в Коране отсутствует достаточный ответ на все возникающие в общественных отношениях вопрос, то юристы-богословы должны обращаться к Сунне (Сунна как собрание сведений о поступках и высказываниях исламского пророка была составлена средневековым ученым-богословом Аль-Бухари и содержит около 40 тысяч высказываний Мухаммеда.). В тех же случаях, если и положения Сунны недостаточны, то юристы обратят свои взоры к иджме, а когда и этого будет нахватать, то юристы лишь потом сосредоточат свое внимание к киясу.

Когда на рубеже IX-X веков в халифате было завершено формирование государственных структур, в том числе и так называемых правоохранительных ведомств, а также вооруженных сил, почтовой службы, служб коммуникаций и пропаганды [40, p. 71], то это обстоятельство просто не могло не повлиять на некоторые вопросы, связанные с тайной личной и семейной жизни, сбором конфиденциальных сведений, негласного сотрудничества со специальными органами государства, неприкосновенностью жилища, собственности и т.д.

И такое бурное развивающееся с большим темпом общественные отношения и появления новых институтов в халифате стало главной причиной того, что общий характер норм Корана и казуальность предписаний Сунны не могли обеспечить их необходимой нормативной регламентацией [35, стр. 66]. Отсюда и появилась необходимость устранения пробелов в урегулировании всевозможных и важных для государства общественных отношений, в том числе и в сфере обеспечения правопорядка и государственной безопасности.

И эта роль, то есть, приспособления указанных источников ислама к потребностям общества стала принадлежать крупным правоведам. Поэтому развитие научной мысли в исламе повлияло на появление выдающихся учёных-богословов. На основе трудов таких учёных возникли сильные школы практического применения Сунны и Священного Корана. Все, что касается шариата в этих школах – повседневное поклонение, формы взаимоотношений, разрешение правовых вопросов, практическое применение фикха (права) и пр., – проходит согласно учению основателя той или иной школы.

Таким образом, в качестве правовых доктрин были признаны учения четырех таких правоведов – Ханифы*, Малика, Ханбала, Шафии. Правовые доктрины указанных ученых явились основой четырех мусульманских правовых школ – мазхабов** (школы названы по именам их основателей): ханифитской, маликитской, шафиитской и ханбалитской [4, стр. 79].

Основатели мазхаба брали за основу Коран и хадисы Пророка Мухаммада (Сунну). Относительно Корана, считающимся основой исламского законодательства, между мазхабами существует полное единодушие. Тем не менее, между ними существуют некоторые разногласия только по второстепенным вопросам. Эти разногласия в основном исходят из второго по важности источника исламского права – хадисов пророка Мухаммада. Именно из-за хадисов между мазхабами существовали некоторые различия. Также, по мнению А.С. Боголюбова, отличия мазхабов заключаются в том, что является основой юридического суждения – Сунна, кияс либо, раъй (в переводе с арабского – «мысль», «взгляд», «мнение», «самостоятельное суждение; это относительно свободное мнение при толковании Корана и Сунны) и может ли правоприменитель самостоятельно формулировать новые правила поведения «в случае молчания этих источников» [7, стр. 34]. (По этому поводу нет единого мнения среди исламских ученых до настоящего времени. Если одни все же допускают «свободное мнение юриста», то другие исходят из того, что, поскольку свободное мнение может привести к разрушению исламского права, то оно не допускается, тем более что Коран, Сунна и иджма как источники права и возможность применения кияса практически обеспечивают юристу «полное руководство» для действий (см., например, [41]).

Поэтому исламское право представляет собой яркий пример «права юристов». Оно было создано учеными-богословами. Именно юридическая наука сыграла роль законодателя, мнение специалиста имело нормативно-обязательное значение. В связи с этим при рассмотрении дела судья обычно ссылался на правоведа, авторитет которого общепризнан.

Говоря о священном Коране, следует отметить, что он содержит незначительное количество положений, имеющих отношение к оперативно-розыскной деятельности в том понимании этого термина, какое принято сейчас.

Как известно сыскная (оперативно-розыскная) деятельность (как тысяча лет тому назад, так и сейчас) во многих случаях способна нарушить право человека (в частности, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, переговоров, сообщений, неприкосновенность жилища и др.). Потому, что она часто осуществляется негласно, с широким использованием конспирации, секретно, поскольку задачей спецслужб является выявление, в том числе, неочевидных преступлений, установление связей проверяемого, сбор всей необходимой информации о лице. Именно поэтому лицо, как правило, не может знать, да и не должен знать, что стал объектом внимания спецслужб и его не знакомят с соответствующей информацией.

Однако, даже те редкие предписания священного Корана, которые имеют отношение к оперативно-розыскной деятельности, направлены на ревностную охрану основных прав человека, и они не являются новшеством для исламского права, то есть являются достоянием и заслугой именно исламской правовой системы, появившаяся еще в VII в., а не международных

правовых актов двадцатого столетия [28, стр. 9].

Отношения между членами исламского общества основываются на защите чести и достоинства человека, поскольку Ислам не допускает пролития крови, а также запрещает посягательства на честь и собственность кого-либо. Любое слово, поступок или же поведение, нарушающее эти принципы или угрожающее им, запрещены Исламом. Говоря же о праве человека в исламе, связанные с собственностью, в частности с жилищем, мы выражаем свою солидарность с мнением А.Х. Ахкубекова [4, стр. 80-81], характеризующего это право тремя элементами: правом на жилище; правом на неприкосновенность жилища; правом на неприкосновенность частной жизни [36, стр. 4-6].

Право на неприкосновенность жилища является одним из основных вопросов, упоминаемых в Коране и связанных с правами человека. Следует учитывать, что нарушение обязательств или запретов, возложенных на верующего в Коране, считается крупным грехом и влечет самое суровое нака-зание [12, стр. 15-16].

Исламское право определяет право на неприкосновенность жилища примерно так же, как это принято в современных правовых систем. Кроме жилища, то есть места, которое человек приспособил для временного или постоянного проживания и где проводит время как в жилище, такой же неприкосновенностью пользуется все окружающие жилищные пристройки, принадлежащие человеку на законных основаниях и огороженные от окружающего пространства.

Исламское право запрещает проникновение (гласно или негласно) в жилище без разрешения владельца, независимо от статуса лица, совершающего такие действия, и независимо от статуса того лица, в жилище которого осуществляется проникновение.

Это установление связано с тем, что исламом предписано следующее: «В чужие дома, кроме своего, не заходите, пока не спросите на это разрешенья… Если же вы никого не найдете в них, то не входите, пока вам не позволят. Если же вам скажут: «Уйдите!» – то уходите» (Сура 24. «Свет», ояты 27-28). Данная норма, установленная почти 1,5 тысяча лет тому назад, определенно утверждает право человека на неприкосновенность жилища.

Таким образом, шариат строго придерживается данного порядка, устанавливая право каждого на неприкосновенность жилища, и предусматривает жесткие меры в отношении лиц, допустивших запретные деяния, признавая их грехом, то есть преступлением. Поэтому в Коране приводится ненависть Бога к лицам, совершающим или совершившим преступление, где установлено следующее: «Воистину, Аллах не любит преступников» (Сура 5. «Трапеза», оят 87).

Вместе с тем, впервые в истории исламского права средневековым исламским богословом аль-Газали было отмечено, что «возможно проводить обыск в жилище, если кажется, что там совершен или совершается грех или преступление» [2, стр. 36; 4, стр. 82]. Однако он не уточняет (как и другие исламские юристы-богословы), кто имеет право проводить такой обыск, с чьей санкции, в каком виде (гласном или негласном) и в связи с совершением какого преступления возможно его проведение. Естественно, такое мероприятие не может быть проведено частным лицом или должностным лицом по своей инициативе и это вытекает из смысла вышеупомянутой запретительной нормы ислама [5; 35, стр. 183].

С развитием законодательства в области прав человека исламские государства исключили саму возможность и юридическую допустимость проведения таких мероприятий частными лицами, предоставив такое право исключительно спецслужбам и полиции и только с санкции судьи. Основываясь на данном предписании, мусульманские юристы не допускают проведение частными лицами таких мероприятий как прослушивание телефонных переговоров, контроль корреспонденции, проникновение в жилище и т.д.

Убедительным примером применения этой нормы Корана является следующий практический случай [36, стр. 8]. Когда халифу Омару донесли, что в каком-то доме молодые люди пьют вино***, то он направился в этот дом, забрался на стену и застиг их на месте совершения преступления. Когда Омар дал указание наказать их, то они возразили ему, сказав, что они «ослушались Аллаха в одном деле, а он же ослушался в трех: он выследил их самовольно, проник в дом без разрешения жильцов и взобрался на стену и зашел через крышу».

Необычного подхода придерживается исламское право и в отношении такого негласного

мероприятия, как наблюдение [9; 37]. Наблюдение (и слуховое, и визуальное), осуществляемое за лицом, находящимся в жилище, запрещено без соответствующих судебных санкций, если даже отсутствует проникновение в само жилище. Это так называемый запрет «подглядывать» за другим лицом.

Правовую основу данного запрета мы находим в следующем ояте Корана, в котором приведены подобные примеры запрещенных деяний, ущемляющие права людей: «Избегайте частых подозрений, ибо некоторые подозрения грешны. Не подглядывайте (не следите) и не злословьте [за спиной] друг друга… Так бойтесь Аллаха…» (Коран, Сура 49. «Комнаты», ояты 10-12).

Ислам считает, что отсутствие доверия по отношению к другим людям приводит к таким формам внутреннего проявления, как подозрение, внешней формой которого является слежка. Поскольку ислам заботится о внутренней и внешней чистоте своего общества, то он одинаково запрещает как слежку в отношении других, так и подозрения. Поэтому вмешательство в личные дела других людей и выведывание их тайн недопустимо.

Чтобы обеспечить неприкосновенность частной жизни людей, Пророк строго запретил кому бы то ни было подсматривать в дома людей без их на то разрешения и позволил хозяевам жилищ применять любые средства против «любопытствующих». Он сказал: «Разрешено хозяевам жилища выколоть глаз тому, кто подглядывает в их дом без их дозволения» [39, стр. 137].

Точно так же он запретил тайное подслушивание разговоров других людей, не поставив их об этом в известность и не спросив их разрешения на это. Он сказал: «Тому, кто тайно подслушивает разговоры других людей против их воли, в День Воскресения в их уши будет залит расплавленный свинец» [39, стр. 137].

Таким образом, незаконное наблюдение исламским правом признано тяжким преступлением и считается нарушением неприкосновенности жилища и частной жизни, даже если отсутствует физическое проникновение в жилище, что существенно отличает позицию исламского права в этом вопросе от позиций романо-германской и англосаксонской систем права [4, стр. 83-84].

Вместе с тем, осуществление наблюдения может быть дозволено частным лицом, если оно не нарушает требования неприкосновенности частной жизни. При этом мусульманское право исходит из того, что публичные места принадлежат всем и все, что в этих местах происходит, не может рассматриваться как частное дело каждого. Проведение наблюдения в общественных местах, таким образом, не нарушает и не ограничивает прав на тайну и неприкосновенность частной жизни. Поэтому в исламских государствах широко развита система наблюдения, когда спецслужбы осуществляют постоянный контроль над всеми улицами и другими общественными местами, а также над теми, кто являются подозрительными или нарушают правопорядок через многочисленные скрытые видеокамеры.

Необычного подхода придерживается исламское право, когда речь заходит о других видах оперативно-розыскных мероприятий. Несомненно, соответствующие государственные органы располагают правом использования по своему усмотрению всех оперативно-розыскных средств и методов. Но другие виды оперативно-розыскных мероприятий, которые не связанны с перехватом корреспонденции и прослушиванием телефонных переговоров и, тем самым, не связанны с ограничением прав на неприкосновенность корреспонденции и на тайну телефонных переговоров, может проводить любое лицо, если это связано с совершением преступления и лицо заинтересовано в его раскрытии [8; 11; 13; 14; 15; 16; 17; 23; 38].

Такое положение сложилось благодаря тому, что исторически «безопасность каждого человека обеспечивалась традицией мести: «каждое преступление имело своего мстителя», и для арабского халифата было безразлично, кто раскрывает преступление – шурта (в переводе с арабского – полицейский, надзиратель, надсмотрщик) или частное лицо. К тому же ранние правоведы-богословы не уточняли вопрос о том, кто имеет право проводить те или иные оперативно-розыскные действия, останавливаясь на основаниях и условиях их проведения [4, стр. 84].

Например, ислам объявил человеческую жизнь священной, стоит на страже достоинства людей и установил, что покушение на жизнь человека – второй из величайших грехов перед Аллахом после отрицания Всевышнего. Коран постановляет: «Если кто-либо убьет человека не в отместку за [убийство] другого человека

и [не в отместку] за насилие на земле, то это приравнивается к убийству всех людей» (Сура 5. «Трапеза», оят 32). Или в другом месте говорится: «А если кто убьет верующего по умыслу, то возмездие ему – ад, где пребудет он вечно. Аллах разгневается на него, проклянет его и уготовит ему великое наказание» (Сура 4. «Женщины», 93).

В любом из этих случаев приговор может выносить только орган, имеющий на то властные полномочия, отдельным же людям недопустимо вершить закон, став судьями и исполнителями приговора, поскольку это может привести к хаосу и беспорядкам. Однако допускается для близких убитого самим привести приговор в исполнение в присутствии властных структур, чтобы таким образом облегчить их сердца и погасить в них гнев мести. Это соответствует установлениям Корана: «Если же кто-либо убит без права на то, Мы предоставляем его правопреемнику полную власть [над убийцей], но пусть он не выходит за рамки дозволенного [в отмщении]» (Сура 17 «Перенес Ночью», оят 33).

Сказанное свидетельствует о том, что в исламе утвержден принцип «талиона» – категория более известная как равное возмездие. Этот принцип назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна воспроизводить вред, причинённый преступлением («око за око, зуб за зуб»). На этот счет в Коране предписывается следующее: «В возмездие за то, что они содеяли, отсекайте руки вору и воровке как наказание от Аллаха…» (Сура 5. «Трапеза», оят 38). Отметим, что большую роль талион играл и в законах Петра I. В Артикуле воинском 1715 года предписывалось за богохуление прожигать язык раскаленным железом, за лжеприсягу отсекать два пальца, за убийство «паки отметить и без всякой милости голову отсечь». Талион применялся также при ложных доносах.

Оправдание этому явлению мы находим даже в произведениях искусства поэтического жанра. Так великий Омар Хайям – известный во всём мире как выдающийся философ и поэт в одном из своих рубаи – распространённая форма лирической поэзии народов Востока – говорит:

Кто на свете не мечен грехами, скажи?
Мы безгрешны ли, господи, сами, скажи?
Зло свершу – ты мне злом
воздаешь неизменно, -
*Значит разницы нет между нами, скажи!****

В данном рубаи, как видно, речь идет о соблюдении принципа соразмерности наказания. Одновременно делается косвенный намек на то, что кози (судя) при отправлении правосудия не должен руководствоваться лишь безграничным личным усмотрением и заниматься только возмездием.

В исламских государствах исторически распространено такое мероприятие, как проверочная закупка. Как известно, ислам запрещает ту торговлю, что связана с несправедливостью, обманом, эксплуатацией и всем тем, что порицаемо шариатом. Поэтому проведение плановых, так и внезапных проверочных закупок связано не столько с необходимостью предотвращения продажи товаров, оборот которых запрещен, сколько с достаточно жесткими и многочисленными требованиями Корана относительно необходимости строгого соблюдения правил торговли.

Так, честность и порядочность в торговле настолько почитается в исламе [3, стр. 93], что в Коране данному вопросу посвящена отдельная самостоятельная глава, которая так и называется «Обвешивающие» (Сура 83) в ояте 1-3 которой приводится следующие предостережения торговцам, прибегающим ко лжи, у которой бывает печальный конец: «Горе тем, которые обвешивают [других], а [сами] берут сполна, когда люди отмеривают им. [Горе тем, которые], когда сами обмеривают или обвешивают, то причиняют убыток [другим]».

Согласно Корану, обман покупателей является тяжким грехом, за которое предусматривается наказание и в загробной жизни, а предотвращение не только тяжкого, но и любого другого греха является обязанностью каждого верующего. И поэтому, любое лицо может осуществить проверочную закупку и в случае обмана заявить в полицию для принятия соответствующих мер. В таком случае может встать вопрос о том, кому должна и может поверить полиция: покупателю, заявившему о нарушении продавцом правил торговли, или продавцу, который, разумеется, будет утверждать обратное. По исламскому праву при отсутствие доказательств, в частности отсутствие свидетелей, как и во многих других спорных ситуациях, применяется правило клятвы, по результатом которого права будет та сторона, которая поклянется на Коране именем

Аллаха.

Так как речь зашла о клятве, остановимся над этой религиозной норме, в большинстве случаев носящий правовой характер в исламе. Клятва на Коране именем Аллаха является одним из бесспорных и не подвергающихся сомнению в судопроизводстве доказательством.

Исламское право устанавливает, что доказательствами во время судебного разбирательства могут быть только те данные, которые получены с соблюдением всех правил и процедур, предписанных правовыми нормами. Шариат в обязательном порядке требует участия в суде самого истца (обвинителя), ответчика (подозреваемого), а также свидетеля.

Такое требование исходит из положения Корана (Сура 2. «Корова», оят 282) о необходимости наличия двух свидетелей, текст которого выглядеть следующим образом: «… Если вы берете или даете [в долг] на определенный срок, то [закрепляйте это] письменно. И пусть писец записывает [вашу сделку] справедливо. Писец не должен отказываться записывать [сделку] так, как научил его Аллах. Пусть он пишет то, что говорит берущий взаймы…. В качестве свидетелей призовите двух известных вам мужчин. Если не найдется двух мужчин, то одного мужчину и двух женщин, угодных вам как свидетели, и когда одна из женщин забудет [что-нибудь], другая [сможет] напомнить ей. Свидетели, если их приглашают, не должны отказываться. И пусть не станет вам в тягость записать договор – большим он будет или малым – с указанием его срока. Такой порядок – самый справедливый перед Аллахом, самый верный по [надежности] свидетельства и самый далекий от сомнения… Когда вы уславливаетесь между собой о чем-либо, призывайте свидетелей…».

И эти свидетели должны, в случае необходимости и с принесением клятвы на Коране, подтвердить, что они собственными глазами увидели то или иное событие либо собственными ушами услышали, как оно происходило.

Клятва в исламе является очень важным действием. Клясться без веской причины нежелательно. Но в жизни бывают разные события, разные ситуации, которые требуют незамедлительного решения, особо это важно в тот момент, когда человеку необходимо доказать что-то другому, либо защитить себя, либо сохранить свою честь. И в таких случаях мусульманин должен клясться только именем Аллаха.

Никакая другая клятва, кроме клятвы именем Аллаха, либо какой-нибудь другой ценностью, вроде клятва Посланником, Каабой, матерью, отцом, детьми, своей жизнью и т.п. недействительна в исламе и запрещены.

Иногда в обществе приходится слышать, как некоторые люди клянутся святыми ценностями Ислама, произнося, например, такие фразы: «Я сделаю это ради Каабы», «Не быть мне мусульманином, если я этого не сделаю», «Клянусь женой» («Занам талок шавад») и т. д. Если в народной традиции эти выражения означают клятву, тогда по отношению к ним применяются те же решения, как и к остальным клятвам. Следовательно, мусульмане в данном случае будут связаны словом.

В связи с этим, является примечательным привести здесь предание, посвященное Абу Ханифе (699-767) – основателю правовой школы ханафизма как неотъемлемой части культурно-правового наследия таджикского народа, сумевщего универсализировать многовековой юридический опыт народов Средней Азии на основе трансформации и совершенствования классических исламских правовых идеалов и принципов [32, стр. 4].

Абу Ханифа был непревзойдённым учёным-правоведом, профессиональным педагогом, воспитавшим достойное поколение учеников. Именно эти качества снискало огромное уважение народа к нему. И поэтому для разрешения правовых казусов люди обращались к нему.

Так вот: как бывает иногда (а может быть и часто), в дом одного мужчины залезли воры. И, что удивительно, воры были с той же местности, что и потерпевший, в связи с чем хозяин, проснувшийся, узнал их. Поэтому, чтобы хозяин дома их не выдал, они вынудили его дать клятву именем Аллаха, что он не выдаст их имена, а если он нарушить свой обет, то его брак с супругой повлечет «талок» (автоматический развод с женой). Потерпевший, лишившись всего своего имущество и состояния, впал в состояние прострации и не знал что делать: если назовет имена похитителей, то ему вернется его состояние, однако при этом согласно шариату потеряет свою жену (талок); если же не назовет имена похитителей, то жену он сохраняет (талока не будет), однако он не сможет вернуть свое

состояние.

В таких тяжелых раздумьях он пришёл к Абу Ханифе (Имам Аъзаму) и признался: «Не знаю что и сказать, а если скажу, не знаю каковы будут последствия», и по просьбе Абуханифы изложил ему суть проблемы, не назвав при этом имена воров.

Абу Ханифе (Имам Аъзаму) успокоил убитого горем мужчину, и заметил, что он предпримет такую тактику установления преступников (оперативную комбинацию), при котором потерпевший, указав на признаки, свойственные всем ворам, похитившим его имущество, не только не потеряет свою жену, но ко всему ему будет обеспечен возврат всего его имущества.

Естественно среди населения пошел слух, что якобы Абу Ханифа поступает не правильно, так как мужчина дал клятву, и если он не будет верен своей клятве, то его жене будет «талок» (развод). Однако Абу Ханифа успокоив всех, предложил дождаться результата его тактической операции и обещал, что исход дела будет решено в пользу потерпевшего.

Смысл тактического хода Абу Ханифы заключался в следующем: он, как лидер общины, дал распоряжение на следующий день провести вечернюю молитву в той мечети, которая расположена в месте проживания потерпевшего. После прочтения вечерней молитвы Абу Ханифа распорядился закрыть все двери (ворота) мечети за исключением одной из них, через которой все молящие могли бы покинут территорию мечети.

При этом Абу Ханифа дал потерпевшему следующее указание: «Ты стой возле двери и каждого, который не являлся вором, ограбивший тебя, скажи, что он не вор. Но как увидишь и узнаешь вора, не произнеси ни слова и промолчи».

Как было задумано, так и сделали. Именно путём применения Абу Ханифой комбинации все воры были выявлены и задержаны. При этом потерпевший и не нарушил свою клятву, и его супруга не подверглась талоку (разводу). Естественно население выразило свою признательность уму и находчивости ученого.

Согласно канонам ислама условием клятвы является то, чтобы каждый был мусульманином. Не принимается свидетельствование неверующего по отношению к мусульманину, а также и по отношению к неверующему. Но в мазхабе имама Абу Ханифы допускается свидетельство неверующего неверующему. Ещё одно из условий свидетеля – чтобы он был свободным и совершеннолетним человеком.

Есть определённые условия, которым должен отвечать свидетель. Это честность, справедливость, добросовестность, порядочность и благородство, соблюдение предписаний Всевышнего и избегание того, что запрещает Ислам.

Не принимается свидетельство несовершеннолетнего, также нечестивца, развратника, порочного человека, отклоняющегося от заповедей Всевышнего, не соблюдающего или же пренебрегающего предписаниями шариата. Свидетель должен быть в состоянии трезвости ума, также чтобы он не был умственно отсталым.

Не принимается свидетельство забывчивого, рассеянного человека, так как нет уверенности в том, что он говорит всё как есть и ничего не забыл. Но если такая забывчивость проявляется редко, то принимается, т. к. от этого никто не убережён.

Не принимается также свидетельство тех людей, профессия которых является запрещённой исламом, как, например, колдун, скульптор живых существ, астролог, предсказатель, проститутки. Не принимается свидетельство того, кто может вызвать подозрение, что он своим свидетельством извлекает для себя пользу или же отводит от себя вред. Например, не принимается свидетельство в пользу своего должника, на имущество которого наложен арест в пользу должников, в том, что он ему должен, т. к. он вызывает подозрение в том, что он свидетельствует для того, чтобы тем самым забрать у своего должника свой долг, который ему вернут, ссылаясь на его свидетельство; или же свидетельство в тех вещах, в которых он уполномочен, в пользу того, кто его уполномочил. Не принимается свидетельство родственников убийцы, ошибочно убившего другого, против свидетелей убийства, называя свидетелей убийства нечестивцами (фасык).

Не принимается свидетельство сына или внука в пользу отца или деда и, наоборот, свидетельство отца или деда в пользу сына или внука. Но принимается свидетельство против них в том случае, если между ними нет явной вражды, т. к. это не вызывает подозрений. Не принимается свидетельство врага против врага. То есть, это тот, кто проявляет ненависть к врагу своему, желая лишить его чего-либо, тем самым

причинив ему боль, или же тот, кто печалится, когда тот радуется, или же радуется тому, что врага постигла беда. Но свидетельство в пользу своего врага принимается.

Клятва не считается действительной у несовершеннолетнего, сумасшедшего, притеснённого, а также пустая клятва (т. е. та клятва, когда человек не имел намерения дать клятву, но слово клятвы выскочило изо рта), на что указывает оят священного Корана: «Не спросит Всевышний Аллах вас за пустые клятвы, а спросит вас Аллах за те клятвы, которыми вы заключали договора» (Сура 5. «Трапеза», оят 89).

Следует отметить, что на практике такая «предустановленная» сила данного доказательства приводит иногда к злоупотреблению со стороны тех, кто клянется и, в принципе, суд в таком случае не может каким-либо образом повлиять на дающего клятву [4, стр. 86].

Переходя к вопросу о дозволенности использования конфиденциальных источников и осведомителей в правоохранительных целях, отметим, что по справедливому замечанию А.Х. Ахкубекова, – этот вопрос наиболее противоречивый и сложный вопрос в исламском праве. С одной стороны, доносительство считается аморальным поведением, а с другой – имеется необходимость предотвращения преступлений и сохранения общественного порядка. Для обоснования допустимости использования осведомителей в целях борьбы с преступностью и обеспечения безопасности общества и государства мусульманские юристы приводят отдельные ояты Корана [4, стр. 85], толкуя их достаточно рационально.

Например, «...Помогайте друг другу в благочестии и богобоязненности, но не помогайте друг другу в грехе и вражде. И страшитесь Аллаха....!» (Сура 5. «Трапеза», оят 2.). По мнению мусульманских юристов, помощь «в благочестии и богобоязненности» и есть помощь в борьбе с преступностью и обеспечении безопасности государства. Такое содействие, по их мнению, может быть оказано в различных формах: путем сотрудничества с органами власти в целях «предотвращения зла»; предотвращением зла лично (самостоятельно) и т.д. А форма сотрудничества может быть любая: донесение о совершении зла (преступления) по телефону, написание письма, личные разовые встречи с представителями власти, долговременное (постоянное) гласное и негласное сотрудничество с органами власти и т.д. [4, стр. 85-86].

В настоящее время в исламских государствах за исключением Кувейта, не принят какой-либо законодательный акт, регулирующий общественные отношение в области оперативно-розыскной деятельности.

На фоне отмеченного малозначительного прогресса в общеисламских межгосударственных правовых актах конституции практических всех исламских государств также содержат достаточно скудные положения в отношении защиты указанных прав. Вместо подробного законодательного регулирования указывается на то, что все нормативные акты должны соответствовать Корану, Сунне, а также некоторым традициям, присущим сподвижникам пророка.

В статье 6 Основного закона Королевства Хиджаз (Саудовской Аравии) от 29 августа 1926 г. говорится: «Судебные решения в Хиджазском королевстве должны соответствовать книге Божьей, Сунне его пророка…, а также тому, чего придерживались сподвижники пророка и первые благочестивые поколения» [25, стр. 426]. В статье 198 Конституции Пакистана также говорится, что «не может быть издан ни один закон, противоречащий заповедям ислама, изложенным в Священном Коране и Сунне…» [25, стр. 367].

В некоторых исламских государствах отдельные стороны оперативно-розыскной деятельности регулируются правительственными актами, основывающимися на шариате, а в отдельных государствах (например, в Саудовской Аравии) прямо применяются положения канонического права.

В статье 154 Закона № 3 (Уголовного Кодекса) 1976 года Народной Демократической Республики Йемен устанавливает запрет проникновения в жилище против воли его хозяина, а статья 155 того же Закона предусматривает уголовную ответственность за «незаконное вскрытие адресованного другому лицу письма, задержку и вскрытие телеграмм, подслушивание телефонных переговоров… передачу их содержания третьим лицам даже в том случае, когда корреспонденция была отправлена в незапечатанном виде или оказалась вскрытой по ошибке или случайно».

В уголовном кодексе Кувейта, предусматривающем порядок «судебного» перехвата, установлено, что перехват коммуникационных

линий может осуществляться в «случае необходимости». При этом возникает вопрос о том, что означает словосочетание «случай необходимости» – необходимость чего или чья необходимость и в чем в данном случае подразумевается, какие именно «случаи».

Статьи 61-64 Уголовного кодекса Марокко устанавливает, что в случае, если речь идет о преступлении, предварительное следствие по которому обязательно, то офицер судебной полиции принимает все меры к обнаружению и изъятию орудий преступления, установлению лиц, связанных с совершенным или совершаемым преступлением, а также выявлению других предметов либо документов, имеющих отношение к преступлению. При этом он может «в соответствии с санкцией проводить обыск в частных помещениях» [24, стр. 26].

Как видно из Великой Хартии Ливии, возможны два способа ограничения права и неприкосновенность корреспонденции: первый – с согласия лица («консенсуальный перехват»), от которого исходит или которому отправлена корреспонденция, вне зависимости от того, есть общественная, опасность или нет; второй – использование корреспонденции во «вред обществу».

В Саудовской Аравии больше, чем в любом другом исламском государстве, сохранило свое прямое действие мусульманское каноническое право, где действует указ короля (№ 30 от 04.12.1384 г.; имеется в виду год хиджры, т.е. год по мусульманскому лунному календарю. 1384 год хиджры приходится примерно на 1961-61 годы по юлианскому календарю), регламентирующий порядок организации и деятельности Сил внутренней безопасности. Согласно данного Указа, каждый мусульман в целях предотвращения преступлений и обеспечения общественного спокойствия обязан оказывать содействие, в том числе и негласное содействие, указанным силам.

Примечания

* Абу Ханифа ан-Нуман ибн Сабит аль-Куфи (699-767), известный в исламском мире под псевдонимом Имоми Аъзам – великий исламский богослов, факих (законовед) и мухаддис (знаток хадисов; Хадис – это изречение, одобрение, образ или действие пророка Мухаммада, сумма которых образует Сунну), основатель и эпоним одной из четырёх суннитских правоведческих школ – ханафитского мазхаба. Ханафитский мазхаб является самым распространённым среди всех правовых школ. Ханафиты живут в Средней и Центральной Азии, Азербайджане, Турции, Сирии, Египте и других странах. В России ханафитами являются татары, крымские татары, башкиры, ногайцы, карачаевцы, балкарцы, черкесы, кабардинцы, абазины, часть кумыков в Дагестане и другие народы.

** Религиозно-правовые школы называются мазхабы. Слово «мазхаб» относится к арабскому корню «захаба» – пойти, направиться. Поэтому любое направление в религии, основанное на чьем-либо мнении, стало называться «мазхаб». Аль-Файюми в «Мисбах аль-мунир» (т. 1, стр. 211) говорит: «В арабском языке «пойти по мазхабу такого-то» значит пойти по его пути и направлению, а «пойти по мазхабу такого-то человека в религии» значит последовать за его мнением в религиозных вопросах».

*** Шариат считает употребление всех видов опьяняющих и одурманивающих веществ запрещенным и они подпадают под категорию «хамр». «Хамр» – это то, что затуманивает разум. Все, что перекрывает разум и выводит человека из нормального состояния, является «харом», т.е., запрещенным Аллахом и Его Посланником. Под категорию «хамра» подпадают все виды наркотиков и алкогольных напитков [39, стр. 37-38].

**** Перевод Н. Стрижкова. Другой вариант:

Ах, кто на свете не грешил, скажи?
Кто без греха всю жизнь прожил, скажи?
Я совершаю зло – Ты злом же отвечаешь...
Где разница? – по мере сил скажи!
(С. Словенов)

Список литературы

1. Рахмон Эмомали. Таджики в зеркале истории. – Душанбе, 2012.
2. Аль-Газали. Ихя Улуму-ад-Дини. Т. II. – Каир, 1956.
3. Аль-Касами Х.Б.Д. Раджу аль-амн ва аль-мумариса аль-идарийа. – Джидда: Дар аль-маджма аль-нлмий, 1979.
4. Ахкубеков А.Х. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности за рубежом и использования ее результатов в уголовном процессе. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2004.
5. Ахмад Фатхи Бахнаси. Аль-Джараим фи-ль-ислам. – Каир, 1962.
6. Бобоева Н.И. Эволюция государственной власти в историческом Таджикистане (IX – XIV вв.): Дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 2014.
7. Боголюбов А.С. К вопросу о рационалистическом принципе ар-ра'й в раннемусульманской правовой науке // Арабские страны: история, экономика. – М., 1974.
8. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
9. Виленский В.Д. Наблюдение в оперативно-розыскной деятельности: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001.
10. Даират аль-маариф аль-исламийа. – Каир, 1958.
11. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
12. Жданов Н.В. Исламская Концепция миропорядка. – М.: Международные отношение, 2003.
13. Захарцев С.И. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
14. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о допустимости проведения прослушивания телефонных переговоров по преступлениям небольшой и средней тяжести // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 3(266). – С. 135-141.
15. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
16. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
17. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
18. Зоиров Д.М. Таджики. От государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.
19. Зоиров Д.М. Таджикистан: От государства Саманидов до суверенной государственности. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 200 с.
20. Зоиров Д.М., Бобоева Н.И. Особенности становления государственной власти при Тахиридах // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 177-189.
21. Зоиров Д.М., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Государственная власть Саманидов: некоторые факторы, способствующие ее развитию // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 52-65.
22. Зоиров Д.М., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Разделение властей в Саманидском государстве: методологические подходы и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 96-104.
23. Игнащенков Ю.Ю., Захарцев С.И. Об истории возникновения и развития контроля почтовых отправлений // История государства и права. – 2006. – № 3. – С. 22-23.
24. Канун аль-мустафа аль-джинаийа. – Рабат.1979.
25. Конституции государств Ближнего и Среднего Востока / Пер., под ред. и сост. докт юрид. наук И.Д. Левина. – М.: Иностр. Лит-ра, 1956.
26. Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Гук А.И. Саманидское государство: некоторые вопросы организации государственной власти (даргох) и централизованного государственного управления (диваны) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 65-81.
27. Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Местное управление в Саманидском государстве: некоторые общетеоретические аспекты // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 67-76.

28. Маудуди С.А. Права человека в исламе. – Казань: Иман,1995.
29. Насурдинов Э.С., Сафаров Д.С. История государства и права Таджикистана. – Душанбе, 2013.
30. Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – Душанбе, 1977.
31. Обидов Д.С. Правосудие в средневековом Мавераннахре: теория и практика ханафитского внедрения // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2014. – Выпуск № 5 (61).
32. Обидов Д.С. Ханафитская правовая школа и ее значение в суннитском направлении исламского права: мавераннахрское течение: Автореф. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 2008.
33. Рахимзода Р.Х. Формирование и развитие правовых основ оперативно-розыскной политики в Республике Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 109-121.
34. Рене Давид. Основные правовые системы современности / Пер. с франц. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1967.
35. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: Вопросы теории и практики / АН СССР, Ин-т государства и права. – М.: Наука, 1986.
36. Хасан Х.Х. Право безопасности в исламе / Пер. с англ. Т. Жемковой. – Новосибирск, 1996.
37. Шахматов А.В., Захарцев С.И. Об истории правового регулирования оперативно-розыскного мероприятия наблюдение как формы содействия борьбе с преступностью // История государства и права. – 2004. – № 2. – С. 26-27.
38. Шахматов А.В., Захарцев С.И. Проблемы совершенствования правовой регламентации прослушивания телефонных переговоров и содействие в борьбе с преступностью // Российской следователь. – 2005. – № 2. – С. 36-38.
39. Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в исламе / Перевод с арабского М.Саляхетдинова. – М., 2005.
40. Gardet Louis. Les Hommes de l'Islam: Approche des mentalites. 2-e ed. mise a jour. Paris: Hachette, 1981.
41. Nazir J.J., Hons B.Л., Lond Ph.D. The Islamic Law of Personal Status. – London: Graham & Trotman. – 328 p.

МУСАЕВ Магомед Алаудинович,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московской международной экологической академии, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: musaev-ma@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВО И ПРАВОВОЙ ГУМАНИЗМ КАК ТИП ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. *Рассматриваются право и правовой гуманизм как тип государственно-правовой идеологии. Отмечается, что в ситуации юридической неопределенности, вызванной законодательными пробелами и коллизиями, именно правовой гуманизм позволяет преодолеть проблемность ситуации. Делается вывод о том, что правовой гуманизм сегодня является необходимым условием и доктринальным основанием государственной правовой идеологии, выступая в в качестве содержательного каркаса юридической грамотности.*

Ключевые слова: *правовой гуманизм; право; идеология; естественное право; правовое воспитание.*

MUSAEV M.A.

LAW AND LEGAL HUMANISM AS A TYPE OF PUBLIC-LEGAL IDEOLOGY

The summary. *The right and legal humanism as type of state-legal ideology are considered. It is noticed that in a situation of the legal uncertainty caused by legal blanks and collisions the legal humanism allows to overcome problematical character of a situation. The conclusion that the legal humanism is today a necessary condition and doctrinal the basis of the state legal ideology becomes, acting in as a substantial skeleton of legal education.*

Key words: *legal humanism; the law; ideology; the natural law; legal education.*

Право и правовой гуманизм как тип государственно-правовой идеологии и правопонимания имеют то сходство, что, являясь элементами правовой системы, воздействуют на общественные отношения. Но если право осуществляет это воздействие на основе охраняемых государством правовых норм, то правовой гуманизм воздействует на них, формируя сознание их участников на основе идеала законности и правопорядка, опираясь на правовые ценности и принципы, правовые теории и доктрины и др., то есть в отличие от права правовой гуманизм осуществляет воздействие на общественные отношения опосредованно, как через само право, в котором он воплощен в нормативной форме, так и через правоотношения, где существенную роль играет оценка права его субъектами.

Исходя из того же критерия характера и цели воздействия классификации функций, функции правового гуманизма следует рассматривать как наиболее существенные направления и стороны его воздействия на общественные отношения, опосредованные правовыми нормами и институтами, правоприменением и правотворчеством.

По нашему мнению, в контексте данного определения можно выделить следующие категории функций правового гуманизма:

- правотворческая;
- правозащитная;
- правореализации;
- воспитательная.

Правотворческая функция направлена на формирование права и состоит в реализации в нормативно-правовых актах, правовых нормах и институтах, идеалов законности и правопорядка, определяемых культивируемыми в том или ином социально-культурном контексте гуманистическими ценностями и традициями [18; 20; 97; 98; 99; 100; 101; 102; 103; 104; 105], представлениями об общественном благе, правовыми идеями, идеалами и принципами [69; 71; 108; 109; 110], гуманистическим типом правопонимания [9; 10; 11; 57; 58; 59]. Учитывая, что правовой гуманизм как тип государственно-правовой идеологии представляет собой систему официально принятых взглядов на государственно-правовое регулирование общественных отношений, важно отметить значительную роль в реализации данной функции официально-принятых доктринальных документов, выражающих указанные элементы [3; 4; 25; 26; 61; 87; 88; 93; 121; 122; 123; 124].

Правозащитная функция направлена на защиту прав и свобод человека, которые рассматриваются высшей ценностью государственной политики, и реализуется в толковании правовых норм и положений нормативно-правовых актов, которые не имеют четких юридических механизмов реализации. В условиях, когда в ситуации правовой неопределенности, вызванной правовыми пробелами и коллизиями [31; 40; 41; 42; 43; 113], методы юридической техники не являются достаточными, именно реализация данной функции правового гуманизма позволяет преодолеть проблемность ситуации.

Функция правореализации осуществляется в правоотношениях и направлена на устранение противоречий между нормами позитивного права и сознанием их участников. Понимание социального смысла и назначения права является важным условием правоотношений, в которых реализуются субъективные права.

Воспитательная функция направлена на формирование соответствующих гуманистической правовой политики свойств личности, включающей соответствующие стереотипы сознания, нравственности, правовой культуры и др., не получивших закрепления в нормах позитивного права, охватывая своим содержанием ту часть воздействия на общественные отношения, которая осуществляется не специально-юридическими, а идеологическими средствами, важнейшими из которых являются правовое воспитание и профилактика правонарушений [33; 34; 35; 36; 60].

Здесь необходимо отметить, что значительным потенциалом развития правового гуманизма в российской правовой системе обладает современное антикоррупционное законодательство [22; 27; 44; 48; 54; 62; 76; 78; 82; 83; 84; 89; 114; 115; 118; 120]. Соответственно, представляет интерес опыт реализации правового гуманизма в антикоррупционной государственно-правовой идеологии. Так, очевидно, что функции государственно-правовой идеологии в сфере противодействия коррупции должны иметь ту же совокупность функциональных категорий.

Предварительно следует сказать, что существенную роль в определении системы функций государственно-правовой идеологии в сфере противодействия коррупции играют антикоррупционные правоотношения, являющиеся общим и необходимым условием функционирования антикоррупционной идеологии [7; 14; 32; 55; 63; 64; 66; 70; 77; 79; 80; 81; 85; 116]. По некоторым оценкам, правоотношения в сфере борьбы с коррупцией включают следующие элементы:

«1. Субъекты – государство, его органы и организации являются основными субъектами борьбы с коррупцией. При этом, как указывалось, полиция и милиция находятся на переднем крае борьбы с нею.

2. Объекты – коррупция как социальное явление, зло, уголовное преступление, причины и условия, ее порождающие или способствующие возникновению и развитию.

3. Система социально-правовых принципов, гарантий, направлений, форм, способов и средств деятельности по осуществлению борьбы с коррупцией.

4. Правосубъектность, то есть правоспособность, дееспособность и де-

ликтоспособность сотрудников полиции.

5. Система правового регулирования правоохранительной деятельности национального и международного уровней.

6. Правовая культура.

7. Правосознание субъектов правоохранительных отношений» [5].

При этом следует согласиться с выделением следующей совокупности функций государственно-правовой антикоррупционной идеологии:

- онтологическая функция, направленная на определение сущности, содержания, форм проявления и социальной направленности противодействия коррупции [15; 23; 46; 86; 92];
- кумулятивно-закрепительная функция, направленная на анализ, накопление, обобщение и сохранение проверенных практикой, устоявшихся форм отношений, общения, поведения, деятельности, сознания (мышления) в данной сфере;
- трансдинамическая функция, состоящая в передаче форм, средств и методов противодействия коррупции последующим поколениям посредством закрепления их существенных элементов в нормативно-правовых актах и доктринальных документах;
- официально-формализующая функция, то есть установление и определение форм, способов и средств создания, сохранения, реализации и передачи элементов государственно-правовой антикоррупционной идеологии;
- правоохранительная функция, направленная на охрану интересов личности, общества и государства от их нарушения и несоблюдения [6; 19; 74; 126];
- организующе-мобилизующая и предметно-деятельная функции, направленная на создание, стимулирование формирования наиболее эффективных принципов и форм противодействия коррупции, приведение их в действие, в социальную практику;
- мировоззренческая, воспитательная или социализаторская, а также
- нравственная, идеологическая и методологическая функции [5].

Очевидно, данная категориальная система функций и их совокупностей может стать методологической базой анализа не только состояния данной сферы государственно-правовой идеологии, но и правовой идеологии как таковой. Соответственно методологически корректно и их перенесение на сферу правового гуманизма.

Как было показано выше, правовой гуманизм – это нравственно-правовая категория, выражающая юридическое признание и закрепление высшей ценности человека, его прав и свобод. В институциональном контексте он представляет собой систему нормативно закрепленных нравственно-правовых требований, выражающих признание человека высшей ценностью, охраняющих интересы общества, права, свободы, честь и достоинство человека и гражданина в юридически значимых обстоятельствах.

Соответственно, онтологическая функция правового гуманизма может рассматриваться как совокупность критериев оценки позитивного права, посредством которых выясняется его мера соответствия ценностям правового гуманизма. Следует подчеркнуть, что правовой гуманизм выступает в виде конкретных социально-правовых явлений, как урегулированная морально-правовыми нормами совокупность общественных отношений – основанный на гуманистических ценностях общественный порядок. В этом смысле важнейшей функцией правового гуманизма является выяснение степени соответствия данного порядка нормам и ценностям правового гуманизма, что и раскрывается его онтологической функцией.

Кумулятивно-закрепительную функцию правового гуманизма следует рассматривать как накопление и трансляцию юридической практики закрепления гуманизма в праве, развитие права на его началах, развитие гуманистического правопонимания, обобщение и сохранение форм и способов гуманизации правового регулирования общественных отношений и др.

Трансдинамическая функция состоит в передаче форм, средств и методов правовой защиты личности, ее прав и свобод последующим поколениям посредством закрепления их существенных элементов в нормативно-правовых актах и доктринальных документах.

Официально-формализующая функция состоит в установлении и определении форм, способов и средств создания, сохранения, реализации и передачи правового гуманизма.

Правоохранительная функция заключается в охране интересов личности, общества и государства от их нарушения и несоблюдения [13; 17; 65; 125].

Необходимо отметить, что правоохрани-

тельная функция включает объективную и субъективную стороны. Объективная сторона заключается в наличии институциональных правоохранительных структур, деятельность которых направлена на реализацию правового гуманизма, а именно на защиту прав и свобод личности. Субъективная же сторона состоит в содержании сознания их субъектов, оценке их деятельности в контексте гуманистических ценностей. Так, в последние годы большое значение в реализации правового гуманизма имеют корпоративные кодексы сотрудников правоохранительных органов, содержание которых строится на основе правового гуманизма [94].

Организующе-мобилизующая и предметно-деятельная функции сводятся к созданию организационных и нормативных средств реализации правового гуманизма, обеспечивающих формирование и реализацию наиболее эффективных принципов и форм реализации правового гуманизма в праве.

Полагаем, что более подробно следует остановиться на мировоззренческой, воспитательной, социализаторской, нравственной, идеологической и методологической функциях.

Прежде всего, несколько слов следует сказать о самом понятии социализации личности, которое является ключевым в раскрытии содержания данных функций. Очевидно, что социализация жизни приводит к тому, что процесс осознания и реализации интереса личности, которая не может его осознать и реализовать, возлагается на субъект, который в состоянии это сделать, то есть государство в лице органов государственной власти и органов местного самоуправления [16]. В данном случае идет речь о субъекте, уполномоченном правами на основе закона, на осуществление установленных нормативно-правовыми актами действий со стороны государства. Исходя из этого, мы можем предположить, что социализация в данном случае облекается в правовую форму.

В то же время необходимо учитывать, что человек не рождается с заранее заданными социально-положительными свойствами. Его личность формируется именно потому, что с момента рождения он становится не просто биологической особью, а существом общественным. Эта общественная, специфически человеческая сущность является следствием процесса социализации, в том числе и правовой социализации. Именно благодаря процессу правовой социализации человек приобретает конкретные качества и свойства, влияющие на его правомерное поведение в обществе. Из многообразия социально-психологических и правовых аспектов процесса правовой социализации нас в данном случае интересует только один, а именно – какую роль выполняет право в процессе социализации [67].

Социализацию личности, на наш взгляд, следует рассматривать как непрерывный процесс превращения родившегося индивида в полноправную человеческую личность, усвоения им определенной системы знаний, умений, норм, ценностей, приобретения особых индивидуально-психологических, а также социально значимых черт, позволяющих ему ориентироваться в различных жизненных ситуациях.

До настоящего времени не выработано четкого определения социализации, которое в равной мере удовлетворяло бы философов, социологов, социальных психологов, педагогов, правоведов и других специалистов [8; 49; 119]. Не ставя перед собой задачу выработать универсальное определение понятия социализации личности, мы, однако, считаем необходимым затронуть данный вопрос, поскольку выяснение сущности процесса социализации неразрывно связано с объяснением указанных выше функций. Человеку присуще многообразие желаний, стремлений, интересов, жизненных и ценностных ориентаций и потребностей, реализующихся в ходе социального взаимодействия с другими людьми, различными коллективами и группами, т.е. имеет, по сути, один источник – общественную жизнь человека. В процессе правового воспитания и образования, в том числе и юридического образования, общество и его правовая культура превращают первичные природно-органические потребности и инстинкты родившегося человеческого существа в социально значимые регуляторы правомерного поведения, формируют человеческую личность [75].

Так или иначе, процесс социализации понимается в современных общественных науках как процесс вхождения индивида в общество, принятие его норм и правил, как процесс познания окружающего социального пространства, идентификация себя с определенной социальной ролью. Очевидно, что в контексте социализации формирование мировоззрения,

воспитание, соответствующие нормы нравственности выступают необходимым условием полноценного существования индивида, а их содержание является методологическим ключом понимания общественного бытия и эффективной социальной деятельности.

Так, правовой гуманизм, культивирующий соответствующие ценности (ценности естественного права), раскрывает сущность отношения индивида и социума, человека и человека, трактуя человека как высшую общественную ценность, что и обозначено в качестве его мировоззренческой функции. В естественном праве сформулированы те идеи, принципы и требования, которые «составили основу для последующего правового развития. К ним относятся свобода, равноправие, неприкосновенность собственности, безопасность от произвола властей и т.д. [117, стр. 24]. Потенциал естественного права в современных условиях органически вплетается в ткань правового гуманизма, определяющего жизнедеятельность членов развивающегося гражданского общества, признающего достоинство человеческого существования. О данном потенциале естественного права вели речь многие умы мировой истории, на что обращают внимание современные исследователи [12; 28; 30; 37; 38; 39; 45; 47; 52; 72; 73; 90; 91; 95; 96; 106; 107; 111; 112].

Познание сущности и социального предназначения права как особого общественного явления «невозможно без понимания природы человека во всех проявлениях, без проникновения в потребности человека, его способности, стремления. Теория права должна начинать с антропологического момента» [127, стр. 27]. Природа человека, его жизненные притязания раскрываются в идеях и принципах правового гуманизма, которые исходят из достоинства человеческого существования.

Говоря о воспитательной функции, следует, прежде всего, отметить, что воспитание в широком смысле – функция общества, обеспечивающая его развитие посредством передачи новым поколениям людей социально-исторического опыта предшествующих поколений. Рассуждая о воспитании в социальном смысле, мы, по существу, рассматриваем социализацию человека как процесс и как результат. Воспитание, как и образование, – сила, способная сформулировать и дать обществу полноценную личность. «Эффективность воспитательного воздействия достигается целенаправленным, систематическим и квалифицированным руководством этим процессом. Такой подход резко повышает эффективность процесса воспитания» [24, стр. 12].

Важную роль в современном обществе играет правовое воспитание, которое выступает функцией правового гуманизма. В настоящее время в юридической литературе существуют различные определения правового воспитания. Обратимся к некоторым из них. Так, например, В.К. Бабаев в курсе лекций по общей теории права дает следующее определение: «Правовое воспитание есть планомерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание, психологию граждан Российской Федерации всей совокупности многообразных правовоспитательных форм, средств и методов, имеющихся в арсенале современной правовой деятельности, с целью формирования в их правосознании глубоких и устойчивых знаний, убеждений, потребностей, ценностей, привычек правомерного поведения» [56, стр. 88].

А.А. Кваша определяет правовое воспитание через его составные элементы: «правовое воспитание состоит в передаче, накоплении и усвоении принципов и норм права, а также в формировании соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умении использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности». «Отсюда, – продолжает автор, – необходимость в осознанном усвоении основных, нужных положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения к праву. Полученные знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку строго следовать предписаниям, а затем – во внутреннюю потребность соблюдать закон» [29, стр. 18].

Л.П. Рассказов дает следующее определение правового воспитания: «Правовое воспитание – целенаправленный процесс воздействия на сознание людей с целью формирования высокого уровня правовой культуры. В его задачи входит формирование: а) знаний о праве; б) внутреннего уважения к праву; в) умения применять правовое знание на практике; г) привычка действовать в соответствии с правовыми предписаниями». Далее Л.П. Рассказов раскрывает сущность

правового воспитания, которое представляет: «...систему элементов, образующих правовоспитательный процесс. Эта система включает в себя субъекты (воспитателей), объекты (воспитываемых), правовоспитательные мероприятия (формы, методы, средства)» [68, стр. 448-449].

Мы разделяем точку зрения, согласно которой «Правовое воспитание – это целенаправленная деятельность государства, общественных объединений по передаче юридического опыта; систематическое воздействие на сознание и поведение человека в целях формирования определенных позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм» [21].

Итак, правовой гуманизм выступает в качестве содержательного каркаса правового воспитания, когда один из его модусов функционирует в виде совокупности идей и принципов, лежащих в основе воспитательного процесса.

Отсюда видна и доктринальная определенность правового гуманизма, его концептуальная четкость и взвешенность, необходимая для определения целей и задач правового регулирования общественных отношений. Правовой гуманизм сегодня является необходимым условием и доктринальным основанием государственной правовой идеологии. По сути дела, правовое государство не может обойтись без правового гуманизма, так же как оно не может обойтись без ценностей и идеалов естественного права, выступающих смысловой базой правовых законов.

В заключение статьи необходимо сделать вывод о том, что функции правового гуманизма представляют собой наиболее существенные направления и стороны его воздействия на общественные отношения, опосредованные правовыми нормами и институтами, правоприменением и правотворчеством. К числу наиболее существенных функций относятся: онтологическая, кумулятивно-закрепительная, трансдинамическая, официально-формализующая; правоохранительная функция, организующемобилизующая, предметно-деятельная, мировоззренческая, воспитательная, нравственная, идеологическая и методологическая функции.

Таким образом, изучение системы структуры и функций правового гуманизма, проведенное нами ранее [50; 51; 53], позволяет сделать ряд методологических выводов, имеющих важное значение для понимания закономерностей формирования, функционирования и развития правового гуманизма, его состояния в российской правовой системе.

Система правового гуманизма представляет собой совокупность источников (форм), системная взаимосвязь которых обусловлена конституционно закрепленной высшей ценностью прав и свобод человека и гражданина, целью государственно-правового регулирования общественных отношений. Система правового гуманизма в правовом поле России включает Конституцию РФ, устанавливающую ценностно-правовую основу государственной политики по реализации и защите прав и свобод человека и гражданина, Стратегию национальной безопасности до 2020 года и вновь разработанную Стратегию национальной безопасности [1; 2], устанавливающую приоритеты защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства, ратифицированные Российской Федерацией международные нормативно-правовые документы, определяющие ценностно-нормативную основу правового регулирования в контексте декларирования высшей ценности человека, его прав и свобод, государственные стратегии, концепции и правовые доктрины, определяющие направления, принципы, формы и способы реализации правового гуманизма в структуре правового порядка.

Структура правового гуманизма есть совокупность устойчивых связей, обеспечивающих сохранение и воспроизводство его ценностного, концептуального и доктринального содержания в правоотношениях, правотворчестве, толковании права и правоприменении. Закономерности функционирования правового гуманизма в правовой системе определяются взаимосвязью его организационно-правового, институционально-правового и ценностно-правового компонентов и состоят в легитимации правовых идей и принципов, определяющих правовое регулирование и реализацию прав и свобод человека, выявление концептуально-правового содержания гуманизма как социально-правового явления, научного обоснования способов и средств его реализации, разработку понятийно-терминологического аппарата.

Функции правового гуманизма представляют собой наиболее существенные направления и стороны его воздействия на общественные

отношения, опосредованные правовыми нормами и институтами, правоприменением и правотворчеством. К числу наиболее существенных функций относятся: онтологическая, кумулятивно-закрепительная, трансдинамическая, официально-формализующая; правоохранительная, организующе-мобилизующая, предметно-деятельная, мировоззренческая, воспитательная, нравственная и методологическая функции. В системе функций российской государственно-правовой идеологии, официально закрепленных в ее источниках, доминируют правоохранительная и организующе-мобилизующая, что свидетельствует о коллизии функционально реализуемой правоохранительной и декларируемой официальной правовой доктриной профилактической направленности государственной политики, причины которой лежат в непоследовательной институционализации правового гуманизма.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
3. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
4. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
5. Александров С.Г. Правовой механизм борьбы полиции с коррупцией (сравнительно-правовое исследование на примере Российской Федерации и ведущих зарубежных стран): Дис. …докт. юрид. наук. – М., 2005.
6. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
7. Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.
8. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 1988.
9. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199.
10. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 206-216.
11. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: философский подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 192-204.
12. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
13. Возгрин И.А., Сальников В.П. Новое информационное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел (концептуальные проблемы и система организации). – СПб., 2000.
14. Волеводз А.Г. Должностное лицо публичной международной организации как субъект коррупционных преступлений: противоречия нормативного определения // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 1(13). – С. 110-117.
15. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). – М., 2013.
16. Груздев В.В. Равенство и справедливость как условие и критерий эффективности гражданского законодательства // Российская юстиция. – 2009. – № 7. – С. 23-28.
17. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).

18. Дашин А.В., Сальников М.В., Клименко О.А. Обычное право в правовой системе традиционного общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 42-58.
19. Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов, докторантов, адъюнктов и соискателей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский ун-т МВД Росси. – СПб, 2005. Том Выпуск 22. Часть 2.
20. Ерофеев К.Б., Сальников М.В. Древняя Русь и правовые идеалы славянских язычников // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 52-66.
21. Жинко А.Н. Правовая социализация личности в контексте правового воспитания и юридического образования: Дис. …канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2012.
22. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
24. Иванова А.А. Педагогическая профилактика в системе предупреждения преступлений: Дис. ...канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.
25. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
26. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
27. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Коррупционная матрица: вчера, сегодня, завтра // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 111-127.
28. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
29. Кваша А.А. Правовые установки граждан: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002.
30. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.
31. Кондрат И.Н. Судебный контроль в охране прав и свобод участников уголовного процесса на стадии досудебного производства: пробелы законодательного регулирования и перспективы его совершенствования // Российский судья. – 2012. – № 11. – С. 29-33.
32. Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.
33. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
34. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
35. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
36. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
37. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
38. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
39. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47.
40. Лазарев В.В. Избранные труды: В 3 т. Том 2: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «ЮСТ». – М.: Новая юсти-ция, 2010. – 502 с.

41. Лазарев В.В. Пробелы в праве: Вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань: [б. и.], 1969. – 95 с.
42. Лазарев В.В. Пробелы в советском праве и методы их установления: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: МГУ, 1967. – 21 с.
43. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М., 1974.
44. Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. – 2007. – № 11. – С. 20-27.
45. Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский // Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и К°, 2014. – С. 11-63.
46. Максимов С.И. Онтологическая природа права // Проблеми законності, Харків: НЮАУ, 2001. – 2001. – № 48. – С. 175-184.
47. Мальцева С., Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. Том 1-2. – СПб.: Пневма, 2012. – 720 с., ил.
48. Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59.
49. Морозова О.Ф. Социализация личности и ее реализация в пространственно-временных формах: Дис. ...канд. филос. наук. – Красноярск, 1987.
50. Мусаев М.А. Правовой гуманизм и его функции через функции права // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 31-40.
51. Мусаев М.А. Ценностно-правовой уровень гуманизма в контексте его структуры // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 77-89.
52. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
53. Мусаев М.А., Сальников С.П. Правовой гуманизм и его структура (общие подходы) // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 60-78.
54. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 3. – С. 4-10.
55. О совершенствовании правового регулирования выявления коррупционных правонарушений и возмещения причиненного ими ущерба: Сборник материалов / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Ком. Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества; под общ. ред. А.Н. Савенкова. – М., 2012.
56. Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993.
57. Оль П.А., Сальников М.В. Исторический дуализм в правопонимании: единство и противоречия естественного и волевого начал в праве // История государства и права. – 2003. – № 4. – С. 5-7.
58. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен (теоретико-аксиологический аспект) // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., г. Санкт-Петербург, 19 декабря 2002 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2003. – С. 126-129.
59. Оль П.А., Сальников М.В. Правопонимание как феномен: понятие, уровни, критерии научности и основания типизации // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С. 68-75.
60. Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
61. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С 52-58.
62. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
63. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций / Хабриева Т.Я. , Тиунов О.И. , Кашепов В.П., Каширкина А.А., Кокорев Р.С., Бальхаева С.Б., Осьминин Б.И., Сакаева О.И., Артемов В.Ю., Гравина А.А. – М., 2012.
64. Правовые проблемы противодействия коррупции: Материалы Международной научной конференции. Москва, 2 ноября 2011 г. / Отв. ред. Л.В. Андриченко, О.О. Журавлева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2012. – 280 с.
65. Правоохранительная деятельность в России: теория и практика: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 11 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 1999.

66. Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: Научно-практическое пособие / Л.В. Андриченко, О.А. Беляева, В.И. Васильев и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой; редколлегия Л.В. Андриченко, Е.И. Спектор, А.М. Цирин. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 236 с.
67. Проценко С.В. Психофизиологические особенности лиц, совершающих транспортные правонарушения // Юридическая психология. – 2008. – № 2. – С. 25-29.
68. Рассказов Л.П. Теория государства и права. – М., 2010.
69. Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 3. – С. 89-95.
70. Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Н.Г. Семилютина, Е.И. Спектор. – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Контракт, 2012. – 240 с.
71. Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права (конец XIX – начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.
72. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
73. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
74. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
75. Савардунова В.Н. Теоретические, социальные и психолого-педагогические механизмы ресоциализации осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 5. – С. 40-48.
76. Савенков А.Н. Деятельность Совета Федерации по противодействию коррупции // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2012. – № 10. – С. 14.
77. Савенков А.Н. Противодействие коррупции как важное направление социально-политического развития Российской Федерации: взгляд парламентария // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской Таможенной академии. – 2012. – № 1(41). – С. 14-34.
78. Савенков А.Н. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции: Парламентские слушания, 22 июня 2012 года / Федеральное Собрание Российской Федерации, Совет Федерации; под общ. ред. А..Н. Савенкова. – М., 2012.
79. Савенков А.Н., Савенков А.А. Антикоррупционные практики Великобритании // Вестник Российской правовой академии. – 2012. – № 3. – С. 54-61.
80. Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
81. Савенков А.Н., Савенков А.А. Международное сотрудничество для борьбы с коррупцией и финансовыми преступлениями // Российский следователь. – 2012. – № 21. – С. 42-48.
82. Савенков А.Н., Савенкова Л.В. Состояние и проблемы формирования антикоррупционной правовой культуры в Российской Федерации // Проблемы формирования правосознания и правовой культуры современного российского общества: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – М., 2012. – С. 47-61.
83. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
84. Сальников В. Институализация коррупционных взаимодействий – угроза национальной безопасности // Защита и безопасность. – 2006. – № 1. – С. 6.
85. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
86. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
87. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
88. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
89. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
90. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.
91. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к

представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
92. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
93. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
94. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
95. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 20-32.
96. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
97. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
98. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
99. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
100. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
101. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
102. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
103. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
104. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
105. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
106. Сальников М.В., Румянцева В.Г. Догма права в концепции С.А. Муромцева // История государства и права. – 2004. – № 5. – С. 5-6.
107. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129.
108. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.
109. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
110. Сальников С.П. Российские правоведы об идеальном гражданском обществе дореволюционной России // История государства и права. – 2010. – № 17. – С. 28-33.
111. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
112. Сауляк О.П., Экимов А.И.Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
113. Сергевнин С.Л. Конституционно-правовые пробелы и дефекты: некоторые теоретические и прикладные вопросы // Вестник Уставного Суда Калининградской области. Июль 2009 – август 2010. – № 13-14. – Калининград, 2010. – С. 145-150.
114. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
115. Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С 4-11.
116. Степашин С.В. Скверное управление – скверна коррупции // Защита и безопасность. – 2013. – № 4.- С. 27.
117. Туманов В.А. Учения о праве // Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. – Н.

Новгород, 1993.
118. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: Материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24-25 апреля 2014 г.) / С.Е. Нарышкин, Т.А. Голикова, Т.Я. Хабриева и др.; отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2015. – С. 48-55. – в сб. 224 с.
119. Филиппова Л.В. Социализация личности и педагогическая деятельность общества. – Горький, 1985.
120. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
121. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
122. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
123. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
124. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
125. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 288 с.
126. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.
127. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Учебное пособие. Т. 1. Вып. 1.– М., 1995.

КОЛЯДИН Андрей Михайлович,
докторант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. В.М. Ломоносова, кандидат политических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: andy@list.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, политические процессы и технологии

СУБЪЕКТ КАК КЛЮЧЕВАЯ СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ПОЛЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Аннотация. *Анализируется субъект как ключевая категория политического и научного поля. Отмечается, что важным условием и формой проявления субъекта выступает его отношение к широкому спектру проблем. Рассматривается понятие политической субъектности как сочетания потенциальной и актуальной возможности участия в публичной власти. Подчеркивается важность учета при исследовании данных вопросов синкретизма современного общественного развития и положений доктрины естественного права.*

Ключевые слова: *политическая субъектность; субъект; естественное право; синкретизм; суверенитет.*

KOLYADIN A.M.

SUBJECT AS A KEY MANAGEMENT AND SEMANTIC CATEGORY OF POLITICAL SCIENTIFIC FIELDS: THE ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL FACTORS

The summary. *The subject as a key category of a political and scientific field is analyzed. It is noticed that as the important condition and the form of display of the subject its relation to a wide spectrum of problems acts. The concept political subjectivity as combinations of potential and actual possibility of participation in the public power is considered. Importance of the account is underlined at research of the given questions syncretism of modern social development and positions of the doctrine of the natural right.*

Key words: *political subjectivity; the subject; the natural law; syncretism; the sovereignty.*

В научной литературе наблюдается острота дискуссий и попытки вытеснения субъекта. Тем не менее, он все-таки остается в качестве ключевой смыслообразующей и управленческой категории научного поля. В пользу этого свидетельствуют онтологические и гносеологические факторы [86; 93]. Во-первых, субъектная основа бытия и регулирования общества, во-вторых, объективный процесс формирования всеобщности субъектов, в-третьих, трансцедентальность субъектов, что убедительно доказано еще в советский период В.А. Лекторским [49]. Специфика же субъекта определяется его ролью как инициатора каких-либо взаимодействий, как системного проектировщика характера воздействия, определяющего необходимые составные элементы и взаимосвязь между ними и, наконец, как регулятора взаимодействия с объектом.

Способность создавать систему – главное свойство всякого субъекта, характеризующее его системные усилия, самостоятельность, самодостаточность и даже автономность.

Субъект не только начинает взаимодействие, формирует его систему, но управляет им, задавая определенные параметры и поддерживая эти процессы до некоторого допустимого предела, обусловленного спецификой своей природы.

Субъект представляет определенное образование, структуру, социальную общность или отдельного человека, выступающих в роли инициатора, систематизатора и регулятора всех изменений [20], что позволяет представить субъектность как управленческую или мировоззренческую позицию. Однако значимость представляет не только позиционная интерпретация субъекта, но и ролевая, позволяющая в итоге определять его назначение и разнообразные роли.

Не просто как некоего субстракта или субстанции, обладающих материально-вещественной формой в качестве физического носителя, но как воплощения функциональной роли, что позволяет избежать «распространения субстанционального подхода», об опасности которого нас предупреждают авторитетные французские социологи [8].

С учетом этого появляется возможность в политико-управленческом смысле утверждать о двухмерности субъектности. С одной стороны, как содержательно-мировозренческой позиции физических или юридических лиц, а с другой стороны, как специфической роли.

Организационно-содержательный каркас субъектности составляет деятельность, а важным условием и формой проявления субъекта – отношение к широкому спектру проблем (на основе обоснованного самоопределения), что предполагает целеполагание, рефлексивность, самостоятельность.

Если понимание субъекта на индивидуальном уровне можно и нужно связывать с самостоятельностью, с независимостью от какой-либо ситуации, то политологическим эквивалентом самостоятельности на уровне социума и уровне политической системы и национальных государств является, по нашему мнению, суверенитет, а суверен, согласно Адаму Смиту, обладает тремя обязанностями: защита отечества, обеспечение справедливости, возведение и поддержание общественных институтов и механизмов [105].

Синонимом суверенитета и показателем подлинно национального развития уместно рассматривать, на наш взгляд, политическую независимость [99].

Разновидностью суверенитета, судя по всему, может рассматриваться духовный суверенитет, что является чрезвычайно важным для сохранения социокультурной идентичности в условиях глобализации [90] и интенсивного тиражирования развитыми странами образцов и эталонов деятельности, в том числе и так называемых ценностей, порой отражающих лишь специфику англо-саксонской цивилизации [5; 13; 24; 33; 34; 74; 87; 88; 92; 94; 95; 96; 97; 100; 101; 103; 109].

Среди условий и показателей субъектности, вероятно, должно бы быть обозначено укрепление внешних границ со средой, а точнее, духовного суверенитета общества и общественно-политических условий существования, а также уровень цивилизационной зрелости, дееспособности, суверенности.

В проявлении самостоятельности и суверенности суть понимания нами субъектности. Более развернутое и полное предполагает учет эвристического потенциала деятельности как концептуально-аналитического принципа, как несущей конструкции и при изучении различного вида субъектов и субъектности в целом.

Сформированный на основе деятельности особый познавательный подход выступает антитезой созерцательному подходу к познанию, к принципам «зеркального отражения».

Ценность деятельностного подхода применительно к анализу политических коммуникаций государства и гражданского общества состоит в том, что таким образом конкретней и детальней рассматриваются и фиксируются имеющие место процессы (в отличие от нормативистского подхода, акцентирующего внимание «на должном» (без учета сложившейся ситуации). Это, во-первых. Во-вторых, выявляются реальные изменения, а не имитация чего-либо в той или иной сфере общественной жизни или в отношении к кому-либо (например, к молодежи).

В-третьих, акцентируется внимание на механизмах, а не на содержании. В-четвертых, выявляются и оцениваются субъекты политических коммуникаций (и политики в целом) как носители возможных изменений.

Таким образом, методологически деятельность способна быть концептуальным фундаментом

субъектности как принципа анализа политических коммуникаций и их проектирования. Она отражает социальное бытие, реальность [9].

Исследование политической субъектности основано на концепте тесной связи политики и права, что позволяет провести аналогию между ней и правовой субъектностью. При этом правосубъектность является базовой и разработанной категорией в теории права.

Правосубъектность определяют как способность быть субъектом права, которая состоит из двух составных частей: правоспособности и дееспособности. Правоспособность – способность лица иметь права и нести обязанности. Дееспособность – способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя обязанности и исполнять их.

Таким же образом политическую субъектность можно рассматривать как сочетание потенциальной и актуальной возможности участия в публичной власти. Следовательно, политическая субъектность – это способность быть субъектом политических отношений, которая может быть потенциальной и актуальной. Потенциальная политическая субъектность формируется на основании правоспособности. Там, где право в своих нормах выделяет группу людей, возникает политический субъект, который потенциально может вступать в политические отношения и брать на себя политические обязательства. Актуальная политическая субъектность по аналогии с дееспособностью указывает на способность субъекта политики активно участвовать в политических отношениях: выражать политический интерес, создавать коллективы, влиять на принятие государственных решений.

Участие в политических отношениях в любой форме предполагает осознание и волю. И именно это понятие мы встречаем у одного из главных теоретиков политического понимания теории общественного договора, Ж.-Ж. Руссо. Он определяет волю как возможность субъекта принимать свободные решения согласно своего интереса. В принципе и у Локка, и у Гоббса понятия воли и интереса были также в той или иной степени затронуты, но Руссо на этом понятии сконцентрировал свое исследование. В работе «Об общественном договоре» он подчеркнул, что индивиды и коллективы обладают частной волей, которая не является общей, но может совпадать с ней. Общая же воля принадлежит Суверену, государству, сообществу граждан как целому. Общая воля носит тотальный и абсолютный характер, легитимирующий правовой порядок государства, и направлена всегда на общее благо-интерес. Частная же воля носит характер персональный и направлена на частное (индивидуальное или коллективное благо- интерес). Общая воля образуется из суммы частных воль, являя собой такое решение, которое, в конечном счете, приведет к общему благу (по Руссо – к упрочнению равенства).

Что важно в анализе концепта частной воли у Руссо, так это признание за ней догосударственного, внеправового характера. Например, в «Теории справедливости» Ролза воля субъектов в решении политических вопросов (такими признаются только вопросы, касающиеся устройства базовых политических институтов) является чисто гражданской, лишенной любого частного интереса, который просто вынесен за скобки. У Руссо же решение политических вопросов, в том числе и об устройстве базовых институтов, исходит наоборот из частного интереса индивида.

В государственной жизни, согласно Руссо, индивид обладает способностью осознавать общую волю постольку, поскольку он является не только частным лицом, но и политическим – гражданином. Подчеркнем – не обладает общей волей, а может лишь осознавать и действовать согласно ей. Руссо прямо утверждает, что: «частная воля не может представлять общую волю» [80, стр. 26]. Такой взгляд на проблему соотношения общего и частного в социальном контексте позволяет разрешить обычное недопонимание сути того, как складывается общая воля. Общая воля не есть воля частных индивидов («воля всех»), а воля Суверена, государства. Она направлена на благо [36; 56].

Иллюстрационным является интерпретация получения общей воли Б. Расселом в «Истории западной философии»: «...политическое мнение каждого человека определяется собственным интересом, но собственный интерес состоит из двух частей, одна из которых специфична для индивидуума, тогда как другая является общей для всех членов общества. Если между гражданами нет возможности осуществления взаимовыгодной сделки друг с другом, которая всегда случайна, их индивидуальные интересы, будучи разнонаправленными, взаимоуничтожатся и

останется результирующий интерес, который будет представлять их общие интересы. Этот результирующий интерес является всеобщей волей» [64, стр. 214].

Такая неопределенность – это слабость концепции Руссо. Он пытается легитимировать власть (показать связь между частной и общей волей) и через «метафизический» первоначальный договор, и через процедуру принятия решения. Однако в этом есть и своя эвристическая польза. Руссо заостряет внимание на внутренней борьбе политического субъекта: между его частным и гражданским интересом. Между прочим, это одновременно обнажает и моральный аспект политических вопросов.

Таким образом, политическая воля – это частная воля, стремящаяся стать общей. А политический субъект (индивид или коллектив) – это носитель политической воли. Право же оформляет то, как эта воля может быть реализована. Причем его генетическое влияние имеет, по крайней мере, два аспекта:

1) легитимация суверенитета (верховенства) общей воли,
2) легитимация суверенитета (независимости, защищенности) частной воли в ее изъявлении.

Во втором аспекте право создает политическую субъектность, наделяя субъект правами, а в первом наделяя его же обязанностями. Выражаясь проще, целью политических отношений для субъекта является возведение собственного интереса в общий интерес, а частной воли в статус общей (государственной) воли. Такое для субъекта возможно только при вступлении в политические отношения, которые формирует правовая система. Естественно, для вступления в такие отношения необходимо иметь правовой статус, который позволит субъекту реализовать свои политические интересы.

Значит, при социально-философском анализе изменений политической субъектности в первую очередь необходимо смотреть на то, как меняется правовая система государств, а также появления условий для ее изменений, которые могут быть вызваны как политической борьбой, так и, например, технологическими новшествами.

Исследование политической субъектности – это попытка зафиксировать важнейшие отличительные характеристики субъектов, реализующих свои интересы в политической сфере. В тривиальном смысле политическим субъектом является каждый дееспособный гражданин, достигший определенного возраста, имеющий право избирать и быть избранным. А это, по сути дела, каждый из нас, обладающий хотя бы только теоретической возможностью влиять на формирование политической системы и конфигурацию власти. Вместе с тем, как и другие центральные понятия нормативной политической философии (такие как «государство», «власть», «справедливость»), «политический субъект» – теоретический конструкт. Это, в частности, означает, что существенные характеристики таких субъектов могут выделяться достаточно произвольно, в зависимости от задач и интересов исследователя. Можно фиксировать необходимые и достаточные свойства или атрибуты политического субъекта – такие, например, как способность и готовность к осознанному действию, наличие политических обязательств, использование политического языка, следование императивам коллективной рациональности. Можно акцентировать внимание на отношениях субъекта и называть политическим субъектом того, кто вступает в политические отношения или же самим своим действием такие отношения создает.

В ходе подобной теоретической работы неизбежно возникает ряд методологических трудностей. Первая трудность в исследовании политической субъектности связана с очень разным пониманием «политического». Согласно стандартной и наиболее распространенной интерпретации, политика и политическое связываются со сферой действия государственно-административных институтов или с формами государственного управления. Такая позиция хорошо известна, и здесь нет смысла останавливаться на ней подробно. Однако в современном демократическом мире набирает силу тенденция, в рамках которой происходит существенное расширение понятия политического. В широком смысле политическим может считаться все то, что становится предметом публичных споров, причем споров, конечно, не праздных, а затрагивающих существенные (и часто личные) интересы участников дискуссии.

Такое стирание границ между сферой публичного и сферой частного может показаться относительно новой тенденцией, однако еще в 1930 г. Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» писал: «Сегодня же мы присутствуем при триумфе

гипердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и свои вкусы. Не следует объяснять новое поведение масс тем, что им надоела политика и что они готовы предоставить ее специальным лицам. Именно так было раньше, при либеральной демократии. Тогда массы полагали, что, в конце концов, профессиональные политики при всех их недостатках и ошибках все же лучше разбираются в общественных проблемах, чем они, массы. Теперь же, наоборот, массы считают, что они вправе пустить в ход и сделать государственным законом свои беседы в кафе» [60, стр. 46-47].

Несмотря на резко негативную оценку этой тенденции автором цитаты, суть заключается именно в том, что политическим становится все то, что таковым (в массовом порядке) начинают воспринимать люди. Формальными индикаторами превращения вопросов неполитических в политические можно считать апелляцию к таким терминам, как «власть» или «справедливость», попытки интерпретации тех или иных фактов или интересов либо в качестве проявления властных отношений (в самом широком смысле), либо как нарушения принципов справедливости.

Конечной целью подобных дискуссий является, как правило, борьба за законодательное признание таких интересов. Отличие от традиционного понимания политического в том, что здесь мы имеем дело не с обращением к реальным механизмам функционирования власти или обеспечения справедливости, не с попытками изменить их или хотя бы обратить к своей выгоде, а с использованием концептов («власть» или «справедливость») лишь в качестве ценностных понятий или теоретических конструктов. «Разговоры в кафе» – это формулировка некоторой желаемой реальности, которая может стать, а может и не стать предметом регулирования со стороны государственных институтов или их частью. Но тем не менее политическими эти разговоры позволяет считать уже сама претензия на политичность, особенно если эта претензия достаточно массова.

Столь разные трактовки политического создают существенные трудности для понимания политической субъектности хотя бы потому, что в рамках традиционного подхода политический субъект будет пониматься как реальный участник институциональных отношений, а в случае радикального расширения сферы политического – как участник, по преимуществу, потенциальный. Кроме того, такое расширительное толкование политики ведет к необходимости пересмотра всей конфигурации политического, т.е. всего категориального аппарата, начиная с самых базовых понятий, таких как политический субъект, политические свойства, политические отношения.

Главная теоретическая проблема здесь в том, что радикальное расширение сферы политического в современном обществе неизбежно ведет к пересмотру соотношения между публичным и частным. Политическое участие может обнаружиться в самых неожиданных сферах, внутри того, что раньше считалось безусловно частным. Можно вполне согласиться с Т.Алексеевой в том, что именно здесь, размышляя о соотношении публичного и частного, следует искать политическое, а не через определение друзей и врагов [2, стр. 15]. А уже внутри сферы политического будут локализованы и политические субъекты.

Общие трудности, связанные с определением политического субъекта через набор свойств, можно рассмотреть на примере такого свойства, как использование политического языка. По аналогии с анализом, предложенным П.Рикером в отношении субъекта права, можно сказать, что субъект политики – это прежде всего тот, кто говорит. Точнее, тот, кто может, способен, компетентен пользоваться языком в политических целях, а также брать на себя ответственность самим фактом авторства. Но для того, чтобы стать подлинным субъектом (права), субъекту необходимы условия актуализации его способностей – возможность пользоваться языком, оценивать свое поведение, брать на себя ответственность. При этом П.Рикер полагает, что преимущественной средой для реализации этих человеческих потенциалов, в том числе и для субъекта права, является именно политическое [67, стр. 30-40].

Говоря о том, что политическое и политическая субъектность во многом определяются языком, мы имеем в виду даже не просто язык, а целую систему коммуникаций, которая складывается после того, как другие признают некоторое речевое поведение политическим языком и признают за индивидом право на такое поведение. Однако описание политического субъекта через политический язык и политический дискурс хотя и может помочь опознать субъектов

на практике или ограничить их число, но все же не решает основную теоретическую задачу по поиску критериев политической субъектности. Проблема здесь в том, что идентификация того или иного языка как политического требует каких-то внешних критериев. Конечно, если мы видим животное, пользующееся речью, то, скорее всего, мы имеем дело с животным разумным. Однако как опознать некоторый символ или последовательность символов в качестве знаков, имеющих значение и смысл? Эта проблема является фундаментальной для философии языка: по каким критериям мы можем определить, что последовательность звуков, издаваемая младенцем, является осмысленной, а оставленная муравьем на песке последовательность линий не является карикатурой на Уинстона Черчилля? [61, стр. 14-19]. Те же трудности возникают и с идентификацией политического языка именно как политического, а также при попытках вывести политическую субъектность на основе других важнейших свойств, таких как политическое сознание и политическое действие. Общая проблема в круговом характере описания, когда сама характеристика соответствующего сознания, языка или действия в виде скрытой предпосылки уже предполагает ту или иную концепцию политического.

Аналогичная проблема может возникать и при описании политического субъекта через отношения. Можно сослаться на пример такого описания, предложенного современным французским философом Ж. Рансьером, который пишет, что «политика не может определяться никаким субъектом, который ей предшествовал бы. Именно в форме политических отношений следует искать политическое «различие», позволяющее мыслить субъект политики» [63, стр. 197]. Идея о том, что человек – продукт общественных отношений, конечно, не нова. Интерес здесь представляет акцент на специфике отношений, формирующих политическую субъектность. Это отношения именно и сугубо политические. Вне таких отношений политические субъекты не существуют. Вопрос прежний – не достигнув согласия по поводу того, что такое «политическое», нельзя и опознать политические отношения.

Более содержательная попытка выразить сущность политической субъектности через отношения может, как представляется, быть связана с таким отношением, как «обязательство». Слегка модифицируя терминологию М.Вебера, будем говорить о политических субъектах «по случаю» и субъектах профессиональных [10, стр. 652]. Если говорить о политиках «по случаю», то обычно их (наши) политические обязательства (помимо общего обязательства соблюдать закон) трактуются и как специальные обязательства принимать участие в некотором предписанном количестве политических процедур – выборах, референдумах и т.д. Чаще всего это обязательства моральные, но иногда они закрепляются в соответствующем законодательстве, например в ряде стран существует так называемый обязательный вотум, который обязывает всех дееспособных граждан принимать участие в выборах под угрозой штрафных санкций. В этом случае моральный долг превращается в юридическую обязанность. Другая деятельность политических субъектов «по случаю», выходящая за пределы периодического волеизъявления в жестко определенных законом рамках, обычно либо не поощряется, либо относится не к политическим обязанностям, а к политическим правам. Однако если мы говорим о политике как сфере реализации субъектности, то должны признать, что в первую очередь эта деятельность целенаправленная, т.е. ориентированная на реализацию определенных (политических) целей, которые человек счел для себя настолько важными, что осуществил ради них самоидентификацию в качестве политического субъекта. А совершая столь сознательный и ответственный выбор, субъект неизбежно принимает на себя соответствующие обязательства.

Такая идентификация в качестве политического субъекта меняет его статус. В моральной сфере статус личности обычно связывается с наличием у нее определенных прав. Так, по мнению известного морального философа Т.Нагеля, о правах личности лучше всего говорить именно как о статусной составляющей того, что значит быть субъектом морального сообщества. По его словам, «моральный статус, как он дан посредством моральных прав, формально аналогичен правовому статусу, как он дан юридическими правами.

Это нормативное состояние, включающее то, что можно делать по отношению к людям, что дозволяется делать людям, какого рода обоснование требуется для того, чтобы помешать им делать то, что они хотят и т.д.» [113, p. 35].

Думается, что то же самое верно и в отношении политического субъекта за тем исключением, что права здесь необходимо заменить на обязанности. И дело не только в том, что права и обязательства обычно используются как коррелятивные понятия: наличие прав у одних субъектов подразумевает наличие обязательств у других субъектов по обеспечению этих прав [54; 111]. И даже не в том, что политический субъект функционирует в системе политических отношений, которые не могут не включать отношений обязательственных. Дело прежде всего в субъективной стороне вопроса, в том, что именно идентификация себя в качестве политического субъекта предполагает осознание ответственности за такой выбор и принятие на себя определенных обязательств. При этом отличие политического субъекта от морального состоит в том, что в первом случае от этого самоидентификационного выбора в принципе можно уклониться. Поэтому если субъект такой выбор все же совершает, он, как представляется, налагает на себя дополнительную ответственность, точнее говоря – приобретает прежде всего обязательства, а не права. Если обоснованность замены прав на обязательства в вышеприведенной формулировке и может вызвать сомнения в отношении политических субъектов «по случаю», то в отношении профессиональных политических субъектов она кажется вполне очевидной.

С точки зрения философско-нормативного анализа политической субъектности важнее всего правильно понимать методологию, которая используется для приписывания субъекту наиболее существенных характеристик. Серьезная трудность состоит в том, что осмысление политической субъектности требует принятия решения о «локализации» такого субъекта – либо на индивидуальном, либо на коллективном уровне. Как представляется, политическая субъектность предполагает коллективный характер действия, целенаправленного и осознанного, когда индивиды совместно предпринимают усилия в политическом пространстве для реализации своих интересов, в том числе и для закрепления их на законодательном уровне. Однако в современной либеральной политической теории политический субъект чаще всего понимается именно как индивид. Индивидуализм представляется важной предпосылкой и основой формирования политической субъектности. Частично это можно объяснить тем, что качества, которые требуются от полноценного политического субъекта – рациональность, осознанность, свободный выбор, способность подчинять индивидуальный интерес коллективному и ограничивать политическое действие моральными рамками, требуют от человека свойств, которые неразрывно связаны именно с индивидуальной субъектностью – автономией, волей, ответственностью. Таким образом, не удивительно, что индивидуализм становится необходимым условием и инструментом понимания политической субъектности.

Однако еще важнее отметить то, что индивидуализм в современной политической философии – это не только и не столько онтологическая характеристика, а методологический прием, который используется для исследования как субъектности, так и политики, права и морали в целом. Индивидуализм часто порицают за то, что он ведет к замкнутости и изолированности людей, отрицает нашу социальную сущность, способствует эгоизму и, в конечном счете, аморализму. Все эти аргументы имеют вес только при условии, если индивидуализм понимать как позицию психологическую или онтологическую. В этом случае, говоря о субъекте, мы описываем то, что он чувствует или переживает, либо указываем на его действительное место в мире.

Здесь важно обратить внимание на синкретизм современного общественного развития. Применительно к философии он нашел свое стройное развитие в творчестве А.С. Ахиезера [6]. Применительно же к субъектам правовых отношений в качестве самостоятельного научного направления он (синкретизм) нашел отражение в творчестве Ф.Х. Галиева [14; 15; 16; 17; 19]. Именно этот исследователь обосновал позицию о том, что деятельность субъектов современных общественных отношений регламентируется не каким-то одним видом социальных регуляторов, например, правом, а всей их совокупностью. «В современном мире, – по его мнению, – сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на

сознание и поведение людей» [18, стр. 12].

Определяя понятие синкретизма правовой культуры современного общества, ученый понимает под ним естественным образом формируемую в ходе жизнедеятельности общества объективную «взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости» [18, стр. 12].

Синкретизм отражает и поведение каждого конкретного индивида. Наиболее интересен и важен другой вид индивидуализма, который и является полезным эвристическим и методологическим приемом для анализа политической субъектности. Это индивидуализм методологический. Считается, что сам термин был введен в научный оборот Дж. Шумпетером, учеником М. Вебера, а затем активно использовался самим М. Вебером, а также Ф. Хайеком, Л. Мизесом, К. Поппером и многими другими. Можно выделить два основных понимания методологического индивидуализма. Первое – такое, при котором методологический индивидуализм понимается как объяснительная схема, в рамках которой любые общественные явления могут быть объяснены как результат мотивации или действий отдельных индивидов. Более жесткое и последовательное распространение принципов методологического индивидуализма на сферу политики вообще вынуждает исключить из рассмотрения любые коллективы людей, в том числе и такие, как классы или политические партии. Примерами являются и механизм «невидимой руки», и объяснения происхождения государства в классических общественно-договорных теориях. В основе такого подхода при желании можно заметить идеологию утилитаризма с его акцентом на ценность интересов каждого индивида и известное утилитаристское исчисление. Именно Дж.С. Миллю принадлежит одно из наиболее ясных описаний этой версии методологического индивидуализма, которую условно можно назвать «социологической»: «Законы общественных явлений суть не что иное и не могут быть ничем иным, как только законами действий и страстей людей», т.е. «законами индивидуальной человеческой природы. Соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое...» [55, стр. 798].

Второе понимание методологического индивидуализма – приоритет личных прав и интересов над интересами группы, коллектива или государства. Таким образом, понимаемый методологический индивидуализм запрещает жертвовать индивидуальными правами или интересами в пользу прав или интересов коллективных. Эту версию методологического индивидуализма можно условно назвать «политической». Если понимать методологический индивидуализм как объяснительную социологическую схему, то его теоретической оппозицией будет холизм. Если же использовать методологический индивидуализм как тезис о приоритете индивидуальных прав, интересов (и шире – субъектов) над групповыми, то противоположностью такого индивидуализма будет уже коллективизм.

Свои истоки приоритет личных прав и интересов над интересами групп, коллектива и государства в целом находит в доктрине естественного права. Зачатки этой доктрины можно обнаружить в античности [12; 52; 58; 75; 106] и средневековье [35; 51; 53; 104]. Наибольшее же развитие она получила в Западной Европе в эпоху Просвещения и Нового времени [11; 45; 46; 47; 48; 62; 81; 91; 98; 102; 107]. В Российской империи ее появление связывают с именем профессора Императорского Царскосельского лицея и Санкт-Петербургского университета Александра Петровича Куницына, подготовившего и опубликовавшего двухтомную книгу «Право естественное» [44], стоившую ему отрешения от государственной службы и педагогической деятельности [76; 89]. После некоторого забвения доктрина естественного права получает новый импульс в конце XIX – начале XX века в творчестве русских религиозно-нравственных философов [3; 4; 21; 22; 23; 39; 40; 43; 68; 69; 70; 71; 72; 73; 77; 78; 79; 108] и представителей возрожденного естественного права [41; 42; 65; 66; 82; 83; 84; 85]. Наибольший же расцвет она приобретает в конце XX и начале XXI века, особенно на постсоветском пространстве [7; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 57], в том числе и в России, когда человек, его права и свободы законодательно определяются в конституциях суверенных государств как высшая ценность. В ст. 2 Конституции РФ читаем: «Человек, его права и свободы является высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1].

Аналогичное положение содержится, например, и в Конституции Республики Таджикистан. В ст. 5 определено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны.

Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством» [38]. Сходная ситуация наблюдается в большинстве государств, образовавшихся после распада СССР, да и во многих странах цивилизованного мира.

У российских ученых-юристов господствует мнение, что отечественная Конституция полностью базируется на доктрине естественного права, как в общем-то и большинство конституция развитых государств [37; 59].

Профессор С.М. Шахрай, считающийся одним из разработчиков действующей Конституции, в лекции, посвященной ее 20-летию и прочитанной в Государственной думе 16 апреля 2013 года, прямо заявил: «Возьмем, к примеру, главу «Права и свободы человека и гражданина». В основу этого раздела положена доктрина естественного происхождения прав и свобод человека, не дарования государством, а в силу рождения: право на жизнь, на свободу, на собственность и так далее. Из этого следует, что в отличие от прежних времен, государство не может лишить прав своих граждан, в том числе не может лишить гражданства. Как вы помните, раньше такая практика была сплошь и рядом» [50, стр. 160].

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, профессор В.Д. Зорькин считает, что «отличительной чертой российской Конституции является то обстоятельство, что в ней достаточно четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходу к пониманию» [31, стр. 53].

Профессор В.М. Шафиров говорит о том, что ««Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). [110, стр. 2].

Доктрина естественного права – это величайшее достижение человечества. С другой стороны, она же может быть использована и в деструктивных целях. Одной из опасных тенденций сегодня является все чаще осязаемая попытка настойчивого противопоставления прав человека правам общества. При этом, по словам В.Д. Зорькина, общество все чаще рассматривается как нечто рыхлое, аморфное и принципиально не целостное. Индивид же – как нечто несомненное и четко определенное.

«Исходя из этого, – отмечает В.Д. Зорькин в лекции для участников V Международного юридического форума в Санкт-Петербурге 28 мая 2015 г., – индивида наделяют несомненными – и все более широкими – правами. А основную часть общества обычно записывают в разряд «молчаливого большинства», для которого достаточно юридической нормативности личных прав и прав входящих в него сообществ.

Ошибочность такого подхода, – считает В.Д. Зорькин, – чаще всего обнаруживается именно в коллизиях «эпохи перемен». Когда как раз «молчаливое большинство», по факту выбранного им характера участия или неучастия в переменах, спасает или губит социально-государственный организм. Спасает или губит в зависимости от того, получили ли перемены у «молчаливого большинства» морально-этическую санкцию, готово ли это большинство признать перемены должными, благими и справедливыми» [32, стр. 21].

Примеров «политического» понимания методологического индивидуализма, когда он понимается не как схема для объяснения социальных явлений, а как принцип разрешения конфликтов прав и обязательств, можно найти немало. Примечательно, что этот прием может применяться даже для аргументации в пользу групповых прав, в частности прав национальных меньшинств в условиях либерализма. Так его использует известный канадский политический философ У. Кимлика. Он полагает, что одним из важнейших аргументов в пользу групповых прав может быть увеличение степени свободы каждого (индивидуального) субъекта, входящего в группу [112]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело одновременно как с коллективной, так и с индивидуальной политической субъектностью, при этом права и свободы индивидов (имея приоритет над групповыми правами и свободами), вполне органично сосуществуют с правами группы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М.. 2016.
2. Алексеева Т.А. «Публичное» и «частное»: где границы политического? // Философские науки. – 2005. – № 4.
3. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности. Вступительная статья // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 8-25. – в кн. 448 с.
4. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 8-25. – в кн. 399 с.
5. Анских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
6. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.
7. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
8. Бади Б., Бирнбаум П. Переосмысление социологии государства // Международный журнал социальных наук. – 1994. – № 4 (7).
9. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
10. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.
11. Верховодов Е.В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2001.
12. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
13. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
14. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
15. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
16. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
17. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
18. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
19. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
20. Граждан В.Д. Деятельность и управление. (Социологический аспект). – М., 1989.
21. Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.
22. Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 155 с.
23. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
24. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
25. Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С 46-49.
26. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых

Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
27. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
28. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
29. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
30. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
31. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011.
32. Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г.// Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 18-32.
33. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
34. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
35. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
36. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.
37. Конституции стран – членов СНГ. Сборник документов. – Ереван, 1997.
38. Конституция Республики Таджикистан. – Душанбе, 2016.
39. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В, Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С.5-7. – в кн. 438 с.
40. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 634-637.
41. Крушельницкий М.А. Ганс Кельзен: диалог позитивизма и естественно-правовой теории // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89). – С. 31-34.
42. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 75-80.
43. Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989.
44. Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб., 1818; Часть 2. – СПб., 1820.
45. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
46. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
47. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
48. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47.
49. Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т Философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд. Ред. В.С. Степин, А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин и др. – М., 2010.
50. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147-173.
51. Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский // Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и К°, 2014. – С. 11-63.
52. Мальцева С., Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. Том 1-2. – СПб.: Пневма, 2012. – 720 с., ил.

53. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.:Дашков и К°, 2014. – 656 с.
54. Матузов Н.И. Юридические обязанности личности // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997.- С. 305-310.
55. Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. – М.: Изд-во Лемана, 1914.
56. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
57. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
58. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
59. Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сб. документов. – М., 1994.
60. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991.
61. Патнэм Х. Разум, истина, история. – М.: Праксис, 2002.
62. Развитие философии права в Новое время (Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Монтескье, Руссо) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, Л.А. Чеговадзе, В.П. Сальников, А.П. Альбов. Глава II // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 78-157.
63. Раньсер Ж. На краю политического. – М.: Праксис, 2006.
64. Рассел Б. История западной философии. Т. 2.– М.: Миф, 1993.
65. Ревнов Б.А. Классический позитивизм и нормативизм Ганса Кельзена: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014.
66. Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.
67. Рикер П. Справедливое. – М.: Гнозис, Логос, 2005.
68. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
69. Романовская В.Б. Русское правосознание: исторические особенности // Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
70. Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права (конец XIX – начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.
71. Романовская В.Б., Крымов А.В. Всеединство, право и идеал свободной теократии В.С. Соловьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4.
72. Романовская В.Б., Леснова Н.И. Особенности системы источников права в правовой культуре России XVIII века // История государства и права. – 2007. – № 6.
73. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198.
74. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
75. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
76. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
77. Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Ященко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава V // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 403-633.
78. Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников.

Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.
79. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – 399 с.
80. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938.
81. Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / Изд. подг. Б. Бернарди, С.В. Занин; отв. ред. И.А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.
82. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 36 с.
83. Рябченко Н.Г. Концепция возрожденного естественного права: место и роль в политико-правовой науке Германии // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 47-48.
84. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Автореф. дис… канд. юрид. наук. – СПб., 2002.
85. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 210 с.
86. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
87. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
88. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
89. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.
90. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
91. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
92. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
93. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
94. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
95. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
96. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
97. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
98. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
99. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Пужаев В.В. Правовая природа государственного иммунитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 36-44.
100. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22
101. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
102. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129.
103. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции:

сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
104. Сауляк О.П., Экимов А.И.Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
105. Смит А. Богатство народов. – М., 1962.
106. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.
107. Федюшкина А.И. Христиан Томазиус: новации юридического образования в Германии (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С 245-248.
108. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).
109. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
110. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
111. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М., 2007.
112. Kymlicka W. Multicultural Citizenship – A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1996. Ch. 3.
113. Nagel T. Personal Rights and Public Space // Deliberative Democracy and Human Rights / Ed. by H.H.Koh and R.C.Slye. Yale University Press, 1999.

ДЕМОКРАТИЯ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: stateduma@duma.gov.ru

ФОМИЧЕВ Максим Николаевич,
доцент кафедры гражданского права Волжского государственного университета водного транспорта, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: Region52@inbox.ru

КОЛОМЕЙЧЕНКО Евгения Анатольевна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин института экономики управления и права Волжского государственного университета водного транспорта (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: enja16@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТИ В РОССИИ

Аннотация. *Изучается вопрос о границах проявления государственной власти в отношении к отдельному лицу. Выявляется проблема пределов индивидуальной свободы. Изучается взаимодействие права, государства и личности.*

Ключевые слова: *личность; государство; право; уравновешивание.*

ANANSKIKH I.A.
FOMICHEV M.N.
KOLOMEJCHENKO E.A.

THE VALUE OF THE INDIVIDUAL IN SHAPING STATE AND POWER IN RUSSIA

The summary. *Examines the question of the limits of manifestation of State authority in relation to an individual. The problem of individual limits is detected-freedom. Examines the interaction of law, the State and the individual.*

Key words: *identity, state, right, balancing.*

Опыт истории отечественной государственности убедительно подтверждает, что ключевыми элементами, определяющими ее объем и содержание являются государство и государственная власть, взаимоотношения личности и государственной власти, роль личности в политико-правовой системе.

Заметим, в творчестве отечественных ученых дооктябрьского периода уделялось значительное внимание анализу вопросов, раскрывающих особенности взаимоотношений государства, личности и общества. Известный государствовед Б.Н. Чичерин возможность реализации личностью правовой свободы прежде всего связывал с государством. Именно государству принадлежит прерогатива устанавливать права и свободы личности. По мнению ученого, несмотря на признание зависимости человека от государства, в то же время существенен приоритет личности по отношению к государству. Имеется в виду то, что государство призвано «вращаться» в области интересов личности, защищать ее свободу, неприкосновенность, частную собственность. Соответственно, оба начала (личностное и государственное) Б.Н. Чичерин оценивал как существующие в единстве: их нельзя развести, они предполагают друг друга [53, стр. 38].

Современные исследователи высоко оценивают творчество и выводы ученого о взаимоотношениях государственной власти и личности. В частности, А.В. Поляков считает, что для Б.Н. Чичерина личность составляет краеугольный камень всякого общественного здания, непреходящее проявление государственной организации общества [26, стр. 323].

Значительный вклад в разработку взаимоотношений государства и личности внес Б.А. Кистяковский (1868-1920 гг.). По его мнению, в истинно конституционном государстве власть должна быть организована таким образом, что бы она не подавляла личность. В таком государстве отдельная личность и совокупность личностей – народ – должны выступать не только объектом власти, но и ее субъектом. Следовательно, государственная власть должна быть связана с народом, а сам народ – принимать участие в организации государственной власти и в создании государственных учреждений. Главная роль в этой организации отводилась народному представительству. Таким образом, народ является соучастником государственной власти и ее престиж определяется поддержкой народа.

Государственная власть и народ не противопоставлялись ученым как нечто враждебное друг другу, но они и не сливаются: государственная власть остается властью. Сохраняет собственное самостоятельное значение и существование. Но государственная власть должна быть солидарна с народом, их задачи и цели одни и те же, их интересы в значительной мере общие [14, стр. 771].

Взаимоотношениям государственной власти и личности, ее свободе уделял значительное внимание русский ученый Е.Н. Тарнавский (1859-1936 гг.). Он утверждал, что личность занимает самостоятельное положение в государстве, выступает в качестве гражданина, наделенного правовыми свойствами.

Вопрос о границах проявления государственной власти в отношении к отдельному лицу представляет собой проблему пределов индивидуальной свободы. Такие пределы составляют, во-первых, внутренняя сфера сознания человека, а во-вторых, сфера отношений человека к другим людям. Создавая право, государство не только обязывает им подчиненных ему индивидов, но и одновременно связывает себя. Оно обязывается в известных правоотношениях перед индивидом и тем самым самоограничивается.

Подобные взгляды содержатся в публикациях других известных юристов и философов XIX-XX вв. – В.С. Соловьева, С.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева и др. [50, стр. 108].

Поиску оптимальных моделей взаимоотношения государства и личности в современный период посвящены работы правоведов, политологов, философов [7, стр. 5-6]. Ключевой чертой этих исследований является признание следующего: связь личности и Российского государства проявляется во взаимных правах и обязанностях, что вызывает, в конечном счете, взаимное влияние. Воздействие личности на государство проявляется как в опосредованных формах через институты гражданского общества (партии, движения, иные общественные объединения), так и непосредственно. Имеется в виду то, что личность, обладая политическими правами, участвует в формировании представительных (законодательных) органов государства путем выборов, может использовать возможности СМИ для критики коррупционной, формальной, бюрократической деятельности государственных

органов и должностных лиц. Существенна и практика обжалования гражданами неправомерных действий последних в судебных органах. Таким образом, здесь степень воздействия на государство зависит от гражданской, правовой активности самой личности. Главная сложность состоит в учреждении системы и порядка, при которых личность могла бы иметь возможность свободно реализовывать свою политическую, правовую активность не только в личных, но и в общегосударственных целях, т.е. для того, что объединяет всех.

Возможно это лишь в условиях гражданского общества. «Гражданское общество, – *по мнению В.А. Бачинина и В.П. Сальникова,* – представляет собой сложную, многомерную социальную целостность, которая, будучи открытой, самоорганизующейся системой естественно складывающихся социальных отношений между индивидами как частными лицами, активно обменивается веществом, энергией и информацией со своим главным контрагентом – государством. В гражданском обществе каждый человек предстает не как подданный государства, но как самоценный индивидуум, имеющий свои личные, частные жизненные цели, которые могут либо совпадать с интересами государства, либо противоречить им». Они обращают внимание на то, что в «формально-структурном аспекте гражданское общество представляет собой совокупность существующих, нарождающихся и активно функционирующих общностей – добровольных объединений, союзов, организаций. Одна из ведущих задач всех этих общностей состоит в том, чтобы дать индивидам возможность общаться на почве сходных практически духовных интересов. Они не позволяют гражданам уподобиться некоей россыпи автономных атомов, предлагая множество разнообразных форм социальной кооперации. Через них гражданское общество как социальный макроинститут, поощряет различные проявления человеческой солидарности» [4, стр. 133].

Интересную позицию формулируют отечественные исследователи. В частности, В.А. Бачинин и В.П. Сальников обращают внимание на то, что стихийно «возникающие корпорации граждан способны не только удовлетворять их разнообразные потребности, но и защищать их интересы и естественные права от чрезмерного диктата государства. По большому счету гражданское общество для того и существует, чтобы защищать естественное право каждого гражданина на частную жизнь, куда входит сфера семейных отношений, досуга, домашнего хозяйства, дружеских и интимных связей, а также область внутренней духовной жизни личности» [4, стр. 133]

«Если сопоставить две такие социальные величины, как государство и личность, – *пишут В.А. Бачинин и В.П. Сальников,* – то их разномасштабность позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, то индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравновешивания» [4, стр. 133-134].

Именно с таких позиций необходимо подходить к осмыслению соотношения государства, права и личности. Имевшие место исследования этого направления прошедшего периода, как уже отмечалось, основывались на приоритетах государства, общества, коллектива. В этом контексте обоснованно отмечено следующее: «В России на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался, в лучшем случае, как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного имущества» [18]. По-видимому, доминирование государства в лице аппарата управления не оставляло места для самоценности бытия личности, сужало пространство проявления ее инициативы, реализации предоставленных прав и свобод. Признание человека «мерой всех вещей» (по оценке древнегреческого философа Протагора) [25, стр. 418-476], т.е. приоритетность личности в системе общественных отношений, рассматривалось лишь теоретически.

В этой связи отметим: положения Конституции

РФ (ст. 1, 2 и др. [1]), *реальная политико-правовая практика последних лет, осуществляемая в России,* должна способствовать разрешению указанных проблем, которые существуют длительное время.

В крайние годы в России приложены значительные усилия к оптимизации взаимодействия государства, права и личности. В первую очередь это относится к совершенствованию законодательства и механизмов защиты прав человека [2; 3; 5; 6; 16; 19; 20; 21; 22; 23; 28; 35; 42; 44; 45; 46; 52; 54]. Каждый, кто считает свои права нарушенными, может обратиться не только в суд, но и в Комиссию по правам человека при Президенте РФ, к Уполномоченному по правам человека в РФ, уполномоченным по правам человека в регионах, а также в правозащитные организации (международные, общероссийские, региональные).

Примечательно, что в последнее время к Уполномоченному по правам человека поступило более 54 000 единиц входящей корреспонденции, содержащие индивидуальные и коллективные жалобы на нарушения прав конкретных лиц. К тому же есть информационные сообщения о нарушениях прав общественных объединений, политические заявления, печатные издания по правозащитной тематике и др. При этом заметен рост количества жалоб, связанных с неэффективностью судебной системы, нарушением права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, неоправданность соответствующих сроков разбирательства и т.д. [18].

Одна из основных задач рассматриваемого направления – процесс дальнейшего совершенствования законодательства. Проблема состоит в том, что нередко демократическая суть качественных законов, принятых представительными законодательными органами, нейтрализуется подзаконными актами и федерального и регионального уровней.

Для оптимизации отношений современного Российского государства и личности необходимо учитывать ряд существенных факторов социально-психологической направленности с целью их преодоления. К их числу можно отнести следующие:

а) противоречие между курсом на совершенствование рыночной экономики, ее модернизацию, на развитие гражданского общества и фактом консервативного мышления у многих российских граждан, по сути – элементом общественного сознания [8; 10; 11; 12; 13; 34; 43]. Это отчетливо проявляется в распространенном обывательском суждении: «А что я могу сделать?». Соответственно, объясняется надежда на всесилие начальства, должностных лиц (Президента, губернатора и т.д.);

б) подчеркнутая лояльность ко всему, исходящему от государственной власти, не принимая во внимание, что властвующие субъекты могут принимать не всегда объективные решения. По-видимому, в такой жизненной позиции есть желание застраховаться от возможных неприятностей;

в) недостаточно активная защита гражданами своих прав, свобод, проявление нерешительности, настойчивости, основанные на не высоком уровне правосознания, правовой культуры [29; 30; 38; 39; 40; 41];

г) недостаточная результативность деятельности демократических институтов в России порождает у граждан старшего поколения ностальгию по бывшей советской власти, по «сильной, железной руке, способной навести порядок в обществе, пресечь расхищение национального достояния». Этим объясняется «тоска граждан старшего поколения по застою», в условиях которого сохранялись стабильность и относительное благополучие в обществе;

д) масштаб коррупции в аппарате государственного управления, факты иных злоупотреблений должностными лицами сужают социальную базу проводимых реформ, снижают интерес граждан к взаимодействию со структурами государственной власти [9; 17; 24; 27; 31; 32; 33; 36; 37; 47; 48; 49; 51];

е) граждане России, получившие политические права и свободы на уровне мировых стандартов, не всегда субъективно готовы реализовать их, в частности, в сфере взаимоотношений с государственной властью.

По-видимому, названные и иные проявления «консервативного синдрома» общественного сознания различны в отдельных социальных, профессиональных, возрастных группах. В целом можно предположить, что постепенно социальная база различных форм консервативного мышления будет сужаться по мере совершенствования институтов демократии, смены поколений, повышения уровня правосознания граждан, их правовой культуры.

Уточним место личности в системе существующей российской государственности. В этом аспекте необходимо принять во внимание следующее: именно гражданство – необходимая предпосылка, качество для решения вопроса о включении индивида в систему российской государственности. Соответственно, лица без гражданства (апатриды), иностранные граждане, лица с двойным гражданством (бипатриды) не могут рассматриваться как компоненты национальной российской государственности [15, стр. 260].

Здесь же отметим: Конституция РФ – политико-правовая форма выражения возможностей, свободы личности в государственно организованном обществе. В ней закреплен достигнутый в обществе, российской государственности масштаб свободы, автономии личности по отношению к государству и его структурам, общественным объединениям, другим лицам. Одновременно определены границы, в пределах которых деятельность индивидов отличается правомерностью, не совместимой произволом. Соответственно, установлены обязанности личности защищать общество и служить ему, уважать государство, которое, в свою очередь, обязано обеспечить охрану личности, ее жизни и здоровья, имущества, прав и свобод. С учетом существующей тенденции к централизации управления в обществе важно соединить существующие возможности Российского государства, реализуемые в разных аспектах. Имеется в виду, во-первых, результативное воздействие на основные сферы социальной действительности (политической и др.), во-вторых, последовательное соблюдение, реализация принципа прочной гарантированности конституционного статуса личности. Существенно и поддержание готовности личности защищать свои права в случае неправомерного вторжения государственных органов, должностных лиц в сферу индивидуальной автономии человека или неисполнения соответствующих обязанностей перед ним. В современной России наличие у личности гарантированных прав и свобод ставит ее в условия «равноправного партнера» государства, что способствует самостоятельности индивида в политико-правовых и иных отношениях, в системе российской государственности.

Итак, содержание российской государственности, образующейся на идеях права и личностного начала, отличается многогранностью и обладает всеми шансами к уравновешиванию, пожалуй, впервые за всю историю государства и права – значения личности в формировании государственности и власти в стране. Акценты данного исследования, способствуют осмыслению этой проблемы, инициируют ее дальнейшее изучение среди ученых.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
3. Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический ин-т МВД России, 2005.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
5. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
6. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. -№ 2. – С. 118-122.
7. Груздев В.В. Теория правового состояния личности: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Н. Новгород, 2012.
8. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199.
9. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
10. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров //

Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4(9). – С. 335-345.
11. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015 – № 1(18). – С. 340-345.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172-180.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
14. Кистяковский Б.А. Государство и личность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – Л., 1990.
15. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Право и свободы. Политическая система. – СПб., 2002. – С. 260.
16. Комаров С.А., Лаптева И.В., Титенков Д.И. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург); Рязань: Концепция, 2014. – 296 с.
17. Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.
18. Лукин В. Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год // Российская газета. – 2010. – 28 мая.
19. Луковская Д.И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 35-37.
20. Луковская Д.И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 97-100.
21. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
22. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
23. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
24. Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59.
25. Платон. Собр. Соч. Т.1. – СПб., 2007
26. Поляков А.В. Б.Н. Чичерин как источник политико-правовой мысли // Чичерин Б.Н. Политические мыслители древнего и нового мира. Сер. «Мир культуры, истории, философии». – СПб., 1999.
27. Правовые проблемы противодействия коррупции: Материалы Международной научной конференции. Москва, 2 ноября 2011 г. / Отв. ред. Л.В. Андриченко, О.О. Журавлева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2012. – 280 с.
28. Романовская В.Б. Magna carta libertatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
29. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163.
30. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 7-10
31. Савенков А.Н. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции: Парламентские слушания, 22 июня 2012 года / Федеральное Собрание Российской Федерации, Совет Федерации; под общ. ред. А..Н. Савенкова. – М., 2012.
32. Савенков А.Н., Савенкова Л.В. Состояние и проблемы формирования антикоррупционной правовой культуры в Российской Федерации // Проблемы формирования правосознания и правовой культуры современного российского общества: Материалы всероссийской научно-практической конференции. – М., 2012. – С. 47-61.
33. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
34. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
35. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
36. Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институализации // Правовые средства противодействия

коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
37. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
38. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
39. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
40. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
41. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
42. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
43. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
44. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
45. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2.
46. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
47. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
48. Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С 4-11.
49. Степашин С.В. Скверное управление – скверна коррупции // Защита и безопасность. – 2013. – № 4.- С. 27.
50. Тулапина С.А. Российская историко-правовая мысль XIX-XX вв. о взаимоотношениях личности и государственной власти // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 11. – С. 106-113.
51. Хабриева Т.Я. Научные подходы к освоению современных стандартов и технологий противодействия коррупции // Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: Материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24-25 апреля 2014 г.) / С.Е. Нарышкин, Т.А. Голикова, Т.Я. Хабриева и др.; отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2015. – С. 24-40. – в сб. 224 с.
52. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
53. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. – М., 1997.
54. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992. – 228 с.

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: prof@tretyakov.su

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)
E-mail: naukarf@yandex.ru

ПЕТРОВ Петр Алексеевич,
заместитель генерального директора ООО «Лидер Консалт Право» (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: pdsg@list.ru

Специальность 12.00.08 - Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Анализируется механизм воздействия социальной структуры общества на государственную власть и уголовную политику. Отмечается, что общественные отношения, составляющие сущность уголовной политики, являются органической составной частью политической надстройки общества, а в правовых нормах в присущих им формах закрепляется, определяется, осуществляется уголовная политика государства, его правовая идеология.*

Ключевые слова: *уголовная политика; социальная структура общества; общественные отношения; правовые нормы; уголвное законодательство.*

TRETYAKOV I.L.
SAL'NIKOV P.P.
PETROV P.A.

THE SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY AND THE CRIMINAL POLICY OF THE STATE

The summary. *The mechanism of the impact of social structure on state power and criminal policy. It is noted that the social relations that constitute the essence of the criminal policy, are an organic part of the political superstructure of society, and in the law inherent in the forms of fixed, defined, carried out the criminal policy of the state, its legal ideology.*

Key words: *criminal policy; social structure; public relations; the rule of law; ugolvnoe legislation.*

Сложная противоречивая и разнородная социальная структура общества обусловливает аналогичный характер ее воздействия на сущность, процесс формирования, функционирования и развития власти в целом и ее структурных элементов, в том числе на все ветви власти, на судебную власть [21; 22; 29; 30; 33; 34; 36; 37; 39; 49; 67], правоохранительные органы [6; 10; 11; 12; 40; 41; 42; 43; 46; 62; 71; 78; 79], их деятельность и на уголовную политику в целом [1; 3; 4; 5; 7; 23; 24; 50; 72; 73; 80].

Механизм воздействия социальной структуры общества на государственную власть и на уголовную политику состоит в том что, она, эта структура:

- составляет существенную (определяющую) часть политической надстройки общества;
- является источником, движущей силой, социальной, организационной основой и носителем государства, власти, политики, её составляющих, политико-правовых отношений, политической и правовой систем [19; 20; 63; 64; 69; 70];
- определяет сущность, характер и социальную (в том числе классовую) направленность и структуру государственности, власти, политических отношений и политической (правовой) системы общества [60];
- формирует непосредственный кадровый (персональный) состав государственного аппарата и всего государственного механизма, включая аппарат правовой и правоохранительной систем.

Политика – решающий фактор разделения, функционирования, взаимодействия и деятельности властей, включая их деятельность по обеспечению законности, борьбе с преступностью, выявлению и устранению причин, её порождающих, охрану и защиту прав, свобод и законных интересов граждан, ибо она:

- обусловливает сущность, характер, направленность и содержание интересов носителя или носителей власти;
- формирует самого носителя или носителей власти;
- определяет необходимость и социальную потребность такого разделения;
- составляет его сущность, характер, социальную направленность;
- формирует формы правления, политический режим, определяющие власть и властные структуры, демократические институты общества [38; 65; 66];
- создает соответствующие ветви власти, в том числе судебную и исполнительную власть [35];
- решает вопрос об организации, персональном (кадровом) составе судебной и других видов власти, объеме и пределах компетенции, направлениях, формах, способах их деятельности;
- обеспечивает необходимые условия, силы и средства деятельности всех видов власти;
- вырабатывает соответствующие данному этапу и уровню развития общества политическое сознание, политическую и правовую идеологию [2; 17; 18; 44; 51; 52; 55; 61; 74; 75; 77]; дает тем самым идейно-теоретическое обоснование самой политике и всем элементам политической надстройки – государству, его механизму, государственной власти и ее ветвям, в том числе и принципу разделения властей, функционированию и развитию судебной власти, правоохранительным органам как существенного элемента исполнительной власти.

Право, правовые нормы, правоотношения и правосознание, особенно правовая идеология и культура [8; 9; 45; 47; 48; 53; 54; 56; 57; 58] – самостоятельные и основные содержательные элементы формирования, функционирования и реализации формально-нормативной стороны уголовной политики. Они – необходимые объективно обусловленные формы реализации как общей, так и уголовной политики. Они – суть естественноисторического демократического развития общества, важное социальное достижение и основная форма проявления современной демократии. Будучи производными, зависимыми и определяемыми политикой, право и его атрибуты оказывают обратное воздействие на общую и уголовную политику, вплоть до изменения их сущности. Хотя такое воздействие всецело определяется соотношением и приоритетом прогрессивных демократических сил общества [13; 14; 15; 16; 59; 68].

Правосудие, как деятельность судебной власти, суда, – неотъемлемый элемент уголовной политики, одна из высших правовых форм её реализации. И, как таковое, оно является не только творением, производным элементом

политики государства, включая уголовную политику, но и её прямым продолжением, особой формой, самостоятельным институтом функционирования и развития демократического правового государства, существенной гарантией обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Связь и взаимозависимость политических, правовых и организационно-административных элементов уголовной политики проявляется в том, что все указанные составляющие этой политики представляют собой специфические самостоятельные формы отражения глубоких изменений современной государственности. Механизм этой связи состоит в том, что они, эти составляющие, являются, с одной стороны, её относительно самостоятельными элементами, а, с другой стороны, они представляют собой диалектическое единство и противоречие этой политики.

Как элементы и как формы единого информационного поля они обладают относительной самостоятельностью и активностью, то есть оказывают активное обратное воздействие на само информационное поле и на породившие их власть, государство, его политику, на преступность, а также друг на друга, вызывая в себе и в уголовной политики в целом глубокие количественные и качественные изменения в ту или иную сторону в зависимости от сущности и социальной направленности власти, интересов её субъектов.

Совершенствование уголовного законодательства и правоохранительного механизма осуществляется как единый системный процесс их количественных и качественных изменений, обусловливающий возвышение уровня или меры их эффективности. Изменения объёма, структуры, характера, формы и функций правоотношений, юридических норм, государственно-правовых институтов, средств, методов и гарантий, образующих правоохранительный механизм, являются основой направлений функционирования и развития уголовной политики и достижения её целей.

Направления уголовной политики представляют собой сложную, комплексную и иерархическую систему элементов, включающую направления-принципы, направления развития уголовного и смежных с ним отраслей законодательства, а также направления совершенствования правоохранительного механизма.

Гипотетические модели уголовной политики, предлагаемые некоторыми авторами, не могут служить доктринальной основой современной уголовной политики России из-за их абстрактности, внутренней противоречивости, отсутствия в них единых критериев, методологии и научного аппарата их построения.

Основополагающими направлениями развития уголовного законодательства являются: устранение противоречий в криминализации и декриминализации деяний, реконструирование ряда институтов и норм Общей и Особенной частей УК РФ, пересмотр системы и видов наказания.

Важнейшими направлениями изменения правоохранительного механизма являются: организационно-административные меры; расширение и активизация социализаторской, воспитательно-профилактической деятельности среди различных слоёв и групп населения с акцентом на профилактику правонарушений несовершеннолетних; строительство и укрепление материальной базы правоохранительной деятельности, повышение её эффективности и профессионализма; финансовое и материально-техническое обеспечение правоохранительных органов; проведение организационных мер стабилизации криминогенной обстановки; разработка и реализации научно обоснованной и перспективной системы кадровой политики.

Общественные отношения, составляющие сущность уголовной политики, являются органической составной частью политической надстройки общества, относительно самостоятельным видом политических отношений и политики как самостоятельной сферы общественной жизни. Они – основа сущности объекта уголовной политики (преступности) и основа сущности и содержания и деятельности по борьбе с преступностью, а также предмета юридической науки. И как таковые эти отношения реализуют системообразующие функции в формировании, развитии, функциональном предназначении и реализации уголовной политики. Несмотря на разнородность, различия в своей сущности, принадлежности и функциональной роли, они образуют самостоятельный интегрированный и решающий фактор в формировании, развитии, функционировании и реализации уголовной политики. И эти отношения, вместе взятые, диалектически противоречивые и

взаимодействующие, составляют содержательную основу объективной стороны этой политики.

Правовые нормы как необходимая и неотъемлемая составляющая уголовной политики составляют содержательную основу правовой системы, права, юридической науки и социально-правовой политики. Занимают промежуточное и вместе с тем самостоятельное положение в системе составляющих объективно-субъективного содержания уголовной политики. Образуют формально-нормативную сторону этого содержания. По своему характеру и сущности они являются воплощением объективно существующих интересов и потребностей личности, общества и государства. И поскольку интересы и потребности являются самостоятельными элементами субъективной стороны и антиподом общественного бытия – общественного сознания, его уровней, видов и форм, то и нормы права являются, прежде всего, элементом субъективной стороны уголовной политики. В тоже время правовые нормы имеют и объективное содержание. Как регуляторы общественных отношений они выступают как связующее звено между объективной и субъективной сторонами уголовной политики. Они охватывают и подвергают воздействию и изменению все составляющие этой политики. Выполняют социально необходимую и действительную роль регуляторов реально существующих социальных противоречий, конфликтов и проблем. Служат средством и мерой преобразования интересов и потребностей субъектов права и уголовной политики как основных ингредиентов их субъективной стороны в объективные формы поведения и деятельности этих субъектов, то есть в объективную сторону уголовной политики.

Право, правовые отношения и нормы являются самостоятельными существенными формами проявления и реализации как правовой идеологии, так и юридической науки. В них в присущих им формах закрепляется, определяется, осуществляется уголовная политика государства, его правовая идеология. Правовые нормы в гносеологическом аспекте воплощают в себе теоретические формы познания права, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Содержащиеся в них понятия, суждения и умозаключения олицетворяют собой опосредованный опыт борьбы с преступностью, лучшие национальные и международные правовые традиции и модели уголовной политики.

Деятельность субъектов уголовной политики, её направления, способы, средства и формы – основа основ содержания объективной стороны этой политики. Концентрируя и воплощая в себе потребности и интересы субъектов уголовной политики, она выступает в качестве её решающей составляющей. Именно деятельность обеспечивает достижение и реализацию её целей, то есть она является источником и движущей силой превращения объективной стороны уголовной политики в её субъективную сторону.

Объективные факторы не ограничиваются только материальными элементами, а сочетаются с такими идеальными формами жизнедеятельности, которые выступают в качестве опосредованного её образца и модели. Генерируемые этими факторами социальные противоречия создают принципиальную возможность преступности, формирования и функционирования уголовной политики.

Субъективные факторы, определяющие преступность и уголовную политику, как факторы, зависящие от воли и сознания людей, охватывают различные идеальные формы, психические процессы, свойства, состояния и образования, основополагающими среди которых являются потребности и интересы субъектов правоотношений, их личностные качества, а также правовая психология и правовая идеология. Эти факторы находятся в диалектической связи с объективными факторами уголовной политики и воздействуют на них как социальная сила, превращающая возможность преступности, создаваемую объективными факторами, в её действительность.

Социальная психология и идеология, включая их правовые формы, являются решающей силой, приводящей в движение объективные факторы преступности и уголовной политики. Особая роль в формировании уголовной политики, механизма её воздействия на преступность принадлежит идеологии. Идеология в силу её сущности и социально незаменимых функций выступает необходимой теоретической базой, составной частью доктринальной стороны уголовной политики, правовой системы, права и законодательства. Она служит обоснованием и формой реализации стратегии, тактики, направлений, форм, способов и средств уголовной политики. Конструктивная социальная роль идеологии

реализуется только посредством её воздействия на социальную психологию, являющуюся первоосновой мотивации и направленности социального поведения.

Уголовная политика есть единство и противоречие теоретической и практической деятельности её субъектов. И как таковое, оно, это единство и противоречие, определяет единство и противоречивость всех её составляющих, направлений, форм и способов, в том числе таких элементов уголовной политики, как правосудие, квалификация преступлений, методология и логика этой политики.

Теория уголовной политики представляет собой систему относительно достоверных знаний о политико-правовых отношениях, нормах, идеях, взглядах и понятиях, реализуемых в политико-правовых и административно-организационных формах деятельности его субъектов по укреплению законности, борьбе с преступностью, выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, её порождающих, охране законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства. Практика уголовной политики – это предметно-чувственная, естественно-историческая деятельность её субъектов по борьбе с преступностью, выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, её порождающих. Практика правосудия не ограничивается каким-то одним актом деятельности, например, по конкретному уголовному делу. Она представляет собой как весь совокупный опыт такой деятельности предыдущих поколений, так и бесконечность ее процесса.

Единство теории и практики уголовной политики состоит в том, что они имеют единые субъекты, объект, предмет правового регулирования; объект уголовно-правовой охраны; процесс реализации, в том числе общие (единые) законы и формы познавательной и предметно-практической деятельности; деятельность как единство объективного (практика) и субъективного (теория).

Противоречие между теорией и практикой состоит в том, что они, теория и практика:

- являются противоположностями по сущности, по идеальным (теория) и предметно-чувственным (практика) формам проявления;
- постоянно взаимодействуют друг с другом, превращаются одно в другое по законам диалектики;
- влияют друг на друга как количество (практика) и качество (теория).

Противоречия между теорией и практикой правосудия имеют разнородный многоуровневый и сложный, системный характер. Они полностью соответствуют противоречиям в самой сущности уголовной политики как комплексного и системного явления и понятия. Решающую роль в них играют противоречия, характеризующие социальную сущность и направленность этой политики, интересы её субъектов.

Преступность – это социальные антагонизмы, выраженные в совокупности совершённых преступлений, преследуемых государством в уголовном законе. Антагонистический характер противоречий общества, массовость порождённых ими преступлений, их протяжённость во времени и пространстве, социально значимый характер причиняемого вреда для общества, резко негативная морально-политическая оценка государством, преследование в соответствии с нормами уголовного закона, количественная и качественная определённость в данный исторический период – существенные составляющие преступности [25; 26; 27; 28; 31; 32].

Уголовная политика является политико-правовой формой реакции государства на преступность, специфической формой признания и разрешения социальных противоречий и антагонизмов.

Противоречия уголовной политики являются многоуровневыми, комплексными и включают противоречия, характеризующие её сущность, стратегию и целевые установки, механизм, внутреннюю связь и зависимость от социальных основ общества – экономики, политики, идеологии, культуры. Основным противоречием уголовной политики является противоречие между её доктринальной и деятельно-практической сторонами, её теорией и практикой.

Идеальные и материализованные элементы уголовной политики, составляющие её доктринальную и деятельно-практическую стороны, находятся в единстве и противостоянии, мера которого придаёт ей качественную определённость в рамках конкретного исторического периода развития данного общества.

Частные изменения социальных условий обусловливают и частный характер изменений

уголовной политики в пределах исторического типа социальной системы. Только смена социальной системы влечёт за собой и смену сущности, исторического типа уголовной политики [76].

Количественные и качественные показатели преступности наиболее выражаются в её динамике, представляющей собой единство и противоречие как количественных, так и качественных изменений этого социального явления. Единство таких изменений проявляется в их единых численных показателях, совпадении характера и тенденций изменений; противоречие – во взаимодействии в соответствии с законом диалектики о переходе количественных изменений в качественные. Качественные изменения, как решающая сторона динамики преступности, наиболее чётко выражаются в резком, скачкообразном увеличении доли наиболее опасных (тяжких и особо тяжких) преступлений, среди которых доля преступлений экономической направленности является определяющей.

Количественные изменения, как определяющая сторона динамики преступности, адекватно отражают состояние последней, то есть её направленность, объём, характер, уровень и структуру. Динамика преступности характеризуется возвышением её количественных и качественных показателей, астрономическим значением численных величин, резким ростом удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений, приоритетом роста преступлений в сфере экономики и насильственных преступлений. Она является существенным критерием, отражающим масштабы, социальные последствия, причины преступности и направления их устранения. Но она не является определяющим показателем эффективности уголовной политики.

Качество уголовной политики есть интегрированное производное качества её каждого слагаемого, синтезированного с качеством всех других составляющих. Комплексность, системность составляющих уголовной политики, их единство и противоречивость обусловливают множественность, системность и противоречивость критериев её эффективности.

Эффективность уголовной политики есть интегрированное слагаемое воздействия всех её составляющих на преступность, причины и условия последней, обеспечивающего меру и степень защиты личности, общества, государства от преступных посягательств. Решающим критерием эффективности уголовной политики является реальный уровень достижения её стратегических целей – мера защиты прав, свобод и интересов личности, общества и государства.

Список литературы

1. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации. – СПб., 2014. Сер. Избранные лекции университета. Том Выпуск 157.
2. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. - № 12. – С. 30-32.
3. Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. - № 3(302). – С. 173-188.
4. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
5. Александров А.И. Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – СПб, 2016. – С. 12-19.
6. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
7. Баранов В.М., Сальников В.П., Милюков С.Ф. Эффективность уголовно-правовой политики: Рецензия на монографию Коробеева А.И., Усса А.В., Голика Ю.В. «Уголовная политика: тенденции и перспективы».

- Красноярск, 1991. – 240 с. // Уголовно-правовые и криминологические проблемы охраны экономической системы. – Н. Новгород, 1993. – С 208-213.
8. Галиев Ф.Х. Правовая культура и регулирование общественных отношений. – М.: Этносоциум, 2009. – 184 с.
9. Галиев Ф.Х. Правовая культура и социальные нормы. – М.: NOTA BENE, 2010. – 174 с.
10. Горбашев В.В., Реуф В.М., Сулейманов А.М., Третьяков И.Л. Общественный порядок и его обеспечение правоохранительными органами // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 38-45.
11. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. - 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
12. Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Выпуск 22. Часть 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. - № 2(3). – С 113-121.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. - 2016. - № 4. - С. 171-188.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. - 2015. - № 9. - С. 17-31.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 1. - С. 13-30.
17. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. - 2013. - № 12. - С. 113-129.
18. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. - 2015. - № 7. - С. 57-75.
19. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие. В 2-х т. Т. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 547 с.
20. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие. В 2-х т. Т. 2. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. – 544 с.
21. Колоколов Н.А. Роль суда в механизме государственного управления. – М.: Юрист, 2004. – 344 с.
22. Колоколов Н.А. Судебная власть: О сущем феномене в логосе: Монография. – М.: Юрист, 2005. – 560с
23. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
24. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. - С. 125-156. – в кн. 456 с.
25. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
26. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
27. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
28. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. - 608 с.
29. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. – М., 2000.
30. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001.
31. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Том 1. – М.: Юрайт, 2011. – 880 с.
32. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997.

33. Лысов П.К. Конституционно-правовые основы судебной власти в Российской Федерации. тенденции и перспективы развития: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014.
34. Лысов П.К. Организация судебной власти и судебной деятельности в современной России: некоторые направления правового совершенствования // Юридическая наука: история и современность. - 2013. - № 12. - С. 81-97.
35. Лысов П.К. Унификация судебной практики различных ветвей судебной власти: некоторые дискуссионные проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 200-210.
36. Лысов П.К., Анашкина Ю.Н. Единая государственная власть и принцип разделения властей // Мир политики и социологии. - 2015. - № 7. - С. 87-99.
37. Лысов П.К., Анашкина Ю.Н. Реализация принципа федеративной организации судебной власти и судебной деятельности в Российской Федерации // Мир политики и социологии. - 2013. - № 12. - С. 79-88.
38. Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Информационный центр Пресс, 2001.
39. Постыляков С.П. Отдельные аспекты независимости судей // Российская судебная власть: современность и перспективы: Сборник научных трудов / Науч. ред.: Г.А. Гаджиев, К.Н. Княгинин. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 87-102. – В сб. 139 с. – (Сборники Президентской библиотеки).
40. Проблемы развития современного общества и правоохранительные органы: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 12. / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб., 2000.
41. Рахимзода Р.Х. Министерство внутренних дел Республики Таджикистан как правоохранительный орган // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 110-117.
42. Рахимзода Р.Х. Судебная система, прокуратура, органы национальной безопасности, министерство юстиции Республики Таджикистан и правоохранительная деятельность государства // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 110-117.
43. Рахимзода Р.Х. Правоохранительная система Республики Таджикистан: понятие и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 172-183.
44. Реуф В.М., Сальников П.П. Правовая идеология и правовые идеалы: некоторые дискуссионные аспекты понимания и соотношения // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 3. – С. 89-95.
45. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163.
46. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
47. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 7-10
48. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.
49. Российская судебная власть: современность и перспективы: Сборник научных трудов / Науч. ред.: Г.А. Гаджиев, К.Н. Княгинин. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 139 с. – (Сборники Президентской библиотеки).
50. Савенков А.Н. Международно-правовые основы современной уголовной политики Российской Федерации // Военный академический журнал. – 2015. - № 4(8) - С. 163-170.
51. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. - № 2(4). – С. 15-17.
52. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. - № 2(8). – С. 16-18.
53. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
54. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. - № 2. – С. 10.
55. Сальников В.П., Романовская В.Б. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. - 2015. - № 7. - С. 44-50.
56. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
57. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.

58. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. - 2014. - № 3(37). - С. 13-19.
59. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. - 2016. - № 2. - С. 175-193.
60. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. Сер. Безопасность человека и общества. – 208 с.
61. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. - 208 с. - (Серия: «Безопасность человека и общества»).
62. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. - 156 с.
63. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
64. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 153-156.
65. Сальников М.В., Гуськов Д.Н. Факторы, влияющие на политический режим в России: теоретико-правовой и исторический подход // Мир политики и социологии. - 2015. - № 8. - С. 82-88.
66. Сальников М.В., Кудрявцев Ю.А. Политический режим как элемент формы государства: Учебное пособие / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006.
67. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В.В Ершова. – М., 2006.
68. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
69. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: Монография / 2-е изд., доп. - М.: Норма, 2014. - 672 с.
70. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: Вопросы правореализации: Учебное пособие. – Саратов: Саратовская высшая школа МВД России, 1995.
71. Теоретические прикладные проблемы деятельности правоохранительных органов в современных условиях: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 13 часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000.
72. Третьяков И.Л. Уголовная политика в системе государственной политики // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 17-32.
73. Третьяков И.Л. Уголовная политика и ее политико-правовая сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 198-205.
74. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
75. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
76. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
77. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
78. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
79. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
80. Шульц В.Л., Бочкарев С.А. Двойственность понимания современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. – 2015. - № 2(3). – С. 122-133.

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОГРАММ. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

БОРОДИН Виктор Васильевич,
профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: borodindis@mail.ru

БОРОДИНА Светлана Васильевна,
доцент кафедры Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, (г. Воронеж,Россия)
E-mail: Svetlana-borodina-1969@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Оксана Ивановна,
доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: ksuns@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Аннотация. *Анализируется новый подход к организации образовательно-педагогического процесса в образовательных организациях МВД России. Рассматриваются вопросы индивидуальной подготовки по сокращенной форме обучения на факультете заочного обучения.*

Ключевые слова: *российское образование в системе ОВД; кроки обучения в ВУЗах МВД; качество образования до уровня международных стандартов.*

BORODIN V.V.
BORODINA S.V.
VASIL'EVA O.I.

SOME ISSUES OF IMPROVING THE EDUCATIONAL PROCESS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS MIA SYSTEM OF RUSSIA

The summary. *We analyze a new approach to the organization of educational and pedagogical process in educational organizations of the Russian Interior Ministry. The problems of individual training on an abbreviated form of training at the Faculty of distance learning.*

Key words: *education system in the police department; sketch teaching in the universities of the Ministry of Interior; quality education to international standards.*

На рубеже нового тысячелетия проходит кризис образования, связанный, прежде всего, с изменением его роли в социальной жизни общества [2; 9; 11; 14; 15; 16; 19; 20; 21].

В связи с этим в образовательных организациях МВД России необходим новый подход к организации образовательного процесса, т.е. связанного с использованием реальной технологии современного специалиста способного самостоятельно на практической деятельности в ОВД решать сложные научно-правовые и правоохранительные задачи реализации и защите прав и свобод человека и гражданина.

Остановимся в краткой форме на проблемах российского образования в ОВД.

Первое – это кризис традиционной системы образования, т.е. в организации учебной деятельности. Советская Россия получила наследие от советской системы образования. Советский союз был индустриальным обществом [3]. Сегодня современная Российская Федерация – это информационное общество, т.е. развитие происходит в условиях глобализации, что обуславливает необходимость в принятии коренных реформ в нынешней системе образования в том числе в ОВД России. В обновлении нуждаются принципы подачи учебно-научного материала, роль профессорско-преподавательского состава в образовательном процессе.

Сложившаяся ситуация побуждает образовательную организацию искать способы совершенствования образовательного процесса. Да, что их искать, они заложены, определены в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1].

Так, на наш взгляд на факультете заочного обучения необходимо провести учебно-научный эксперимент по системе индивидуальной подготовки по сокращенной форме обучения в зависимости от полученного до поступления в ВУЗ образования. Из сотрудников образовательной организации создать учебную группу из числа обучаемых по заочной форме. Сроки обучения сократить для поступающих в ВУЗ лиц, имеющих высшее образование, до одного года обучения, проводить обучение по индивидуальному учебному плану и т.д. (см. приложение 1).

Индивидуальный учебный план слушателя (курсанта) должен предусматривать:

1) выполнение слушателем основных контрольных работ по учебным дисциплина в указанные сроки;
2) обязательное посещение учебных занятий;
3) необходимое прохождение всех видов (стажировки) или практики в установленное время;
4) посещение индивидуальных консультаций преподавателей в соответствии с утвержденным графиком;
5) один раз в два месяца предоставлять отчет перед членами методического совета образовательной организации о выполнении индивидуального учебного плана.

Кроме этого, индивидуальный учебный план обучения слушателя заочного факультета должен предусматривать полное выполнение (рабочего) учебного плана изучаемых дисциплин в установленные календарным учебным графиком сроки.

Индивидуальный учебный план слушателя (курсанта) должен также предусматривать досрочную сдачу экзаменов и зачетов. В противном случае слушатель (курсант), обучающийся по индивидуальному учебному графику, сдает зачеты и экзамены на общих основаниях и в сроки, установленные расписанием экзаменационной сессии. Экзамены и зачеты, предусмотренные индивидуальным учебным планом, сдаются на общих основаниях.

В таком регламенте финансово-экономические затраты на обучаемого будут ниже; другое, не будет отрыва и перерыва от основной службы в подразделениях и т.д. При всем этом обучение по такому направлению требует особого контроля и отчета со стороны как слушателя заочного обучения, так и руководства факультета заочного обучения образовательной организации.

В заключение необходимо сказать, что наше время требует реальных реформ, способных повысить образовательный уровень сотрудников полиции, умножить количество квалифицированных работников и поднять качество образования в России до международных стандартов [4; 5; 6; 7; 8; 10; 12; 13; 17; 18; 21].

Приложение 1

Образец индивидуального плана обучения слушателя (заочная форма обучения)

«УТВЕРЖДАЮ»
Начальник образовательной
организации МВД России
Пр № ____ от _____ г.

Индивидуальный план обучения слушателя

_____***Капитана полиции Иванова И.И.***__ _____
(спец.звание, ФИО)

Специализация_____
Курс обучения_____
Профиль подготовки_____
Период обучения с _____ по _____

№ п/п	учебная дисциплина	преподаватель	объем часов по программе	форма аттестации	сроки сдачи	отметка о выполнении	подпись преподавателя

Первый заместитель начальника
образовательной организации МВД России _____
(подпись) (ФИО)

Ознакомлены:
Заместитель начальника образовательной организации по заочному обучению
_____
(подпись) (ФИО)
«____» _____20__г.

Начальник заочного факультета образовательной организации
_____
(подпись) (ФИО)
«____» _____20__г.

Начальник учебно- методического управления
образовательной организации

_____
(подпись) (ФИО)
«____» _____20__г.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2012. - № 53 (часть I). - Ст. 7598.
2. Бородин В.В., Корчагина С.И. Развитие конституционного законодательства: историко-правовой аспект // История государства и права. - 1998. - № 4.
3. Бородин В.В., Баранов В.М., Сальников В.П., Правовое государство и язык закона // Повышение правоохранительной активности граждан в обеспечении перехода к рынку. Часть 2. - Нижний Новгород.1993.
4. Васильева О.И. Использование деловой игры в процессе преподавания учебной дисциплины «конституционное право России» // Совершенствования подготовки специалистов для ОВД в рамках реализации требований образовательного стандарта. - СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2016.
5. Гер О.Е., Кайзер А.Г., Сальников П.П. Юридическое образование России от Ивана Калиты до наших дней. Можно ли его модернизировать? // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 203-213.
6. Гер О.Е., Кайзер А.Г., Сальников С.П. Россия в Болонской системе: проблемы и перспективы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 110-115.
7. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Арзамасов Ю.Г., Баранов В.М., Варламова Н.В., Веденеев Ю.А., Веденеев Ю.А., Головкин Р.Б., Головина А.А., Гончаров И.В., Графский В.Г., Гревцов Ю.В., Гук П.А., Давыдова М.Л., Дудко И.Г., Захарцев С.И., Исаков В.Б., Кирдяшова Е.В., Колоколов Н.А., Комаров С.А., Корнев А.В., Курза Н.В. и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е. Эвтаназия российского образования. Перейден ли Рубикон? // Правовое поле современной экономики. - 2013. - № 11. - С. 18-28.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Российское образование – переворот с падением // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 59-75.
10. Лойт Х.Х., Сальников В.П., Потапов Ю.А. Проблемы подготовки специалистов по связям с общественностью в системе МВД России // Взаимодействие средств массовой информации и правоохранительных органов: Материалы научно-практической конференции. – СПб., 2001. – С 64-70.
11. Павлюк В.А., Сальников В.П. Инновационный подход к созданию лабораторных практикумов // Теория и практика инновационного развития кооперативного образования и науки: Материалы межвузовской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. – Белгород: Белгородский ун-т кооперации, экономики и права, 2010. – С. 204-210.
12. Романовская В.Б., Сальников В.П., Цыганов В.И. Религиозно-правовая проблематика в учебном процессе: кому это нужно? // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 80-89.
13. Сальников В. Зная тенденции развития страны, мы готовим кадры с опережением // Юридический мир. – 2004. - № 7. – С. 47-59.
14. Сальников В.П. О модернизации и совершенствовании российского образования // Наша власть: дела и лица. Специальный выпуск: Реформа образования в России. – 2006. – С. 44-46.
15. Сальников В.П. Образование в свете проблем глобализации, кризиса демократии, международного терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2(36). – С. 16-25.
16. Сальников В.П. Образование и кадровая политика в органах внутренних дел: инновационные процессы и проблемы реформирования // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 1. – С. 14-16.
17. Сальников В.П. Служа закону – служить народу // Наша власть: дела и лица. – 2004. – № 2 (38). – С. 70-71.
18. Сальников В.П. Учат так, как жизнь учила // Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 11. – Июнь. – С. 78-81.
19. Сальников В.П. Юридическое образование в России в современных условиях: новые подходы и модели. Круглый стол // Государство и право. – 1993. - № 2. – С. 3-22.
20. Сальников В.П., Масленников Д.В. Истоки, реальность и перспективы университетского образования // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. - № 3. – С. 27-34.
21. Сальников В.П., Масленников Д.В. Истоки, реальность и перспективы университетского образования // Юридические образование и наука. – 1999. - № 2. – С. 12-17.

НАЦИОНАЛЬНАЯ, ГОСУДАРСТВЕННАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ФИНАНСОВАЯ, ИНФОРМАЦИОННАЯ И ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правовых основ управления МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

БОРИСОВ Олег Станиславович,
заместитель начальника кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России (г. Москва, Россия)
E-mail: akademuprbos@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПОЛНОМОЧИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННЫХ РЕЖИМОВ

Аннотация. *Комментируется статья 15 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». Приводятся права и полномочия войск национальной гвардии в условиях действия режимов чрезвычайного положения, военного положения и контртеррористической операции.*

Ключевые слова: *войска национальной гвардии Российской Федерации; чрезвычайное положение; военное положение; контртеррористическая операция; права; ограничения.*

SAL'NIKOV V.P.
KONDRAT E.N.
BORISOV O.S.

POWERS OF NATIONAL GUARD TROOPS TO ENSURE THAT ACTIVITIES IN LIMITED MODE

The summary. *Article 15 of the Federal law «About armies of national guards of the Russian Federation» is made comments. The rights and powers of armies of national guards in the conditions of action of modes of state of emergency, the martial law and counterterrorist operation are resulted.*

Key words: *armies of national guards of the Russian Federation; state of emergency; the martial law; counterterrorist operation; the rights; restrictions.*

Статья 15. Полномочия войск национальной гвардии по обеспечению режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции, а также полномочия, связанные с участием в контртеррористической операции

1. Военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии в целях обеспечения режима чрезвычайного положения вправе:

1) временно запрещать или ограничивать движение транспортных средств и пешеходов на улицах и дорогах, плавучих средств (судов) и пловцов на акватории, осуществлять их досмотр в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан;

2) использовать в неотложных случаях транспортные средства, принадлежащие организациям (за исключением транспортных средств, принадлежащих дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств, представительствам международных организаций, а также транспортных средств специального назначения), транспортные средства и плавучие средства (суда), принадлежащие организациям или гражданам, для проезда к месту чрезвычайных ситуаций и при других чрезвычайных обстоятельствах, для доставления в медицинские организации лиц, нуждающихся в скорой медицинской помощи, а также для преследования лиц, совершивших преступления или подозреваемых в их совершении, и доставления их в полицию;

3) не допускать граждан в целях защиты их жизни, здоровья и имущества на отдельные участки местности и объекты; обязывать их покинуть указанные участки местности и объекты;

4) беспрепятственно пользоваться в служебных целях линиями, каналами и средствами связи, принадлежащими организациям (за исключением линий, каналов и средств связи, принадлежащих дипломатическим представительствам, консульским учреждениям иностранных государств и представительствам международных организаций);

5) безвозмездно получать от организаций информацию, необходимую для исполнения военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии служебных обязанностей, за исключением случаев, когда законодательством Российской Федерации установлен иной порядок получения соответствующей информации;

6) осуществлять проверку у граждан документов, удостоверяющих их личность, при наличии данных о том, что у граждан имеется оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, специальные средства, производить личный досмотр граждан, досмотр их вещей, жилых и иных помещений, транспортных средств, плавучих средств (судов);

7) з адерживать граждан, нарушивших правила комендантского часа, установленные в соответствии с федеральным законодательством, до его окончания, а лиц, не имеющих при себе документов, удостоверяющих их личность, задерживать до установления их личности, но не более чем на срок, предусмотренный федеральным законодательством, с последующим их доставлением в полицию;

8) принимать неотложные меры по спасению людей, охране имущества, оставшегося без присмотра, обеспечению охраны общественного порядка при чрезвычайных ситуациях и других чрезвычайных обстоятельствах, при обеспечении режима чрезвычайного положения, в том числе на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры.

2. Военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии в целях обеспечения режима

военного положения, правового режима контртеррористической операции, а также участия в контртеррористической операции предоставляется право на применение мер и временных ограничений, предусмотренных соответственно федеральным законодательством о военном положении и о противодействии терроризму.

Комментарий к статье 15

Статья 15 комментируемого закона [2] устанавливает полномочия войск национальной гвардии по обеспечению режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции, а также полномочия, связанные с участием в контртеррористической операции [26].

Определение режима чрезвычайного положения содержится в ст.1 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) «О чрезвычайном положении» [5].

Согласно части 1 указанного закона чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией Российской Федерации [1] и Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» [5] на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные настоящим Федеральным конституционным законом отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей.

В соответствии с частью 2 указанной статьи введение чрезвычайного положения является временной мерой, применяемой исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя Российской Федерации.

Легальное определение военного положения содержится в ст.1 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) «О военном положении» [4].

В соответствии с частью 1 указанного закона под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

Согласно части 2 указанной статью целью введения военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации.

Часть 3 указанной статьи устанавливает норму согласно которой период действия военного положения начинается с даты и времени начала действия военного положения, которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации о введении военного положения, и заканчивается датой и временем отмены (прекращения действия) военного положения.

В соответствии с частью 4 указанной статьи в период действия военного положения в соответствии с настоящим Федеральным конституционным законом могут в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства, ограничиваться права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее – граждане), деятельность организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, права их должностных лиц. На граждан, организации и их должностных лиц могут возлагаться дополнительные обязанности.

Что касается легального определения правового режима контртеррористической операции, то оно содержится в ст.11 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» [3].

В части первой статьи 11 указанного закона говорится, что целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства по решению должностного лица, принявшего в соответствии с частью 2 статьи 12 настоящего Федерального закона решение о проведении

контртеррористической операции, в пределах территории ее проведения может вводиться правовой режим контртеррористической операции на период ее проведения.

Согласно части 2 указанной статьи решение о введении правового режима контртеррористической операции (включая определение территории (перечня объектов), в пределах которой (на которых) такой режим вводится, и перечня применяемых мер и временных ограничений) и решение об отмене правового режима контртеррористической операции подлежат незамедлительному обнародованию [6; 8; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 18; 19; 22; 24].

Часть 3 указанной статьи устанавливает, что на территории (объектах), в пределах которой (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, на период проведения контртеррористической операции допускается применение следующих мер и временных ограничений:

1) проверка у физических лиц документов, удостоверяющих их личность, а в случае отсутствия таких документов – доставление указанных лиц в органы внутренних дел Российской Федерации (иные компетентные органы) для установления личности;
2) удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов, а также отбуксировка транспортных средств;
3) усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта, а также объектов, имеющих особую материальную, историческую, научную, художественную или культурную ценность;
4) ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях в целях выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах, его подготовивших и совершивших, и в целях предупреждения совершения других террористических актов;
5) использование транспортных средств, принадлежащих организациям независимо от форм собственности (за исключением транспортных средств дипломатических представительств, консульских и иных учреждений иностранных государств и международных организаций), а в неотложных случаях и транспортных средств, принадлежащих физическим лицам, для доставления лиц, нуждающихся в срочной медицинской помощи, в лечебные учреждения, а также для преследования лиц, подозреваемых в совершении террористического акта, если промедление может создать реальную угрозу жизни или здоровью людей. Порядок возмещения расходов, связанных с таким использованием транспортных средств, определяется Правительством Российской Федерации;
6) приостановление деятельности опасных производств и организаций, в которых используются взрывчатые, радиоактивные, химически и биологически опасные вещества;
7) приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи;
8) временное отселение физических лиц, проживающих в пределах территории, на которой введен правовой режим контртеррористической операции, в безопасные районы с обязательным предоставлением таким лицам стационарных или временных жилых помещений;
9) введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других карантинных мероприятий;
10) ограничение движения транспортных средств и пешеходов на улицах, дорогах, отдельных участках местности и объектах;
11) беспрепятственное проникновение лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные принадлежащие физическим лицам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности для осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом;
12) проведение при проходе (проезде) на территорию, в пределах которой введен

правовой режим контртеррористической операции, и при выходе (выезде) с указанной территории досмотра физических лиц и находящихся при них вещей, а также досмотра транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств;

13) ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, специальных средств и ядовитых веществ, установление особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические средства, психотропные или сильнодействующие вещества, этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

14) ограничение или приостановление частной детективной и охранной деятельности.

Согласно части 4 указанной выше статьи на отдельных участках территории (объектах), в пределах которой (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции, могут устанавливаться (вводиться) как весь комплекс мер и временных ограничений, предусмотренных частью 3 настоящей статьи, так и отдельные меры и временные ограничения.

В соответствии с частью 1 статьи 15 ФЗ «О национальной гвардии» военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии в целях обеспечения режима чрезвычайного положения вправе:

1) временно запрещать или ограничивать движение транспортных средств и пешеходов на улицах и дорогах, плавучих средств (судов) и пловцов на акватории, осуществлять их досмотр в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан;

2) использовать в неотложных случаях транспортные средства, принадлежащие организациям (за исключением транспортных средств, принадлежащих дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств, представительствам международных организаций, а также транспортных средств специального назначения), транспортные средства и плавучие средства (суда), принадлежащие организациям или гражданам, для проезда к месту чрезвычайных ситуаций и при других чрезвычайных обстоятельствах, для доставления в медицинские организации лиц, нуждающихся в скорой медицинской помощи, а также для преследования лиц, совершивших преступления или подозреваемых в их совершении, и доставления их в полицию;

3) не допускать граждан в целях защиты их жизни, здоровья и имущества на отдельные участки местности и объекты; обязывать их покинуть указанные участки местности и объекты;

4) беспрепятственно пользоваться в служебных целях линиями, каналами и средствами связи, принадлежащими организациям

(за исключением линий, каналов и средств связи, принадлежащих дипломатическим представительствам, консульским учреждениям иностранных государств и представительствам международных организаций);

5) безвозмездно получать от организаций информацию, необходимую для исполнения военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии служебных обязанностей, за исключением случаев, когда законодательством Российской Федерации установлен иной порядок получения соответствующей информации;

6) осуществлять проверку у граждан документов, удостоверяющих их личность, при наличии данных о том, что у граждан имеется оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, специальные средства, производить личный досмотр граждан, досмотр их вещей, жилых и иных помещений, транспортных средств, плавучих средств (судов);

7) задерживать граждан, нарушивших правила комендантского часа, установленные в соответствии с федеральным законодательством, до его окончания, а лиц, не имеющих при себе документов, удостоверяющих их личность, задерживать до установления их личности, но не более чем на срок, предусмотренный федеральным законодательством, с последующим их доставлением в полицию;

8) принимать неотложные меры по спасению людей, охране имущества, оставшегося без присмотра, обеспечению охраны общественного порядка при чрезвычайных ситуациях и других чрезвычайных обстоятельствах, при обеспечении режима чрезвычайного положения, в том числе на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры.

В соответствии с часть 2 комментируемой

статьи военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии в целях обеспечения режима военного положения, правового режима контртеррористической операции, а также участия в контртеррористической операции предоставляется право на применение мер и временных ограничений, предусмотренных соответственно федеральным законодательством о военном положении и о противодействии терроризму [7; 9; 14; 17; 20; 21; 23; 25; 27; 28; 29].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М.. 2016.
2. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
3. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
4. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 5. – Ст. 375.
5. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.
6. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат Е.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
7. Байрамов Ш.Б., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. История международного и российского терроризма (от Древнего Рима до Нового времени): Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский госуд. морской техн. ун-т, 2010. – 216 с.
8. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
9. Волеводз А.Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 2. – С. 3-6.
10. Волеводз А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 150-160.
11. Волеводз А.Г. Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1. – С. 70-93.
12. Волеводз А.Г. Международный терроризм: предпосылки криминализации в российском законодательстве // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен // Материалы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29-30 мая 2014 г. / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 131-136.
13. Волеводз А.Г. О значении выработки общепризнанного понятия «терроризм» и «международный терроризм» // Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3(7). – Екатеринбург: Уральская юридическая академия, 2011. С. 42 – 62.
14. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 128-134.
15. Голубовский В.Ю. Выступление на Первом Всероссийском совещании по вопросам обеспечения комплексной безопасности вузов // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. COUNTER-TERRORISM. – 2011. – № 2. – С. 34-36.
16. Ибрагимов С.М. Идеологические и уголовно-правовые меры борьбы с содействием террористической деятельности на Северном Кавказе // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 135-139.
17. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
18. Мурадян С.В. Проблемы квалификации финансирования терроризма по международному праву // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 92-97.
19. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
20. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. – СПб.: Питер, 2002.

21. Павлик М.Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм, вопрос теории и практики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – 372 с.
22. Проблема внедрения экстремистской идеологии в России постоянно в поле зрения спецслужб и других ведомств. URL: http://www.ng.ru (проверено 20 апреля 2013 г.).
23. Сальников В.П. Законодательство Российской Федерации и проблемы борьбы с терроризмом // Защита и безопасность. – 1998. – № 4. – С. 4-5.
24. Сальников В.П. Образование в свете проблем глобализации, кризиса демократии, международного терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 2(36). – С. 16-25.
25. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11.
26. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
27. Солодовников С.А. Терроризм и организованная преступность. – М., 2008.
28. Стесиков И.А. К вопросу разработки эффективной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 141-146.
29. Федоров А.В. Противодействие терроризму: правовое регулирование // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. – 2001. – № 5. – С. 84-96.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

МАДЖИДЗОДА Джурахон Зоир
(Зоиров Джурахон Маджидович),
Председатель комитета Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли (Парламента) Республики Таджикистан по правопорядку, обороне и безопасности, профессор Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: Zoirov2009@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРЕСТУПНОСТЬ

Аннотация. *Анализируется влияние этносоциальных факторов на состояние преступности в Республике Таджикистан. Отмечается, что необходимым условием этого анализа является рассмотрение состояния социально-экономического и политического развития страны. Важнейшим фактором при этом можно также считать особенности организации традиционного таджикского общества, вследствие чего чрезвычайно важен учет этносоциальных факторов в процессе работы по противодействию преступности.*

Ключевые слова: *этносоциальные факторы; преступность: Республика Таджикистан; социальное развитие; этнорегиональные группы.*

MADZHIDZODA D.Z.

ETHNOSOCIAL FACTORS AND CRIME

The summary. *Influence of ethnosocial factors on a criminality condition in Republic Tajikistan is analyzed. It is noticed that a necessary condition of this analysis is consideration of a condition of social and economic and political development of the country. Thus it is possible to consider as the major factor also features of the organization of a traditional Tadjik society owing to what the account of ethnosocial factors in the course of work on criminality counteraction is extremely important.*

Key words: *ethnosocial factors; criminality: Republic Tajikistan; social development; ethnoregional groups.*

Состояние преступности в Таджикистане является следствием действия обширного комплекса факторов. Качественно новые формы, масштабы приобрела экономическая преступность [18; 20; 21]. Классификация этносоциальных факторов, являющихся неотъемлемой

частью ЭСКО, представлена следующими группами:

1. Специфические социально-экономические факторы Таджикистана.
2. Факторы, связанные с особенностями государственно-политического развития Республики Таджикистана.
3. Конфессиональные факторы.
4. Факторы, связанные с особенностями этнокультурного и социально-психологического развития народов Таджикистана.

Необходимым условием анализа ЭСКО является рассмотрение сложившегося состояния социально-экономического и политического развития страны.

С учетом сложившейся ситуации можно выделить целый ряд причин нестабильности в Таджикистане. Основными являются отсутствие на протяжении предыдущих нескольких десятков лет адекватного национальным требованиям развития социально-экономической структуры общества, неиспользование многонационального и много конфессионального потенциала как источника ее силы и процветания. И в недавнем прошлом, и в настоящее время страна лишена «естественно-национального стрежня». В течение длительного срока пребывания Таджикистана в составе СССР народ, обозначенный в названии республики, оставался лишь номинально «титульным», поскольку сфера таких атрибутов национальной государственности, как культура, язык, духовные ценности, включая религию, постоянно сужалась и деградировала.

Важной причиной межэтнических конфликтов, повлекших за собой многочисленные преступления, как в общем-то и в других странах [13], можно считать перекосы в развитии экономики Таджикистана, имевшие место многие десятилетия. Особенно это сказалось в развитии сельского хозяйства, являвшегося основной народного хозяйства.

Несмотря на принимаемые руководством страны меры, экономика продолжает оставаться в плачевном состоянии. Это было связано прежде всего с отсутствием на предприятиях и в хозяйствах необходимых ресурсов, сырья и материалов, неплатеже способностью, невыполнением договорных обязательств и другими обстоятельствами. Дефекты в проведении хозяйственной реформы привели к углублению противоречий местных и ведомственных интересов с общенародными, общегосударственными. В результате даже имеющиеся резервы развития производства должным образом не выявлялись и не исполнялись, в отдельных отраслях начались необратимые процессы. Особенно трудное положение в сельском хозяйстве, в первую очередь, в хлопковом производстве, животноводстве. Налицо крупные потери при сборе и переработке сельхозпродукции. В районах отгонного животноводства долгое время нарушался качественный и количественный состав стада, в результате чего произошла потрава пастбищ, сокращение поголовья скота. Произошел подрыв генофонда, о чем свидетельствует уменьшение среднего веса овцы в общественном стаде в 3 раза за последние восемьдесят лет.

Для сельских районов Таджикистана характерно перенаселение на фоне высокого демографического роста. Так, численность населения Северного Таджикистана в 1870 по 1986 год выросла в 11,5 раза, в то время как размер поливной площади на 1 человека снизился в некоторых районах до 0,06 га. В результате кризиса сельского хозяйства и быстрого увеличения сельского направления происходит резкое ухудшение снабжения населения продуктами питания. В 1913-1914 гг. Таджикистан производил на душу населения 102,5 кг. зерна в год (что было, кстати, совершенно недостаточно), в 1989-1990 гг. – 59-83 кг, а в 1993 г. – всего 44,6. Мяса было произведено в 1913 г. 46,7 кг, в 1989-1990 гг. – 21-22 кг, и в 1993 г. – около 7 кг. Душевное производство молоко оставалось до 1993 г. в целом на уровне 80-летней давности.

Нехватка поливных земель и пастбищ является причинной конфликтных ситуаций между жителями разных сельских населенных пунктов.

В настоящее время Таджикистан способен обеспечить свое население только овощами. Даже производство плодов, ягод и винограда, чем всегда славился Таджикистан, за последнюю четверть века неуклонно снижалось.

Пришли в полнейший упадок медицинское и бытовое обслуживание населения, инфраструктура крупных городов и населенных пунктов. Реальная зарплата и доходы большей части народа не только гораздо ниже прожиточного, но и физиологического. Неполноценное питание угрожает генофонду Таджикистана. Растет количество заболеваний, в том числе инфекционных. Примерно половина населения страдает в той

или иной форме отклонениями в психике. Как результат, в обществе нарастает агрессивность. Трагически возрастают алкоголизм и наркомания [6; 9; 10]. Особенно тревожно для будущего страны замедление в области образования, культуры. Растет детская преступность, проституция, беспризорность.

Другим негативным фактором обострения ЭСКО, о котором упоминалось выше, является растущая безработица. В среднеазиатском регионе доля трудоспособных мужчин, не имеющих работу, в среднем составляет 26-30%, в том числе в Таджикистане – 440 тысяч. Многочисленные исследования указывают на то, что в среднем при увеличении уровня безработицы на 3%, преступность возрастает на 1%.

Как показывают события в Гармско-Тавильдаринской зоне, наблюдаются постоянные изменения в формах, методах и тактике действий вооруженных формирований и спецслужб ДИВТ, а также разведывательных и других специальных органов иностранных государств, оказывающих финансовую, военно-техническую и иную помощь оппозиции. Предпринимаются попытки по усилению враждебной деятельности противника через линию госграницы. Значительно возросло количество террористических актов со стороны подпольных структур, в первую очередь, в г. Душанбе и близлежащих районах. Предпринимаются попытки к проникновению в государственные структуры, особенно силовые, а также КМС, ГПВ РФ и Таджикистана.

В числе причин обострения криминогенной обстановки особо выделялась сохраняющаяся нестабильность и разбалансированность экономики, кризисные явления в хозяйственно-экономической и социальной сфере. Активный процесс криминализации экономики происходил за счет противоправного перераспределения производственного валового внутреннего продукта в пользу криминальных слоев, главным образом, путем преступных махинаций кредитно-финансовой и внеэкономической сферах, на валютно-денежном и потребительском рынках.

В силу бесконтрольности банковской деятельности происходило дальнейшее расшатывание денежно-кредитной системы республики. Самую негативную роль играет необработанность налоговой и таможенной политики, что привело к разбазариванию и утечке валютных ресурсов страны. В области налоговой политики мы сталкиваемся с общими проблемами, свойственными и другим странам [14; 32; 33].

В определенной степени это обусловлено тем, что в течение этих лет реформирование экономики проводилось без адекватного механизма защиты государства и добросовестного предпринимательства от противоправных посягательств. В результате не только объективно увеличилось количество преступлений экономической направленности, но и получила развитие тенденция очевидного сползания некоторых секторов экономики на теневые принципы функционирования. При этом отмечающийся ежегодно рост количества выявленных экономических преступлений лишь отчасти отражает возрастающие масштабы криминализации хозяйственного комплекса, поскольку правонарушения в этой сфере отличаются исключительно высокой степень латентности. Характерно, что каждое второе из зарегистрированных в сфере экономики преступных деяний – хищение. На эти же деяния приходится почти половина объема материального ущерба, причиненного экономическими преступлениями [19].

Еще одним специфическим фактором социального развития Таджикистана стала промышленность, изначально создаваемая как часть общесоюзного экономического потенциала. Не нацеленная на комплексное экономическое обслуживание региона, плохо учитывающая особенности территории размещения и использовавшая технологии, которые были рассчитаны на иные природные и социальные базы, промышленность оказала крайне неблагоприятное воздействие на экологию и этносоциальное развитие Таджикистана.

Из-за невозможности обеспечить промышленность местной рабочей силой и другим производственно-промышленным персоналом (за исключением части легкой и пищевой) рабочая сила в плановом порядке «завозилась» из России и других европейских регионов. В результате в республике оказались отделены друг от друга в одном «национальном» государстве две наиболее крупные группы населения, отличающиеся друг от друга по всем этносоциальным и соционормативным параметрам (этнически, конфессионально, по языку, культуре, образованию и т.д.). на одном полюсе находились крестьянство, жившее почти в 3,5тысяч селений, на другом

– работники промышленности, сживавшие в 18 городах и 49 поселках городского типа.

Подобна система расселения определила специфику социальной структуры таджикского общества и заложила колоссальный заряд конфликтности. В 1996 году он дал о себе знать.

Указанные факторы тесно связаны между с собой и вызывали множество негативных последствий, одним из которых стал массовый отток представителей некоренных национальностей. В течение 1990-х годов Таджикистан покинуло более 300 тысяч русских. Основной причиной отъезда явилась гражданская война, но эмиграция стала заметным процессом еще в 1970-е годы.

Первыми начали уезжать те, кто потерял перспективу роста для себя и для детей, в первую очередь представители бывшей партийно-государственной номенклатуры и члены их семей. Затем, представители интеллигенции: преподаватели вузов, творческие работники. С усилением экономического кризиса сниматься с мест специалисты. Ряд производств останавливались уже из-за отсутствия кадров, которые их обслуживали.

Однако, если изменения в сфере экономики имели очевидные причины, то изменения в сфере этики, выразившиеся в проявления откровенной ксенофобия, не были достаточно ясны. На наш взгляд, антирусские настроения были, прежде всего с потерей идеологических ориентиров и маргинализацией мышления. В условиях потери дееспособности властей на бытовом уровне стали делаться попытки решить свои проблемы – земли, жилья – за счет русских. Когда эти явления стали носить массовый характер, власти под давлениям националистических настроений практически узаконили эту практику, запретив военным приватизировать жилье, а уезжающим продавать свои квартиры. Цены на квартиры катастрофически упали, а на контейнеры в той же степени возросли.

Другой группой факторов, воздействующих на преступность и тесно связанных с ее этносоциальной обусловленностью, являются особенности государственно-политического развития республики. После прекращения существования Советского Союза и обнаружившейся явной несостоятельности «национальной государственности» таджикское общество осталось один на один со своими проблемами, в том числе и нажитыми за годы коммунистического правления. Образовалось так называемое «фрагментарное» общество, каждый сегмент которого имел собственное устройство, сою политическую культуру, цели и устремления. Государство не осуществляло баланс интересов, не гармонировало интересы этих сегментов, оно самоустранилось по объективной причине: пост имперской нежизнеспособности, бегства имперских элит, осуществлявших руководство республикой. Шло мучительное приспособление старых структур к постоянно изменяющимся внешним условиями, что включало и кровавую борьбу за перераспределение власти. Появились и иные проблемы, связанные с возникновением постсоветского пространства [2; 5; 7; 8; 17].

Гражданская война привела к фактической дезинтеграции страны. В каждом регионе власть захватили региональные власти.

Складывается впечатление, что существующие по Конституции законодательная, исполнительная и судебная власти существуют только на бумаге, но фактически их функции в стране не реализуются. За принимаемые порой решения никто ответственности не несет.

Маджлиси Оли работает без какого-либо регламента. Подробная информация о характере его деятельности не всегда имеется. Как показатель в работе иногда преподносится количество принимаемых законов, которые практически нигде не публикуются. Отсюда их незнание как населением, так и ведомствами. Иногда не известна позиция высшего законодательного органа на те или иные важные события в жизни страны. Принятие Конституции, сотен законов нормативных актов не привело к росту право сознательности государственных и частных структур, населения. Законы превратились в благие пожелания, зачастую игнорируются исполнительными органами. Иначе, как серьезным просчетом в кадровой политике не назвать ежегодную смену правительства, что еще больше осложнило политическую и экономическую обстановку. Стало нормой, когда проворовавшиеся или скомпрометировавшие себя члены правительства уходили безнаказанно с занимаемых постов или пересаживались в другое кресло. Безнаказанность привела к тому, что отдельные из амбициозно настроенных деятелей примкнули к НТО и проводят против существующей власти активную враждебную

деятельность.

Наблюдается паралич центральных и местных органов власти. Деятельность последних не подкреплена ни в материальном, ни в финансовом отношении. Не изжиты элементы местничества и регионализма. Более того, события в Ленинабадской области, ГБАО и ряде других районов еще больше обострили обстановку. Забвение властными структурами, лидерами интересов большинства населения приводят к дальнейшей потере социальной базы, … Необходима срочная реализация комплекса мер, направленных на то, чтобы приостановить это процесс.

Особого внимания заслуживает деятельность правоохранительных структур. В силу некоторых объективных и субъективных факторов МБ, МВД, ТК и Прокуратура, если оценивать их результаты в целом, не выполняют своего предназначения. Более того, как показывает анализ, они являются одним из виновников ухудшения политической и экономической обстановки в стране.

Принимаемые ими меры абсолютно неадекватны действиям внешней и внутренней оппозиции.

Бездеятельностью правоохранительных органов объясняются многочисленные факты массовых преступлений. Примером могут служить события в Кабоденском районе Хатлонской области в январе 1996 года. На территории этого района действовали многочисленные неформальные группы, объединенные по этническим признакам (т.н. «арабы», дурманы, гармцы, местные). Представители этих групп старались занять вышестоящие посты в районе, собрав вокруг себя своих близких и друзей. Основным требованием было невмешательство республиканских и областных органов и местные дела, комплектование кадров по местническому принципу.

Показателен состав одной из таких групп: ГоибназаровА. – бывший сотрудник ОВД, Муминов Б. – бывший председатель колхоза, ХудоевД. – председатель РАПО, Алимардонов Б. – заместитель председателя общества «Узбеков», Курбанов Я. – председатель фирмы «Яраш Курбан» и др. в отношении Гоибназарова А. и Алимардонова Б. не были закончены уголовные дела по фактам взятия в заложники и убийства, на Муминова Р. Заведено уголовное дело по приписке хлопка.

Эти и другие лица, чувствуя безнаказанность, продолжали свою преступную деятельность.

26 января 1996 года Алимардонов Бахтиер и Гоибназаров Алижон с поддержкой военнослужащих 1 бригады МОРТ, примерно в 23.00 часов напали на здание ОВД Кабодиенского района, где вязли в заложники около 20 сотрудников милиции и забрали из оружейной комнаты все вооружение. Находящиеся там заложники были помещены в камеры ИВС и подвергались издевательствам. Только 30.01.96 г. после продолжительных переговоров с руководством Республики освободили заложников.

Мятежников ОВД Кабодиенского района освободили из ИВС 5 задержанных, проходивших по различным уголовным делам, взломали рабочие сейфы всех сотрудников, забрали всю документацию, в том числе все номенклатурные дела, дела оперативного учета, рабочие дела на негласных сотрудников, личные дела сотрудников ОВД.

В руки мятежников попало 10 рабочих дел на негласных сотрудников и три оперативных дела, какие меры были приняты в их отношении ОВД неизвестно.

В отсутствии сильной централизованной власти трудно говорить о реформировании. Несмотря на то, что народ готов к радикальным экономическим реформам) рыночный потенциал достаточно велик, поворот к рынку представляется возрождением традиций) и, следовательно, наличествуют социальные силы, заинтересованные в реформе (предприниматели, кустари-ремесленники, мелкие розничные торговцы, мелкие бизнесмены, крестьяне, коллективы акционированных, приватизированных частных предприятий и т.д.), которые представляют собой большую часть населения. Нет решающей силы, способной обеспечить успешное проведенное реформ, – подготовленной государственной бюрократии. Желающей способной проводить преобразования. Строго говоря, такая бюрократия имеется в Северном Таджикистана, где есть практически все условия для радикальных рыночных реформ, исключая политические изменения. В центральных регионах у власти находится элита, часть которой стадиально не готова к реформам, а часть сознательно торпедирует их, поскольку завладела монополией на раздел госсобственности и получение сверхприбылей.

Особую проблему для ЭСКО составляет коррупция, которая в Таджикистане, как и в других государствах европейского и Среднеазиатского регионов, имеет свои корни, проявления, которые добавляются к общим причинам методологического характера [15; 16; 22; 23; 24]. К ней иное отношение населения, чем в России и других бывших советских республиках. Коррупция проникла во все эшелоны государственной власти и управления и приобрела форму устойчивой преступной связи должностных лиц с криминальной средой. Имеются данные о сокрытии преступлений сотрудниками МВД, предупреждении ими готовящихся обысках, выработке своими преступными связями линии поведения, оформления и сопровождении незаконных, в том числе контрабандных за соответствующее вознаграждение.

Очевидно, причина этого в том, что реальная мораль, по которой живет общество, имеет очень косвенное отношение к официальной морали. Реальная мораль говорит о том, что руководитель, поддерживающий свой клан, обогащавший свою семью и своих многочисленных родственников, назначавший их на важные и выгодные должности и т.д., просто выполнил свой родственный, клановый долг. В общественном сознании он – не преступник, наоборот, он был бы преступником, если бы отказал, например, в помощи бедному родственнику, просящему о должности, не устроил бы аспирантуру или что-нибудь в этом роде пареньку из своего клана. Народы Средней Азии – не менее честные, чем русские или украинцы. Просто у них- несколько иная честность, несколько иная мораль. И коррупция, пронизывающая эти общества, – это механизм, при помощи которого реальные, глубинные ценности этих обществ подчинили себе формальные ценности и навязанные им институты. Это своего рода орудие обороны традиционного общества. Данная ситуация является непреодолимым препятствием не только в борьбе с преступностью, но и в процессе укрепления государства. Традиционные ценности, конечно, существенно отличаются от псевдоценностей, навязываемых США и Западной Европой [1; 3; 4; 11; 12; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 34].

Можно отметить наличие и другого фактора данной группы, который также отражает своеобразие таджикского общества. Значительное влияния на процессы, протекающие в нем, оказывает борьбы клановых и этнических группировок, лояльность к которым реально значит гораздо больше, чем лояльность к политическим партиям. Последние также весьма своеобразны. Они являются по большей мере прикрытием клановых группировок, правящие –ныне господствующих, в новые -питающихся перераспределить власть в свою пользу.

Так, Коммунистическая партия Таджикистана была формой поддержания господства ленинабадцев (ходжентцев). Возникшие входе перестройки новые партии связаны с другими кланово-земляческими группами. Например, в демократический партии Таджикистана преобладали выходцы из исторических областей республики Каратыгин и Гиссар. Особенно сильно семейно-родственные и региональные связи проявляются в Партии исламского возрождения Таджикистана, в особенности в прежних, до декабрьской 1992 г. победы так называемых «красных», существовавших зонах ее наибольшего распространения – Матчинском районе Ленинабадской области, Каратыгине, и исторической области Кободиан, расположенной на юге Таджикистана. В этих регионах грань между собственно членами ИПВТ и их родственниками была весьма зыбкой, подчас сами руководители местных партийных структур не могли объяснить, кто же, собственно говоря, является членом партии, а кто нет, поскольку в реальной так называемой исламистской политической ориентации придерживалась определенная семейно-родственная группа.

Этим обстоятельством во многом объясняются, между прочим, и массовые зверства противников исламско-демократического блока в Кободиане, которые вырезали целые селения или кварталы родственников и свойственников активных членов ИПВТ. Борьба между такими и подобными им группировками чревата распадом единого государственного механизма и большим количеством жертв среди населения. Сегодня известны планы исламистских экстремистов провести в 1993 г. операцию «Возмездие», целями которой стали бы отторжение от Таджикистана Горно-Бадахшанской автономной области из создания на ее территории исламского государства. Усилиями таджикского общества, государства такие планы были сорваны.

В республике сохраняется власть советов хукуматы, существенно изменившихся со времени падения коммунистических режима. Бывшие ранее почти декоративным прикрытием власти компартии, советы на данный момент оказались единственными властно-управленческими структурами на местах, низовые их звенья практически утратили власть, перешедшую к хозяйственным руководителям, местным главарям криминальных группировок. Районные и областные советы претендуют на автономную от центральных органов … произошло фактическое объединение исполнительных и распорядительных функций в исполкомах, тогда как депутатский корпус местных советов номинальный характер. Таким образом, конституционно оформив полновластие советов, государство ныне столкнулось с ситуацией, когда центральные и периферийные органы блокируют друг друга. Развал государства сопровождается гипертрофированным наращиванием его мускулов, увеличением чиновничества. Быстрый рост бюрократических учреждений отражает не веберовскую специализацию и не усиление центральной власти, а, наоборот, конвульсий теряющей влияние государственной власти. Пытающейся восстановить контроль над экономикой и политикой. Причем симптоматично, районные и областные исполкомы интегрируются в складывающуюся сейчас систему местного управления, которая контролируется криминальными группировками (различными отрядами самообороны и пр.), постепенно остающимися хозяйственным руководством на метах. Это объясняет большое количество убийств председателей колхозов и других хозяйственников в криминальных разборках.

Как показывают прошедшие события, важным факторам, провоцирующим проявления преступности в республике стало не всегда оправданное и не совсем рациональное использование военной силы для установления конституционного порядка, пресечения незаконных действий в ряде районов страны.

К сожалению, присутствие в Таджикистане миротворческих сил СНГ не в полной мере способствуют снижению степени напряженности, уменьшению межнационального, межконфессионального, меж кланового противостояния и сопровождающих его преступлений. Исследователи в качестве причин такого положения проводят следующие: а) в регионе отсутствует консенсус относительно необходимости их вмешательства в конфликт, потому российской 201-й дивизии, ее пограничным войскам приходится нести на себе главную тяжесть миротворческих операций; б) КМС фактически выступает на стороне правительства Таджикистана (по утверждению тогдашнего командующего КМС генерала В. Патрикеева, первоначально в их состав были даже включены некоторые части правительственных войск, что противоречило Уставу ООН, по которому принимающая сторона не имеет права участвовать в миротворческих силах), и это дает таджикской оппозиции основание сомневаться в их нейтральности; в) КМС частично лишены легитимности, поскольку ООН не предоставила им мандата на проведение миротворческих операций в Таджикистане.

К числу конфессиональных факторов относятся те, которые прежде всего отражают исключительно большую роль ислама в стране. Хотя Таджикистан и является светским государством, небезынтересно вспомнить, что еще в 1992 году часть членов конституционных комиссий предлагала включить в конституцию исламские статьи. Однако превращение Таджикистана в исламское государство ни руководство ИПВ, ни поддержавший ее казиколон Ходжи Акбар Тураджонзода не выдвигал и не выдвигают. Вообще, лозунг исламского государство даже среди оппозиции в самый разгар гражданский войны не пользовался широкий поддержкой. Его поднимали на щит лишь наиболее экстремистки настроенные исламисты. Согласно социологическому опросу, проведенному в республике в 1992 году, 93 процента респондентов отрицательно относились к перспективе создания здесь исламского государства, в то время как 64, 2 процента рассматривали ислам как неотъемлемую часть истории и культуры страны.

В этих условиях официальные власти заинтересованы в поддержке духовенства для исламской легитимации в глазах масс современной светской государственной структуры. «Мы мусульмане, но не фундаменталисты», – такова сегодня установка, провозглашенная в Таджикистане. Вопрос о месте ислама в государственной структуре историей еще не снят.

Вместе с тем необходимо отметить то, что ислам, его догмы подчинили сознание

подавляющего числа обитателей Таджикистана. Более того, данная религия превратилась фактически в образ жизни. Она превратилась в консервант традиций, заставляя общество воспроизводиться с минимальными изменениями и ослабляя его адаптивные и трансформационные возможности.

Эта нейтральная сама по себе охранительная функция ислама приобрела негативный социальный оттенок: став формой общественного сознания, он не смел оценить и соответствующим образом отреагировать на такой фактор общественного развития, как очень высокие темпы естественного воспроизводства населения в Таджикистане. Они составляли в последние десятилетия 3-4% ежегодно.

Результатом этого стало относительное и абсолютное перенаселение, проблема трудовой занятости, трудности с обеспечением продуктами питания, товарами первой необходимости, снабжением питьевой водой, жилищная проблема и много других негативных явлений, вызывающих социальную, межэтническую напряженность, которая в ряде случаев выливается в конфликты, столкновения, уголовно-наказуемые деяния.

В республике поднимает голову исламский фундаментализма. Особенно фундаменталистским он себя проявил во время гражданской войны в 1992 году. Отряды исламских фундаменталистов вырезали целые семьи инакомыслящих. Террор под зеленым знаменем охватил значительную часть территории Таджикистана. Исламские экстремисты утверждали, что их поддерживают и оказывают помощь правительства Ирана, Афганистана, Саудовской Аравии и Пакистана.

По мнению специалистов, события в Таджикистане выдают далеко идущие планы религиозных фанатиков. Коалиция фундаменталистских сил с радикальными националистами, использующими исламистские лозунги, при открытой и скрытой финансово-экономической поддержке Афганистана (не исключено также Ирана и ряда арабских стран) пытается создать плацдарм для следующего наступления на нынешние режимы в Узбекистане, Киргизии, а в Туркмении и Казахстане под предлогом их прокоммунистического характера, чтобы отрезать от России Среднюю Азию и вовлечь ее в исламскую орбиту.

Однако следует согласиться с целым рядом исследователей в том, что ислам в Таджикистане отнюдь не всегда тождественен фанатизму и не терпимости. Скорее всего недостаточно твердая власть государственных органов и принесшая неисчерпаемые жертвы гражданская война являются следствием «исламской революции», а следствием действия иных факторов- регионализма, кланового противостояния, борьбы местных националистов с советскими структурами. Неправомерное относить ислам к «плохим» религиям. Такой подход опровергается объективной реальностью, ибо оценивать религии в черно-белых неправильно. Они представляют собой довольно сложные явления, имеющие много сторон, отличающихся одна от другой.

Важно учитывать особенности религий и возможности использования присущего им своеобразия экстремистами для своих преступных целей.

Группа факторов преступности, связанных особенностями этнокультурного и социально-психологического развития народов Таджикистана, отличается наибольшей сложностью. Факторы, о которых пойдет ниже речь, тесно связаны с другими, нами уже рассмотренными.

Следует обратить внимание на то, что в течение многих веков территория Таджикистана входила в состав различных государств, которые формировались прежде не по национальному, а по другим признакам. Одним из них выступал религиозный, объединяющий в долинах Средней Азии представителей многих этносов. Лишь в октябре 1924 года в результате национально-территориального размежевания в составе Узбекский ССР была образована Таджикская АССР с центром в г. Душанбе, включавшая 12 властей Туркестанского края, Восточную Бухару и почти весь Памир. При этом большая часть таджиков осталась за пределами Таджикской АССР. Главным фактором образования автономной республики было, на наш взгляд, стремление центральной власти реализовать большевистский принцип самоопределения наций, ускорить процессы этнической консолидации, уничтожить старую государственность, ее традиции и территориальную целостность, создать противовес мощным пантюркистским движениям в Центральной Азии и форпост коммунизма в самом центре Востока.

Руководство Таджикской АССР вскоре

предъявило территориальные претензии к Узбекской ССР, претендуя на территории с преимущественно таджикским населением, в первую очередь, на Худжентский округ, Бухару и Самарканд с округами, Денау, Сары-Ассия и др. Наибольшую активность в этом проявляли А. Мухитдинов, А. Ходжибаев, Нустратулло Махсум, Ширишо Шотемур. Они использовали открытое недовольство таджиков начавшейся после размежевания активной тюркизацией. А результате длительных переговоров и дискуссий. Весной 1929 года в Москве было принято решение о передаче Таджикской АССР Ходжентского округа, а 15 октября автономная республика … была выделена из Узбекской ССР и провозглашена союзной республикой. Одним из важнейших факторов провозглашения новой союзной республики было стремление центра создать «передовой пост» мировой революции на Востоке и превратить фарси язычных таджиков в своего рода агентуру в Иране, Афганистане и Северной Индии.

У новой республики не было общенационального центра, национальной интеллигенции. Формирующаяся государственность противоречила традициям различных групп таджиков. Основными проводниками государственной политики и строителями новой республики стали приезжие и з России и других республик Союза, а также из Самарканда, Бухары, Ходжента. Командированные в Душанбе в целях государственного строительства они рассматривали себя в роли посредников между центральной администрацией и местным населением. Создание псевдо республики по европейскому образцу имело свои следствием ломку всей системы исторических взаимосвязей, потерю главных национальных и политических культурных центров таджиков- Бухары – Самарканда, удар по исторически сложившемуся административному и экономическому районированию, появление пограничных проблем с Узбекистаном и Кыргызстаном.

Это заложило огромный потенциал грядущего конфликта, ущемило национальные чувства таджиков, которые в последующие после разъединения годы «отчитывались» узбеками. Таджики обучались в школах и других учебных заведениях по-узбекски, записывались по паспорту как узбеки. Другим условием, привлекшем за собой усиление национальной напряженности, стали насильственные переселения жителей республики по этническому признаку.

Наряду с действием указанных выше факторов на преступность в условиях современного Таджикистана оказывают влияние особенности уклада жизни, традиции, обычаи социально-психологические особенности жителей различных районов страны. Сегодня можно услышать, что Памир охраняет, Куляб танцует, Курган-Тюбе пашет, Душанбе производит, Ходжент правит и торгует.

Это отражает особенности каждого региона.

В северном Таджикистане высокая товарность частного мелкого хозяйства, близость и крупным городским центрам, многовековые традиции торговли и предпринимательства, значительная степень занятости коренного населения в промышленности обусловили развитие частной инициативы, предприимчивости, значительно меньшую зависимость от мнения общины, в определенной степени- развитие индивидуального сознания. В то же время именно на севере республики находятся основные очаги традиционной городской культуры таджиков – Ходжент, Ура-Тюбе, Пенджикент, Исфара, Канибадам. Совсем рядом-Самарканд и Коканд. Все это способствует сохранению, уважительному отношению к традициям, нежеланию как-либо реформировать социально-политическую и бытовую культуру. При поощрении деловой активности, жажде экономической самостоятельности, северяне очень настороженно относятся к политическим изменениям, предпочитая «вливать новое вино в старые». При этом они не любят «резких движений» и не идут на открытый конфликт, стараясь достичь консенсуса путем сложных манипуляций и закулисных переговоров. Культура северных таджиков интроверта, строго этикета.

Среди северных таджиков существенно выделяются жители верховьев Зеревшана – наиболее отсталой высокогорной части Северного Таджикистана, где еще сохранились реликты древних языков и культуры.

Политический идеал северян- соединение жестко авторитарной власти и экономических свобод. Большое распространение имеет система «патрон…». Национальные самосознание северян до сих пор полностью не проявилось. Прагматичны, приверженные собственным традициям, тысячелетиями находящиеся в

мульти культурном окружении, северяне гораздо более цивилизованную и культурную общность, нежели национальную. Особенности менталитета северян по отношению к властям можно сформулировать так: «Поклонись хозяину и иди совей дорогой». Все эти особенности чрезвычайно влияют на повседневное поведение северных таджиков, что свое отражение в преступной мотивации и в структуре самой преступности (преобладание корыстной мотивации: кражи, мошенничество, экономические преступления).

Бухарские и самаркандские таджики не проявляют сепаратистские устремления и не выдвигают требований о передаче их городов Таджикистану, тем самым сейчас, когда таджикское государство рушится в огне между узбеками, особенно в едином по существу культурно цивилизационном ареале Бухара – Самарканд – Ходжент, северные таджики до сих пор не предают особого значения фактору языка и этнического происхождения. Это относится и к Ферганской долине.

Национально-психологические исследования, проведенные в разных частях страны, показывают, что среди таджиков, живущих на севере республики доминируют индивиды с направленностью на себя, с коммуникативным типом нормативных предпочтений. Среди главных положительных характерологических признаков, приписываемых северянами себе, оказались высокое национальное самосознание, национальная гордость и чувство национального достоинства, уважение национальных обычаев и традиций, среди отрицательных – слабое уважение к родному языку, слабая сплоченность, жажда материального обогащения.

В центральном и Южном Таджикистане выделяется три крупные этнорегиональные группы: кулябцы, карагетинцы, гиссарцы. Гиссарцы в сравнении с другими – немногочисленная группа, по основным параметрам сходная с северными таджиками. Они экономически и политически активны, в их хозяйственной деятельности сильны рыночные ориентации.

Кулябцы – жители одного из самых сельскохозяйственных регионов Таджикистана, для которого свойственны сохранение колхозно-общинного уклада, традиционализм, консерватизм, не инициативность, низкий образовательный уровень. В их среде очень сильны этатистские и эгалитаристские ориентации. Кулябцы отличаются прямым, открытым, бескомпромиссным характером. Согласно проведенному нами опросу (июнь 1994 г.), большая часть кулябцев 73% опрошенных) их различных социальных слоев не допускает возможности, либо соглашений со своими врагами. В регионе процветает культ силы. Они отчетливо проявляются в структуре преступности, где по сравнению с другими регионами относительно высок удельный вес насильственных преступлений. Традиционно кулябцы идут правоохранительных органы, милицию вооруженные силы. Очень велика степень криминализированности этой этнорегиональной группы. Для политической культуры Куляба свойственен вождизм, когда вокруг «бобо» – пахана – собирается группировка, спаянная круговой порукой.

Вероятно, самое сильное противодействие реформам окажет именно эта этнорегиональная группа, так как при слабых рыночных ориентациях, культе и пренебрежении законностью кулябцы принимают предпринимательство исключительно в феодализированной форме, т.е. выплатой дани. В данный момент наблюдается процесс отторжения кулябской элиты, захватившей власть в центре, от остальных регионов, не намеренных отказаться от собственной политической культуры ради кулябского варианта. С этим связано с напряжением в отношении кулябцев практически со всеми этнорегиональными группами. Эта этнорегиональная группа очень тяжело воспринимает любые изменения, особенно политического характера, что чревато вооруженными насильственными действиями.

Для каратегинцев, ставших базой оппозиции, свойственны предприимчивость инициативность, мобильность, соединенные с приверженность традиционным ценностям и четким сознанием национальной идентичности, что регулирует модернистские тенденции внутри собственной культуры. Каратегинцы относительно легко идут на любые изменения, лишь бы это было в русле традиционной культурной, отсюда крутые изменения в политической, экономической, социальной жизни, санкционируемые традицией и религией.

Кроме названных этнорегиональных групп, незначительную часть населения представляют памирцы, говорящие на языках восточноиранской группы и причисленные к таджикам волевым решением. За последние полвека в их обществе

отмечены разложение родовой общины, трансформация культурно-хозяйственного типа, смена стереотипов, мотивации, ценностей, что привело не только к развитию предприимчивость, но и к обострению криминогенной обстановки. У памирцев большая тяга к образованию, исключительно высок удельный вес лиц с дипломами высшей школы. Они относительно легко идут на перемены. Настоящее время среди них наблюдается тяга к традиционной культуре, подъем национального самосознания сопровождается возрождением религии-исламизма.

Как свидетельствует результаты национально-психологических исследований, среди южных таджиков преобладают индивиды с направленностью на взаимные действия. У них доминирует деловой тип нормативных предпочтений. Наиболее характерными для себя положительными национально-психологическим качествами к южанам считают чувство национального достоинства, крепкие внутрирегиональные связи, уважение к родному языку. Из отрицательных качеств они приписывают себе прежде всего холодное отношение к северянам, безразличие и порой нетерпимость к представителям других наций, местничество.

Таджикистану советского периода было свойственно слабое законопослушание, на Памире, в Центральном и Южном Таджикистане оно доходит до крайности. Здесь силен авторитет обычного шариатского права. Для всех групп, кроме северных таджиков, характерны тяга к независимости, местный и национальный патриотизм, этатизм.

Важнейшим фактором можно также считать особенности организации традиционного Таджикского общества. Оно имеет ярко выраженную национальную специфику. Ячейкой таджикского общества является махалля – городская районная община с элементами автономии и самоуправления, а в сельской местности – кишлак. Для традиционного общества махалля – это центральный круг жизни, ее очаг и фокус. Лояльность по отношению к махалля стоит на первом месте, никто не может игнорировать бытующие в ее рамках общественное мнение, правила, солидарности и взаимопомощи должны соблюдаться неукоснительно. Отсюда, как и зерна, врастает лояльность более порядка – региональная, определяющая всю суть системы общественно-политических отношений в несравненно большей мере, чем классовые, национальные или идеологические факторы. В свете этого понять ожесточенность гражданской войны в Таджикистане, где ни религиозные, ни национальные, ни идеологические факторы не играли практически никакой роли.

Район против района, клан против клана, мафия против мафии – такова канва внутренних взрывов и потрясений.

Перечисленные выше факторы преступности не существуют в отрыве друг от друга. В условиях Таджикистана их сочетание приобретает разнообразный характер. Учет этносоциальных факторов необходим в процессе работы по противодействию преступности.

Список литературы

1. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
2. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
3. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
4. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
5. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
6. Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных

веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005.
7. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
8. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
9. Зоиров С.Д. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в Республике Таджикистан // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 133-141.
10. Зоиров С.Д. Противодействие незаконному обороту наркотических средств в Таджикистане: международно-правовые аспекты // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 156-160.
11. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
12. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
13. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
14. Корнилов Г.А., Миронов В.С. Противодействие криминальным угрозам в сфере налогообложения – национальный интерес России: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.В. Мозякова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 224 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
15. Мирзоев А.К. Коррупция в сфере образования Таджикистана: современные меры предупреждения и профилактики (теоретико-правовой аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 34-42.
16. Мирзоев А.К. Технологии противодействия коррупции: современные проблемы практического претворения в жизнь // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 44-59.
17. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
18. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика Республики Таджикистан по борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями экономической направленности (некоторые частные вопросы) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 184-198.
19. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика по выявлению и раскрытию экономических преступлений в Республике Таджикистан: конкретные проблемы локального нормативно-правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 176-184.
20. Рахимов Р.Х. Тяжкие и особо тяжкие преступления экономической направленности в Республике Таджикистан: удельный вес в структуре учтенных общественно-опасных деяний // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 142-157.
21. Рахимов Р.Х. Тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные в сфере экономической направленности Республики Таджикистан: криминологическая и оперативно-розыскная характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 128-146.
22. Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
23. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
24. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
25. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
26. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
27. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
28. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.

29. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
30. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
31. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
32. Сальников М.В., Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 4. – С. 24-32.
33. Сальников М.В., Щепкин С.С. Эволюция института налогов в контексте развития общества // Юридический мир. – 2004. – № 10. – С. 76-84.
34. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.

Курбонзода Шохин Шараф,
соискатель кафедры гражданского права юридического факультета Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: kurbonov_shohin@mail.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. *Рассматривается правовое регулирование отношений в сфере трансплантологии. Приводятся обязательные медицинские условия проведения трансплантации, особенности оформления договорных отношений между лечебным учреждением, донором и реципиентом. Отмечается, что необходимым подтверждением достаточной квалификации является наличие у врача сертификата специалиста-трансплантолога.*

Ключевые слова: *трансплантация; органы и ткани; правовое регулирование; донор: реципиент; лечебное учреждение; договор.*

KURBONZODA Sh.Sh.

THE GENERAL PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF TRANSPLANTATION OF HUMAN ORGANS AND TISSUES

The summary. *Legal regulation of relations in transplantology sphere is considered. Obligatory medical conditions of carrying out of transplantation, feature of registration of contractual relations between a medical institution, the donor and the recipient are resulted. It is noticed that necessary acknowledgement of sufficient qualification is presence at the doctor of the certificate of the transplantogy expert.*

Key words: *transplantation; organs and tissues; legal regulation; donor: recipient; treatment facility; agreement.*

Основные факторы, влияющие на необходимость правового регулирования отношений в сфере трансплантологии, можно разделить на две группы: ранее сформировавшиеся и возникшие в последнее время. Развитие трансплантологии ставило перед обществом множество морально-этических, правовых и медицинских вопросов, например констатация смерти мозга человека, продолжительность реанимационных мероприятий и других, актуальных и на сегодняшний день. Сегодняшний день формирует перед нами новые проблемы – определение правового статуса тканей и органов после изъятия их из организма донора, правомерность использования донорства живых людей, опасность перспективы криминализации трансплантологии, и многие другие [13; 17; 22; 25; 26].

Принципы правового регулирования трансплантации – это основополагающие идеи, предпосылки, которые могут быть использованы в качестве базиса для построения норм права в конкретной области. К правовому регулированию отношений по трансплантации применимы как общие принципы, которые распространяются на все области медицины, так и специфические принципы, действующие только в области

трансплантации органов и тканей человека. К первой группе относятся принципы допустимого вреда, уважения и соблюдения прав пациента и коллегиальности. Собственно трансплантологическими являются принципы соблюдения очередности согласно «листу ожидания», декоммерциализации пересадок органов и (или) тканей и интеграции в международные трансплантологические сообщества. Общемедицинский принцип допустимого вреда, действующий, в том числе и в трансплантологии, имеет два аспекта: сохранение приоритета интересов донора при проведении трансплантации и критерии допустимости трансплантации в отношении реципиента.

Изъятие трансплантата для донора не является лечением, направленным на улучшение состояния здоровья, наоборот это нанесение определенного вреда его организму. Помимо физического вреда неизбежно нанесение и психологической травмы, ведь осознание собственной «неполноценности» не может пагубно не отразиться на душевном состоянии. Именно поэтому поведение донора является актом гуманизма по отношению к реципиенту, высшим проявлением любви к ближнему. Однако добровольная направленность действий донора не исключает проблему морально-этического характера. Здоровый человек становится пациентом (то есть, человеком больным, нуждающимся в лечении) в результате действий врачей – допустимо ли это с точки зрения врачебной этики? В сложившейся ситуации, исходя из норм современного законодательства и принципов нравственности, допустимым соотношением риска и пользы при операции является такое, при котором лечебный метод, приносящий пользу реципиенту, не вредит донору в равной или большей степени.

Критерии допустимости трансплантации в отношении реципиента связаны с состоянием его здоровья. Нецелесообразно и безнравственно осуществлять операцию, когда больной безнадежен, ведь это лишь продлит его страдания. Реципиент должен быть пригоден к осуществлению трансплантации как с медицинской точки зрения, так и с правовой. Для определения пределов допустимости трансплантации в отношении реципиента, вероятнее всего следует руководствоваться принципами предложенными Кобяковым Д.П.: принципом пропорциональности целей – «Чем больше значение поставленной цели, тем выше степень допустимого риска»; принципом минимизации риска – «Неудача лечения, даже случайная, не должна угрожать пациенту более чем болезнь» [11].

Принцип уважения и соблюдения прав пациента является одним из базовых, так как он основывается на первостепенных правах пациента – праве на жизнь [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], праве на получение квалифицированной медицинской помощи, на достойное отношение со стороны медицинского персонала, а также особо актуальные при трансплантации – право на получение полной, достоверной и компетентной информации по вопросам своего заболевания, на сохранении в тайне информации о больном и другие. В связи с правом пациента на физическую (телесную) неприкосновенность проявляется сложная проблема невозможности как изъятия органа или ткани у живого донора, так и пересадки трансплантата без информированного согласия. Повышение уровня правовых знаний большей массы населения обуславливают необходимость более пристального внимания к проблемам прав и законных интересов пациентов при трансплантации.

Принцип коллегиальности отражен во многих нормативных актах регулирующих отношения в области медицины. Согласно ему наиболее сложные вопросы, например, вопрос об осуществлении медицинского вмешательства без согласия пациента, решаются консилиумом врачей. При трансплантации только коллегиально могут решаться вопросы о необходимости данной операции, о возможности изъятия трансплантата у живого донора и вопрос определения момента смерти потенциального донора.

Принцип соблюдения очередности согласно «листу ожидания». «Лист ожидания» представляет собой официальный список реципиентов, нуждающихся в пересадке, зарегистрированных по мере их поступления и, ожидающих подходящий для них орган или ткань. Приказом Минздрава СССР от 17.02.1987 №236 «О дальнейшем развитии клинической трансплантологии в стране» утверждена документальная форма «листа ожидания», где в специальных графах указывается Ф.И.О. пациента, пол, дата рождения, диагноз и другие медицинские данные, необходимые для трансплантации, регистрационный номер. Кроме того, в отдельной графе указывается так называемая

«ургентность»: к классу ургентных больных относятся реципиенты, которым показана трансплантация в первую очередь, в течение месяца с момента включения в «лист ожидания» пересадка возможна без учета степени совместимости, достаточно только подтверждение отсутствия наиболее тяжелых заболеваний, таких например, как пиэлонефрит, диабет. В соответствии с Письмом Минздрава от 13.09.2000 № 10-2/1598сл. уже разрабатывается новый проект приказа, регламентирующий деятельность в области трансплантологии, однако на сегодняшний день актуальными остаются положения Приказа №236.

Можно сказать, что современная правовая позиция Таджикистана по данному вопросу является отражением норм международного права: нормы нашего законодательства по трансплантологии также содержат категорический запрет на куплю-продажу органов и тканей человека, а также рекламу этих действий под страхом уголовной ответственности. Данная проблема – одна из самых сложных в трансплантологии, так как содержащийся в международном законодательстве и законодательстве большинства стран принцип декоммерциализации трансплантологии оказывает значительное влияние на криминализацию данной области, и, в том числе, инициирует активное развитие нелегального рынка трансплантатов. В сложившейся на данный момент ситуации следует несколько пересмотреть устоявшиеся взгляды в этой области.

Принцип интеграции в международные трансплантологические сообщества значительно облегчает ситуацию в области трансплантации, так как вероятность получения подходящего трансплантанта намного выше при использовании международных баз данных. На основе Рекомендаций Комитета Министров Совета Европы государствам-членам в отношении международного обмена и транспортировки человеческих субстанций действуют такие международные организации по некоммерческому обмену и использованию донорского материала для пересадки, как Евротрансплант (Германия, Австрия, Нидерланды, Бельгия, Люксембург) и Скандиотрансплант (Дания, Швеция, Финляндия). Государствами-членами установлена упрощенная система сертификации органов и тканей, объединены усилия по обеспечению первоочередности транспортировки биоматериалов и другие способы взаимодействия. Также существуют подобные организации, объединяющие трансплантологические центры внутри одной страны – Франс-трансплант (Франция), Норд-Италия-трансплант (Италия). На базе договора «О международной системе сотрудничества в области трансплантации почек» в Восточной Европе была создана организация Интертрансплант. В нее входят Польша, Болгария и другие государства, а также республики бывшего СССР, которые сегодня сохраняют свое членство как самостоятельные государства. В связи с вышесказанным, принцип интеграции в международные трансплантологические сообщества представляется необходимым и оправданным на сегодняшний день.

Таким образом, руководство приведенными принципами правового регулирования при разработке нормативно-правовых актов в области трансплантологии должно обеспечить соблюдение и уважение прав пациентов.

Важны и **общие условия правомерности трансплантации**. Общие условия правомерности трансплантации – это необходимые для осуществления операции по пересадке органов и (или) тканей правовые предпосылки общемедицинского характера, проявляющиеся в своем особом виде в трансплантологии. Несоблюдение этих условий признается нарушением законодательства, действующего в области трансплантологии.

Обязательными медицинскими условиями проведения любой хирургической операции, соответственно и трансплантации в том числе выступают следующие:

- использование всех возможностей для установления точного диагноза;
- отсутствие альтернативного метода лечения;
- наличие у врача достаточной специальной подготовки;
- правильное определение хирургической тактики;
- наличие необходимых условий для осуществления данного оперативного вмешательства.

Необходимость установления точного диагноза в медицинской практике, и трансплантологии в частности, имеет определяющее значение. Ошибка на этом этапе лечения неизбежно приведет к неверному выбору тактики

лечения, что вызовет различные негативные последствия, вплоть до летального исхода. Именно поэтому важно использовать все возможные средства для установления правильного диагноза, особенно в трансплантологии, которая принадлежит к тем областям медицины, где чаще всего речь идет о человеческой жизни.

Условие отсутствия альтернативного метода лечения закреплено в ст.3 Закона о трансплантации, где указано, что применение трансплантации возможно только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья. Однако эта норма позволяет расценивать трансплантацию как разновидность медицинского эксперимента, что, соответственно, значительно меняет направление правового регулирования данной области в сторону ужесточения [1]. В свою очередь, это не может не отразиться на распространенности и развитии данной области в целом. Однако не следует столь строго подходить к указанной норме, тем более что достаточная распространенность (несмотря на проблему с донорскими органами) и техническая разработанность позволяет рассматривать трансплантацию как апробированный способ лечения. Но при этом не следует забывать, что трансплантология является сложной комплексной областью, и естественно, существуют определенные направления, которые, в силу того, что находятся в настоящее время в стадии научных исследований, с правовой точки зрения могут быть отнесены к медицинскому эксперименту [10; 14; 15; 16; 18; 19; 20; 21; 23; 27].

Наличие у врача необходимой специальной подготовки является обязательным условием не только при осуществлении трансплантации, но и при проведении любого другого вида медицинского вмешательства. Помимо наличия определенного стажа, врачам-трансплантологам, являющимся по своей специальности хирургами, как никому другому необходимы знания в смежных областях, так как спецификой трансплантологии является ее комплексный характер. Подтверждением достаточной квалификации является наличие у врача сертификата специалиста трансплантолога.

Что касается хирургической тактики, то ее, разумеется, определяет оперирующий хирург-трансплантолог, и именно от его опыта и квалификации зависит исход операции.

Необходимыми условиями для проведения трансплантации являются, в первую очередь, четкое осуществление процесса трансплантации, осуществление пересадки в специализированном медицинском учреждении и возможность проведения полноценной послеоперационной терапии.

Необходимо иметь в виду, что существуют и **теоретические проблемы отношений по оказанию медицинских услуг при трансплантации**. В настоящее время в правовой литературе нет единой точки зрения относительно вопроса о характере отношений возникающих при оказании медицинской помощи, и, в частности, при трансплантации.

Мнения исследователей разделились, и часть из них полагает, что рассматриваемые отношения носят административно-правовой характер, и возникают на основании административного договора. Главным аргументом данной точки зрения выступает властный характер отношений между лечебным учреждением и пациентом, так как последний обязан соблюдать предписания и режим лечебного учреждения, и в данном случае имеет место реализация особой государственной функции. Необходимо отметить, что сторонники данной позиции подтверждают возникновение гражданских (деликтных) обязательств по возмещению ущерба пациенту в случае причинение вреда пациенту медицинским учреждением.

Указанная точка зрения носит весьма спорный характер и опровергается многими авторами. Например, М.Н. Малеина считает, что администрация лечебного учреждения имеет полномочия властного характера и реализует их по отношению к своим сотрудникам, но к отношениям по обслуживанию пациентов эти полномочия не могут быть применены. Что касается обязанности по соблюдению режима лечебного учреждения, то она возникает по воле самого гражданина, и может прекратиться по желанию пациента в любое время, что отрицает административно-правовой характер рассматриваемых отношений [12].

Отличительный подход использует В.Н. Соловьев, утверждая, что отношения между лечебными учреждениями и пациентами при оказании помощи по Программе государственных гарантий обеспечения граждан РФ бесплатной медицинской помощью регулируются административным правом, а отношения при оказании

возмездных медицинских услуг – гражданским. К сожалению, автор не приводит аргументов в обоснование своей точки зрения, поэтому как и в предыдущем случае представляется сомнительной возможность и необходимость регулирования данных отношений нормами административного права [24].

Также существует мнение, что отношения по оказанию медицинской помощи представляют собой предмет права социального обеспечения, так как отношения между лечебными учреждениями и гражданами по поводу оказания медицинской помощи однородны с отношениями социального обеспечения. В пользу данной точки зрения выдвигается такой аргумент, как распределение финансовых средств на медицину из общего фонда социального обеспечения. Однако при этом не учитывается, что медицинское обслуживание осуществляется не только за счет средств бюджета, так как существует ряд мероприятий, связанных с проведением обязательных медицинских осмотров, судебно-медицинской экспертизы и принудительного лечения, что не позволяет отнести все отношения по оказанию медицинской помощи к предмету права социального обеспечения.

Наиболее обоснованным представляется мнение, в соответствии с которым отношения между лечебным учреждением и пациентом носят гражданско-правовой характер. Действительно, именно в сфере гражданско-правового регулирования обеспечивается равенство сторон, что означает невозможность предопределения одной из сторон поведения другой стороны только в силу занимаемого ею положения, что обеспечивает участникам независимость и самостоятельность. Гражданско-правовой договор, который является основанием возникновения правоотношений в данной сфере, обеспечивает максимальную свободу выбора поведения сторон, но при этом позволяет жестко регламентировать права, обязанности и ответственность сторон.

Из выше изложенного следует, что, так как трансплантация является одним из видов оказания медицинских услуг, соответственно, в обычной ситуации основанием возникновения правоотношения в данном случае также является гражданско-правовой договор.

Некоторые авторы считают что отношения, возникающие при трансплантации должны регулироваться путем заключения двух договоров: между реципиентом и лечебным учреждением и между реципиентом и донором. Подразумевается, что первый договор по своему характеру является договором об оказании медицинских услуг пациенту-реципиенту, а второй – договором донорства об отчуждении органов и тканей. При этом если важность заключения первого договора очевидна, то необходимость заключения второго следует поставить под сомнение. Видимо в этом случае предполагается защита прав реципиента на получение конкретного органа, однако данный договор не обеспечивает прав донора как пациента (в случае трансплантации exvivo).

Соответственно поэтому же основанию недостаточно заключения договора между лечебным учреждением и реципиентом и получения от донора только добровольного информированного согласия (при трансплантации exvivo).

Регулирование рассматриваемых отношений возможно также путем заключения трех договоров: договор между донором и лечебным учреждением, договор между реципиентом и донором и договор между лечебным учреждением и реципиентом. Но такая конструкция может только усложнить отношения в области трансплантологии, что снижает вероятность ее практического применения.

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что наиболее корректно оформление отношений при трансплантации посредством заключения двух договоров: договора между лечебным учреждением и реципиентом – договора оказания медицинских услуг по трансплантации или договора трансплантации – и договора между донором (при трансплантации exvivo) и лечебным учреждением – договора донорства. Заключение договора между донором и реципиентом было бы необходимо, если бы трансплантация осуществлялась на возмездной основе, для детального урегулирования их прав и обязанностей по отношению друг к другу. Однако, так как между донором и реципиентом есть такой специфический субъект как лечебное учреждение, по отношению к которому они оба выступают как пациенты и соответственно носители определенных прав, то необходимость в регулировании взаимоотношений донора и реципиента отпадает.

Общая характеристика договора трансплантации. Договор трансплантации, как упоминалось ранее, является разновидностью договора

по оказанию медицинской помощи и, соответственно, в силу прямого указания Закона (ст.797, 798 ГК) к нему применяются правила гл. 37 ГК РТ о возмездном оказании услуг.

При рассмотрении особенностей договора трансплантации стоит обратиться к Закону о трансплантации, а именно ст.3 устанавливающей категорический запрет купли, продажи и рекламы этих действий с органами и (или) тканями, что обусловлено принципом декоммерциализации трансплантации. При этом на практике достаточно распространено оказание услуг по трансплантации за счет пациентов что позволяет медицинским учреждениям получать наличные деньги напрямую, не дожидаясь финансирования из бюджета.

В настоящее время подобные действия медицинских учреждений стали фактически правилом, а обусловлено это тем, что потребность в таких операциях прогрессирует, а техническая сложность их проведения не позволяет поставить услуги по трансплантации на поток.

В сложившейся ситуации материальная выгода медицинских учреждений очевидна, а законодательная регламентация категорического запрета платы за трансплантат работает не в пользу простого гражданина, которому все равно, за что он платит деньги – за услуги лечебного учреждения или за трансплантат.

Для определения договора трансплантации предлагается следующая формулировка: по договору оказания медицинских услуг по трансплантации исполнитель (медицинское учреждение) обязуется по заданию заказчика (пациента) оказать медицинские услуги по проведению операции трансплантации, а заказчик (пациент, финансовый орган бюджета определенного уровня или обязанное в силу договора добровольного медицинского страхования лицо) обязуется оплатить их.

Так как договор трансплантации является разновидностью договора по оказанию медицинской помощи, то и порядок его заключения соответствует общему порядку заключения договоров данного вида. Договор на оказание медицинских услуг заключается в письменной форме, в том числе и договор трансплантации.

Исходя из вышесказанного, договор трансплантации можно определить как консенсуальный, взаимный и возмездный.

Список литературы

1. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 62.
2. Аббасов Ф.Н., Агаев Г.А., Дашин А.В., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Ищенко А.Г., Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Законодательство России о праве человека на жизнь // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 100-102.
3. Бабаджанов И.Х. Жизнь и смерть человека как институционально-правовые категории (теоретико-аксиологический и частно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – Душанбе, 2014.
4. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 25-34.
5. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на тело человека: некоторые подходы к аксиологическому измерению // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 21-27.
6. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как абсолютная ценность // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 16-20.
7. Бабаджанов И.Х., Сальников С.П. «Жизнь» как юридическая категория и явление природы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 9. – С. 63-67.
8. Бабаджанов И.Х., Сальников С.П. Право на жизнь: понятие, содержание и некоторые вопросы юридического закрепления // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 4. – С. 23-25.
9. Бабаджанов И.Х., Оль Е.М., Тарайко В.И. Благоприятная окружающая среда и право человека на жизнь // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 122-127.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163-170.

11. Кобяков Д.П. Правовые проблемы трансплантологии. Дис...кан. юр. наук. М. 2000.
12. Малеина М.Н. Человек и медицина в соврменом праве: Учеб. и практ. пособие /М.Н.Маленина. М.:Бек, 1995.-272 с
13. Маргацкая Н.А. Гражданско-правовые проблемы донорства и трансплантации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1984.
14. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
15. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
16. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 190-197.
17. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6. – С. 38-40.
18. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая перинатология как составная часть биоюриспруденции: к постановке вопроса // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 196-205.
19. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая соматология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 141-148.
20. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 32-38.
21. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология: место и роль в современной биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 69-77.
22. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования: Научное издание. / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – Сер. Право и медицина.
23. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
24. Соловьев В.Н. Медицина и гражданское право / В.Н.Соловьев // Медицина, этика, религия и право: матер, конф. / Сост. В.И. Шамшурин. – М., 2000. – С. 34-45
25. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 416 с. – (Серия: «Право и медицина»).
26. Старовойтова О.Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
27. Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 25-32.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОСОЗНАНИЕ. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Мир политики и социологии», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВОВЫХ ДИСКУССИЯХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Аннотация. *Анализируется учение крупнейшего правоведа-неокантианца первой трети XX века Г. Радбруха об отношении права и справедливости. Высшей целью права, по Радбруху, является именно справедливость, идея которой имеет абсолютный характер: она хоть и формальна, но зато общезначима. Отмечается, что теория Радбруха вполне доступна пониманию, тесно связана с действительностью и потому вызывает живой интерес и энтузиазм среди сторонников.*

Ключевые слова: *справедливость; право; неокантианство; позитивизм; Г. Радбрух.*

ISMAGILOV R.F.
SAL'NIKOV V.P.

LAW AND JUSTICE IN THE EUROPEAN LEGAL DISCUSSIONS OF THE FIRST THIRD OF THE TWENTIETH CENTURY

The summary. *The doctrine of the largest Neokantianism jurist of first third of XX-th century of G. Radbruch about the law and justice relation is discussed. On Radbruch the law prime target is the justice which idea has absolute character is: it though is formal, but universally significant. It is noticed that Radbruch theory is quite cogitable, closely connected with the validity and consequently causes a keen interest and enthusiasm among supporters.*

Key words: *justice; law; Neokantianism; positivism; G.Radbruch.*

К середине XX столетия в европейской правовой и философско-правовой мысли сложилась устойчивая тенденция к своего рода «аксиологизации» теорий права. Европейский правовой позитивизм получил свое достойное воплощение в практике нацистского государства, когда от имени закона, установленного государством с соблюдением всех необходимых процедур, творились самые чудовищные преступления, попиравшие все нормы морали, принципы справедливости и гуманизма. Причем эта практика получила поддержку среди значительного числа европейцев за пределами Германии, принявших «новую редакцию» европейских ценностей.

После II мировой войны юридический позитивизм в той форме, в какой его знали в первой половине XX в., стал уже невозможен. Тем активнее воспринимались в европейских академических кругах неокантианские идеи, позволявшие сочетать привычные установки позитивизма с акцентировкой ценностного начала в праве.

Так, крупнейший правовед-неокантианец того времени Густав Радбрух, «Философия права» которого получила всемирную известность и продолжает активно переиздаваться в наше время [17], в качестве реакции ученого-теоретика и юриста-практика не в последнюю очередь обращается именно против современных ему позитивистских правовых концепций, против историков и социологов права, видевших правовой источник нормативной значимости в одном лишь фактическом существовании или становлении законов, обычаев и властных отношений в обществе. И в то же время он обращается против любой теории права, оправдывающей действительность, некритически относящейся к ней и уклоняющейся от рациональной проверки своих высказываний. Вместо этого он апеллирует к «силе совести и разума», к ответственности перед собой и сознанию долга, к проницательности и доброй воле тех, к кому взывает такое «долженствование» [4; 6; 9; 10; 15; 16].

Анализируя эту группу правовых категорий, Радбрух актуализирует перипатетический понятийный инструментарий: «Справедливым можно назвать применение закона или следование ему, или же сам закон. Первый вид справедливости, особенно справедливость судьи, точнее было бы назвать честностью (Rechtlichkeit). В данном случае речь идет не о той справедливости, критерием для которой служит позитивное право, а той, которая сама служит для него критерием. Справедливость в этом случае означает равенство. Но равенство само может принимать различные значения. С одной стороны, в зависимости от объекта оно может относиться к вещам или к людям; справедливо вознаграждение, которое соответствует стоимости труда, справедливо и наказание, если оно одинаково для всех. С другой стороны, в зависимости от выбранного критерия ее можно рассматривать как абсолютное или относительное равенство: вознаграждение соответствует труду, но наказание становится строже пропорционально вине. Оба этих различия соединяет знаменитое учение Аристотеля о справедливости. Абсолютное равенство между благами, например между трудом и вознаграждением, между вредом и его возмещением, Аристотель называет уравнительной справедливостью. Относительное равенство во взаимоотношениях между различными людьми, например налогообложение в зависимости от трудоспособности, предоставление пособия соразмерно нуждаемости, поощрение и наказание в зависимости от заслуг и степени вины, является, по Аристотелю, сутью распределительной справедливости. Отношения уравнительной справедливости требуют участия по крайней мере двух лиц, распределительной – по крайней мере трех. В первом случае два противостоящих друг другу лица равноправны. Во втором – одно из этих трех лиц в качестве начальника налагает на двух других обязательства или предоставляет им преимущества. Сфера действия уравнительной справедливости – отношения, требующие координации, распределительной – субординации. Уравнительная справедливость – справедливость частного права, распределительная – публичного права» [17, стр. 43].

«Ценностным масштабом позитивного права, целью любого законодателя является «справедливость», а ядром последней – идея равенства», – так можно обобщенно сформулировать определение немецкого правоведа, оперирующее аристотелевскими понятиями «уравнительной» и «распределительной» справедливости.

Свою теорию права Г. Радбрух строит в полном соответствии с неокантианскими принципами, согласно которым не предметный мир «вещей-в-себе» определяет содержание сознания, а, наоборот – установка сознания формирует

пространство опыта. Сферу практического отношения человека к действительности, в таком случае, формирует целевая установка. Целевая установка в области явлений культуры выступает как стремление к ценности. При этом, чем более о масштабных и значительных явлениях культуры мы ведем речь, тем более высокого ранга является формирующая их система ценностей [22].

С этих позиций, право как один из самых значимых и фундаментальных регуляторов, должно выводиться «из более высоких и, наконец, наивысших и последних ценностей». При этом царство ценностей и мир фактов замкнуты в самих себе, не пересекаются и не взаимодействуют друг с другом. Такой методический дуализм свидетельствует о последовательной приверженности Радбруха к теории познания, этике и философии права И. Канта и к «теории справедливого права» Рудольфа Штаммлера.

По сути дела, здесь Радбрух выдвигает первое и очень важное предварительное решение: «Кантианская философия учит нас: невозможно из сущего познать, что есть ценное, что есть истинное, что есть должное. Никогда что-либо не является истинным только потому, что оно есть, было или даже будет. Отсюда следует отрицание позитивизма, который зиждется на сущем, историзма, который зиждется на прошлом и даже эволюционизма, который все рассматривает с точки зрения развития. Даже знание определенного направления развития не позволяет судить об истинности развития в этом направлении и, соответственно, ошибочности движения «против течения». Поэтому неизбежное не является тем, чего следует добиваться, а невозможное – неправильным. Дон Кихот, хотя и безумец, но благородный безумец: «Я люблю того, кто жаждет невозможного». Принципы должного, ценностные суждения, оценки могут выводиться, исходя не из индуктивности размышлений о сущем, а лишь дедуктивно, на основе других принципов подобного рода. Ценность и бытие сосуществуют каждая в своем собственном замкнутом круге совершенно независимо друг от друга. В этом суть методологического дуализма» [17, стр. 17].

Но такая справедливость его также не удовлетворяет, поскольку остается чисто формальной идеей. «Она подразумевает равное обращение с равными и неравное с неравными, осуществляемое по одинаковому масштабу». Масштаб же этот она уже не заключает в самой себе, а получает иными способами. Исходя только из самой себя, она не может даже с точностью установить, что собственно следует рассматривать как равное, а что как неравное. Например, применительно к составу преступления, совершенного двумя преступниками, она не может точно указать, должны ли они получить одинаковое наказание, поскольку совершили одно и то же правонарушение, или же неодинаковое, с учетом наличия у них прежней судимости, ее сроков, а также степени их опасности для общества.

Таким образом, «справедливость», которую имеет в виду Радбрух, представляет собой чисто формальную идею. Она требует равного обращения только в смысле отсутствия исключений из уже наличествующих предписаний, отказа от юридического произвола и признания законности в одном лишь указанном отношении. И это, думается, совсем не мало для того, кто в период правления нацистов пережил господство ничем не ограниченного произвола, осознав при этом значение того сдерживающего влияния, которое может оказывать на людей строгое всестороннее соблюдение хотя бы только этого формального требования.

Поэтому Радбрух, как опытный и искушенный в политической жизни человек, вполне мог заметить, что «вся нынешняя политическая борьба выглядит как нескончаемая дискуссия о справедливости». Идея справедливости имеет абсолютный характер: она хоть и формальна, но зато общезначима. В ней выражается некое надпартийное требование. Даже правонарушитель, зачастую против воли, признаёт ее самим характером своего деяния. С другой стороны, такую чисто формальную справедливость нельзя и переоценивать. Любой внутренне непротиворечивый правовой порядок – пусть даже он состоит в одинаково дурном обращении с теми, кого он уравнивает в правах, – вполне может сочетаться с этим требованием, которое в случае всякого рода «нормативных коллизий» неизбежно оказывается слепым и беспомощным. Таким образом, у Радбруха имеет место прежде всего полное выхолащивание того, что, как правило, подразумевается под «справедливостью». Однако, поскольку он исходит из того, что он сам чисто телеологически обозначает в качестве целей права, такого рода понятие справедливости становится у него мостом к учению о «правовой

целесообразности».

Впрочем, Радбрух указывает на то, что даже из формально понимаемой справедливости могут следовать «содержательно определенные положения», в частности, «правовые положения о правоприменении», например, о независимости судей и о необходимости судебной защиты перед определением окончательного наказания. В конечном итоге, считает Радбрух, «право может быть понято только в рамках категорий, относящихся к ценности. Право – это элемент культуры, т.е. факт, относящийся к категории ценности. Понятие права нельзя определить иначе, чем «данность», смысл которой заключается в реализации идеи права. Право может быть несправедливым (высшее право – высшая несправедливость: summum ius – summa iniuria), но оно является правом постольку, поскольку смысл его заключается в том, чтобы быть справедливым» [17, стр. 16].

Как «чистым требованиям справедливости» общим принципам права присущ «абсолютный характер» самой справедливости. Именно отсюда следует априорное по своей природе понятие права и все необходимо содержащиеся в нем понятия как априорные категории юридической науки, как такие вопросы, которые можно осмысленно применить к любому правопорядку. Таковы, например, понятия объективного и субъективного права, состава преступления и правового последствия, правомерности и неправомерности, а также публичного и частного, материального и формального права.

Однако рассмотренные выше утверждения Радбруха имеют характер дополнительных суждений, не претендуют на оригинальность и, при всей своей важности, всё же располагаются, скорее, на периферии его теоретических интересов. Напротив, к самому центру его теории права нам подводит «целевая идея права», заимствуемая у этики («тогда как понятие справедливости принадлежит к философии права»). Высшей целью права, по Радбруху, является именно справедливость: «Право же по своей сути направлено на достижение справедливости. Справедливость требует всеобщности закона, равенства всех перед законом. Требование, предъявляемое в форме закона, означает также признание за другими права на то, что каждый требует для себя» [17, стр. 32].

В свою очередь, этика не раскрывает нам однозначным образом высшее нравственное благо, к которому нам, по Радбруху, следовало бы стремиться и которое единственно предоставляет нам возможность мыслить право как абсолютную регулятивную систему. Однако этика дает нам возможность принципиального выбора между тремя видами ценностных систем.

Во-первых, это «индивидуалистическая ценностная система», в которой формой союза является «общество», формой юридического мышления – «договор», а высшим идеалом – ценности отдельной личности, трактуемые как ее «свободы» [3; 5; 18].

Во-вторых, «сверхиндивидуалистическая ценностная система», где «совокупность прав» трактуется как «организм, сложенный по типу человеческого тела», а идеальная цель полагается как «власть».

И в-третьих, «трансперсоналистическая ценностная система», основывающаяся на общности культурного созидания и расценивающая произведения культуры в качестве наивысших благ. Такую «общность культурного созидания» Радбрух представляет себе в образе «строительной мастерской».

В соответствии с тремя теориями правовой цели мы различаем индивидуалистическую, сверхиндивидуалистическую и трансперсоналистическую цели, представленные тремя видами правоспособного субъекта: отдельный человек, корпорация и учреждение. В партийно-политическом отношении индивидуалистический идеал, а именно – свобода, получил свое выражение в либеральных, демократических и социалистических партиях [1; 7; 11; 12; 13; 14; 20; 21]. Сверхиндивидуалистическое, органическое учение стало основой авторитарных и консервативных партий. Наконец, трансперсоналистическая концепция не была оформлена ни в одну из партийных доктрин, за исключением разве что клерикализма католической церкви и таких «частных правовых сообществ» как университеты и религиозные ордена.

То, какой ценностной системе отдает предпочтение конкретный человек, зависит, в конечном итоге, от решения его личной совести. Ему приходится делать выбор, потому что обязанность такого выбора заключена в целевой идее права. При этом человеку, которому вменена такая обязанность, можно подробнее объяснить, что означает тот или иной выбор в практическом

аспекте, в отношении его последствий и средств его осуществления, а также то, какие мировоззренческие предпосылки этот выбор в себе заключает [2; 8; 19].

Но дальше этого рациональные рассуждения не идут. «Иерархический порядок этих трех ценностных классов не может быть установлен доказательно и однозначно. Наивысшие цели и ценности права разнятся не только в зависимости от социального устройства различных народов и эпох, но и в субъективном смысле, от человека к человеку, в зависимости от их правосознания, представлений о государстве, партийной точки зрения, от их вероисповедания или мировоззрения. Решение может быть почерпнуто только из глубин конкретной личности и остается только решением совести. Наука должна ограничиться тем, чтобы разработать эти три ценностные группы и представить их в готовом виде для принятия такого решения» [17, стр. 32].

Это свое общее воззрение на «цель» права, составляющее ядро его философско-правовой системы, сам Радбрух называет «релятивистским». К такой авторской трактовке нужно подходить, на наш взгляд, достаточно осторожно. Нужно иметь в виду, что сам Радбрух требует, чтобы в интересах права каждый человек принял определенное решение в пользу той или иной ценностной системы, а это всё что угодно, но только не релятивизм. Кроме того, он заранее определил и содержание такого принципиального решения, поскольку каждому, перед кем стоит этот выбор, предоставил только три возможных ценностных группы. Поэтому не следует критиковать Радбруха за релятивизм в нашем смысле этого слова. Своим замечанием о релятивизме немецкий правовед скорее всего хотел снизить возможное впечатление об тенденции к поиску абсолютных оснований права.

В таком случае нужно более подробно рассмотреть этот радбруховский «релятивизм», чтобы прояснить для себя как его преимущества, так и его уязвимые места.

Большое преимущество теории права Радбруха, отличающее ее от зачастую весьма туманных, содержательно бедных и догматически односторонних формулировок других правоведов, заключается в том, что она представляется вполне доступной пониманию, тесно связанной с действительностью и потому вызывает живой интерес и энтузиазм среди сторонников.

Свойственные ей богатство содержания и широта кругозора способны произвести впечатление не только на правоведа, но и на историка, социолога или политика. К тому же эта теория права, с одной стороны, рационально обоснованна, а с другой, сдержанна в выводах, толерантна и не побуждает своих последователей к фанатизму.

Поэтому в комментарии к своей «Философии права» (1932) Г. Радбрух имел полное право заявить: «Теперь, как и прежде, автор признается в своей приверженности одному и тому же образу мысли, а именно, тому рационализму, который „хочет остаться в той ночи, что зовут Просвещением“ и тому релятивизму, который „кончает с собой как с попросту ненаучным“. Таким образом, Радбрух решительно размежевывается со всеми формами иррационализма в праве.

Своеобразный политико-правовой релятивизм, декларируемый Радбрухом, позволяет ему обосновать свои демократические позиции. А именно: он не желает отождествлять свою позицию с теми или иными политическими воззрениями, а напротив, считает возможным передать управление государством сторонникам любого политического воззрения, которое сумело завладеть большинством, потому что ему не известен однозначный критерий правильности политических воззрений и он не признаёт возможной какую бы то ни было надпартийную точку зрения.

Вместе с тем, развивая учение о «надлежащей правовой цели», Радбрух задается критическим вопросом о том, насколько вообще реально предлагаемое им подразделение возможных ценностных систем, если его сопоставить с неограниченной никакой теорией действительностью. Например, спрашивает он, к какой группе следует отнести, например, орденскую общность монахов-бенедиктинцев.

Поскольку ее целью безусловно является спасение души каждого из ее членов, она представляется полностью «индивидуалистической». Но ввиду связанности всех ее членов в единое целое под руководством лица, наделенного безусловным авторитетом, ей свойственны также и черты «сверхиндивидуалистического» сообщества. Наконец, в связи с ее несомненной ориентацией на отправление культа и выполнение социальной работы в миру, она выступает и как

«трансперсоналистическая» трудовая общность. Подобные противоречия, отмечает Радбрух, могут быть показаны и на других повседневно встречающихся примерах из прошлого или настоящего, например, в правовых отношениях в семье, в общине, а также в жизни отдельной личности.

Отвечая на этот вопрос, Радбрух замечает, что если по каким-то менее явным причинам в ту или иную эпоху сильнее проступает то одна, то другая правовая черта социальной общности, то все же свобода, власть и культурное созидание каждый раз проявляются как необходимые составные части, к которым стремятся и которые культивируют в одной и той же правовой общности. Поэтому обособить эти три группы и представить их в качестве наивысших и противостоящих друг другу правовых целей, означало бы попросту санкционировать три вида «юридической дегенерации», с наибольшей остротой проявляющиеся в анархии, тирании и «чрезмерном культурном пристрастии к образованию».

Развивая такую точку зрения, Радбрух формулирует противоречия, которым отмечена каждая из групп правовых ценностей: «Для индивидуалистических воззрений трудовые и коллективные ценности стоят на службе личностных ценностей. Культура – только средство личностного образования, государство и право – лишь институты, призванные обеспечить безопасность и способствовать развитию отдельного человека. Для сверхиндивидуалистических целей личностные и трудовые ценности стоят на службе коллективных ценностей, нравственность и культура – на службе государства и права. Для трансперсоналистических целей личностные и коллективные ценности стоят на службе трудовых ценностей, нравственность же, государство и право – на службе культуры» [17, стр. 32].

Критически оценивая трактовку Радбрухом природы права, отметим, что сколь бы интересной ни казалась перспектива, открывающаяся с такой точки зрения в историческом, социологическом и философском плане, свобода и нравственность, государство, право и культура не могут каждый раз сводиться в зависимости от нашего выбора всего лишь к «средствам» на службе друг у друга и тем самым быть ущемлены в своем самостоятельном значении. Примеры, приводимые Радбрухом в подтверждение его теории трехчастного единства, тоже не могут сделать ее в полной мере убедительными.

Так, вопреки ясно выраженной тенденции к предвзятому толкованию этого единства, он сам вынужден признать, что «в действительной ситуации позитивного права отдельная личность (как трактуемая только индивидуалистически), союзы и корпорации (трактуемые только сверхиндивидуалистически), учреждения и институты (соответственно, трактуемые только трансперсоналистически) никак не опосредованы и существуют наравне друг с другом». Наследственное и семейное право, отмечает Радбрух, обнаруживают такую же рядоположенность свободы и подчинения. Так, он указывает, что убийца при определенных обстоятельствах может оказаться жертвой того же зла, какое он намеренно и противоправно причинил другому лицу.

В разработке трехчастной модели правовых ценностей Радбрух стремился следовать сформулированному им «требованию разума» для теоретика в области права и государства: выявлять единство всех сил, действующих в социальной жизни, учитывать их пропорциональное и динамическое равновесие. Радбрух реализовывал это требование в своей теории права, исходя из антиномических противоположностей и подчеркивая их односторонность. Противоположности эти, по его мнению, должна, в конечном итоге, соединить в практическую целостность сама жизнь. Подобный антиномизм следовал уже из первоначальных установок Радбруха как правового телеолога, исходившего из некой наивысшей «правовой цели». В дальнейшем он был просто вынужден по отдельности рассматривать «правовое благо» и «цель», тем самым выводя их из общего контекста справедливости, изолируя от него и придавая им преувеличенное теоретическое значение.

Далее Радбрух возвысил общие социокультурные понятия, такие как «свобода», «власть» и «культура», возведя их в ранг «ценностей» и тем самым охарактеризовав как заслуживающие безусловного внимания в правовом творчестве без учета их изменчивого значения и содержания в многообразных жизненных ситуациях. Отсюда впоследствии одна априорная ценность начала у него противоречить другой, и он увидел, что вынужден, пусть и по рациональным причинам, развивать свою теорию права антиномически, как учение о предельных противоречиях правовой жизни.

Радбрух и сам остро сознавал эту дилемму в своей теоретико-правовой системе. Поэтому уже в «Философии права», в § 7. «Цель права», где обосновывается учение о трех антиномичных «мировоззрениях», «ценностных группах» и «правовых концепциях», содержится еще и указание автора относительно того, что это его учение о трех наивысших «целях» права не связано с реальностью и потому достаточно непрочно: «Конечной целью общества является личность», т.е. индивидуалистический идеал. Личность же относится к тем ценностям, которых можно достичь, только если к ним не стремится. Личность – лишь нежданное вознаграждение за беззаветную преданность делу, лишь подарок и милость.

Выдвинутый им «сверхиндивидуалистический» идеал также не является самодостаточным: «Что было сказано о личности, справедливо и для сообщества людей, для нации. Национальное своеобразие тоже не достижимо никаким, сколь угодно горячим усердием. Народ не становится нацией в силу своего стремления к национальному своеобразию, но лишь в силу того, что он самозабвенно предается решению общечеловеческих задач» [17, стр. 71]. Таким образом, общество, по сути, отсылает нас к «трансперсоналистическому» идеалу. Однако и последний не самостоятелен. Скорее, «труд и общность, в свою очередь, отсылают нас обратно к обществу и людской совокупности в той замкнутой череде взаимодействий, кольцо которой невозможно разбить».

При этом Радбрух запрещает нам представлять три наивысшие антиномичные правовые цели в духе своего «релятивизма». И характерно, что вышеприведенные соображения автор завершает следующими словами: «Таким образом, когда как о конечной цели индивидуальной и коллективной жизни мы говорим то об отдельной личности, то о коллективном субъекте, то о трудовой культуре, – мы всего лишь подчеркиваем и выделяем одно звено в замкнутой цепи, а не разрываем саму эту цепь. Три возможных воззрения на государство и право возникают в силу того, что акцент ставится на разные элементы одного неделимого целого».

На этом месте Радбруху приходится вносить новые ограничения в свое учение о трех ценностных группах, а именно, в отношении либерализма. Он констатирует, что либерализм вообще «не может своими собственными силами породить компактный и замкнутый в себе правовой и государственный порядок». В отношении же всех прочих ценностных групп и подгрупп звучит не менее значительное заявление о том, что в них при любых обстоятельствах должна сохраняться минимальная свобода отдельного человека и, следовательно, «в определенном объеме либерализм нужно рассматривать как необходимый элемент любых воззрений – и демократических, и социалистических, и даже авторитарных».

В целом учение Радбруха об отношении права и справедливости можно выразить емкой формулой из его «Философии права»: «Право – это действительность, ценность которой заключается в том, чтобы служить справедливости» [17, стр. 45]. В XX столетии Г. Радбрух представлял старшее поколение наиболее влиятельных немецких правоведов.

Список литературы

1. Авраамова Е.М. Есть ли в современном российской обществе запрос на социальный либерализм // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 248-264. – в кн. 384 с.
2. Автономов В.С. Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 173-177. – в кн. 384 с.
3. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
4. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Отв. ред. В.П. Сальников, А.П. Альбов, Д.В. Масленников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 1998. – 216 с. – Серия «Классики русской философии права».
5. Булатов Р.Б, Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского МВД России. – 2006. – № 2. – С. 118-122.

6. Гурвич Г.Ф. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Философия и философия права: избранные сочинения. – СПб., 2004.
7. Гурнов М.Ю. Социальный либерализм в России (Взгляд политолога) // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 76-94. – в кн. 384 с.
8. Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. – 2013. – № 10. – С. 66-89.
9. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки о методологии социальных наук и общей теории права. – М., 1916.
10. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч; указ. В.В. Сапова. – СПб.: РХГИ, 1998.
11. Костюк В.Н. О либерализме в условиях неравновесия экономики и общества // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 164-172. – в кн. 384 с.
12. Либман А.М. Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 39-57. – в кн. 384 с.
13. Мельник Д.В. Концепция социального либерализма на «рынке идей» современной России // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 234-247. – в кн. 384 с.
14. Полтерович В.М. От социального либерализма – к философии сотрудничества // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 265-293. – в кн. 384 с.
15. Радбрух Г. Введение в науку права. – М., 1915.
16. Радбрух Г. Принципы философии права. – М., 2014.
17. Радбрух Г. Философия права. – Пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2004.
18. Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы: Монография. – СПб.: Алетейя, 2015. – 448 с. – (Толкование источников права).
19. Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. – 2012. – № 6. – С. 13-34.
20. Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – 384 с.
21. Тихонова Н.Е. Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // Социальный либерализм / Под ред. А.Я. Рубинштейна, Н.М. Плискевич. – СПб.: Алетейя, 2016. – С. 58-75. – в кн. 384 с.
22. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.:ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович,
профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского госдарственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа, Россия)
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Анализируются социально-философские проблемы правовой культуры. Отмечается, что она обусловливается всеми действующими в обществе соционормативными регуляторами, всей совокупностью социальных норм, функционирующих в обществе. Все это позволяет воспринимать правовую культуру не только как обособленное и автономное составляющее культуры вообще, а как явление, взаимосвязанное и взаимодействующее с другими проявлениями человеческой культуры.*

Ключевые слова: *правовая культура; социальные регуляторы; общественные отношения; правовой порядок; правовое государство.*

GALIEV F.Kh.

LEGAL CULTURE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS

The summary. *Socially-philosophical problems of legal culture are analyzed. It is noticed that it is caused by all operating in a society socionormative regulators, all set of the social norms functioning in a society. All it allows to perceive legal culture not only as isolated and independent making cultures in general, and as the phenomenon interconnected and co-operating with other branches of human culture.*

Key words: *legal culture; social regulators; public relations; a legal order; a lawful state.*

Общеизвестно, что одной из самых действенных и востребованных и государством, и обществом регулятивных систем, способствующих формированию гармоничных общественных отношений, было и остается право [56], несмотря на то, что мы живем на рубеже веков и тысячелетий, который характеризуется как переходный этап к новой цивилизации [82; 85; 7]. Одновременно с этим общеизвестно и то, что Россия представляет собой самостоятельную локальную цивилизацию, занимающую достойное место среди других мировых цивилизаций [35; 38; 39; 44]. Безусловно, как и все современные цивилизации, она тоже нуждается в соответствующей ее национальной специфике системе регулирования общественных отношений, потому что в зависимости от динамики развития общества эти отношения становятся все более разнообразными, сложными и масштабными. В связи с этим усиливается и значение права в современном обществе [52], потому что обусловленными правом оказываются многие явления в жизни людей, особенно такие, как правоотношения, правовое поведение, правосознание, правовая культура и т.д., и, действительно, все эти явления, в том числе и правовая культура, непосредственно связаны с правом и юридическими нормами. Если

среди них выделить, например, правовую культуру, то без сомнения, ее делает таковой то, что она при всем множестве подходов к ее пониманию, прежде всего, представляет собой знание основных требований действующего законодательства, способность соблюдать, исполнять эти требования, умение пользоваться нормами права, выбирать такую форму поведения, которая не предполагает для человека за его действия наступления неблагоприятных последствий в соответствии с требованиями действующего законодательства. С этой точки зрения, правовая культура имеет непосредственное отношение к поведенческим моментам в жизни человека, одновременно представляя собой реализованное правосознание [62; 67]. Тем не менее, поступки человека регулируются не только требованиями нормы права.

Очевидность данной ситуации заставляет обратить внимание на взаимосвязанность правовой культуры с функционирующей в обществе системой соционормативных регуляторов общественных отношений. Каждый элемент этой системы имеет прямую связь со всем тем, что обусловлено правом, потому что принимает участие в процессе воздействия на сознание и поведение человека. Поэтому становится важным исследование того многообразия мотивов правового поведения людей, которое проявляется в жизни общества [53]. Как показывают социологические исследования, проведенные в нашей стране, да и мировая практика, во множестве случаев отношения между людьми регулируются так, как это принято в данном обществе [10]. При этом способы решения проблем и конфликтов обычно не противоречат требованиям закона [8; 30; 32; 37; 47; 60; 87], хотя многие из участников этих отношений не знают о содержании требований действующего законодательства, так как в реальной жизни им этих знаний, зачастую, и не нужно. В то же время у них в почти всех случаях жизни правомерное поведение, потому что поступки людей регулируются не только нормами права, а всей совокупностью социальных норм, функционирующих в обществе. В связи с этим возникает вопрос, если правоотношения это такая форма общественных отношений, которые основываются на требованиях действующего законодательства, участники которых имеют субъективные права и юридические обязанности, то люди должны знать свои права и обязанности. Но редко какому обществу удается добиться такого состояния правовой грамотности [51]. С другой стороны, получается, что люди, и сами того не понимая, подчиняются требованиям нормы права, потому что, как правило, в обществе людей с правомерным поведением всегда больше тех, кто нарушает закон [64; 66; 68].

Все это дает основание говорить о некоей системе ценностей, мотиваций, способствующих оптимальному режиму функционирования общества, гармонизации общественных отношений, иногда несмотря даже на политические, экономические и социальные катаклизмы, нередко случающиеся в обществе. При этом каждое общество имеет свою систему ценностей. Например, эта система в современной России в корне отличается от псевдоценностей США и Западной Европы [4; 15; 58; 69; 70; 73; 74; 75; 76; 77; 78; 79; 86]. Трудно, скажем, сравнить однополую западноевропейскую семью [9; 28; 29; 72] и нашу традиционную семью в России [1; 2; 5; 6; 14; 31; 33; 34; 46; 59; 81]. Такую систему представляют собой соционормативные регуляторы общественных отношений. Это обусловлено тем, что правовые ценности складываются не только на основе норм, содержащихся в законах, и тем, что право представляет собой не только правила поведения, содержащиеся в законах, не всегда соответствует по содержанию и сущности к нормам закона, в связи с этим в отечественной юридической науке довольно долгое время идут дискуссии вокруг правового и неправового закона [49], споры о том, что право является более широким и глубоким понятием, чем то, что закреплено в законах [55]. По мнению исследователей, право нельзя идеализировать, оно может быть не только полезным, значимым, необходимым, но и абсурдным и бессмысленным [19; 22; 23]. Профессоры В.П. Сальников и С.И. Захарцев обосновывают компрехендную (всеохватывающую) доктрину права и считают, что оно, как и бриллиант, имеет как минимум 57 граней, и учитывать при изучении права надо их все [16; 17; 18; 20; 21; 24; 25; 26; 27; 84].

Отсюда и правовая культура – это далеко не то, что формируется только под влиянием правил поведения, содержащихся в законах, потому что говорят и пишут о юридико-правовой культуре, о православной правовой культуре, о мусульманской правовой культуре и т.д. [57]. Тем не менее, то, что правила поведения, закрепленные

в законодательстве, функционируют в обществе при полном соприкосновении с другими системами регулирования общественных отношений, довольно известно в науке [42; 40]. При этом, бесспорно, характер взаимоотношений разнообразных систем регулирования общественных отношений, каждая из которых сама по себе имеет присущие только ей одной особенности становления, функционирования и дальнейшего развития, очень сложен. Но все вместе они образуют еще более значительную ценность, нуждающуюся в не менее тщательном исследовании не только как явление, оказывающее непосредственное воздействие на сознание и поведение людей, но и как явление, имеющее объяснение своего существования и свою философию функционирования. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения традиционного понятия «правовая культура» в диалектическом единстве со всеми другими факторами, имеющими прямое и непосредственное отношение к сознанию и поведению людей, к процессу социального регулирования.

На наш взгляд, правовая культура обусловливается всеми действующими в обществе соционормативными регуляторами. Игнорирование этого приводит к тому, что ««принимаемые государством нормы и правила, не всегда совпадают с теми требованиями, которые предъявляются самой жизнью, жизненными ситуациями. Поэтому гражданам и, особенно, предпринимателям приходится действовать «не по закону», а по «понятиям», т.е. устоявшимся житейским представлениям о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Попытки законодательной власти сделать «правовую прививку» обществу, забегая далеко вперед складывающихся реальных отношений действительной жизни, так же пагубны и опасны, как и торможение старых структур в отношении «нового права», уже подготовленного ходом истории»» [61], которое будет «основано на интеграции общественного и естественнонаучного знания, на существенном переосмыслении привычных для нас представлений о связях общества, природы, космоса, биологического и социального, материального и духовного, рационального и иррационального» [41]. Поэтому жизненная зависимость современной правовой культуры от нравственности, морали, религии, этики, традиций и обычаев является реально существующим фактом [13, с. 52-54]. Без учета этого трудно добиться уважительного отношения людей к законам и содержащимся в них нормам. По нашему мнению, с этим связаны и основные причины противоречащих требованиям норм действующего законодательства явлений (правовой нигилизм, коррупция, преступность, межнациональные конфликты, мошенничество, карьеризм, бюрократизм, равнодушие, алкоголизм, наркомания и т.д.), а также способы борьбы с ними.

За всю историю своего существования человечество создало огромное количество материальных и духовных ценностей, которые способствуют регулированию взаимоотношений людей между собой и тем самым создают возможность для достижения необходимой гармонии, взаимопонимания и согласия в обществе. Правовая культура является одной из важнейших разновидностей таких ценностей и представляет собой, как специфическая составляющая общей культуры человечества, одновременно нечто и материальное, и духовное, видимое и невидимое человеческим глазом, реальное и предполагаемое в поведении и поступках человека и, одновременно, тесно связанное с сознанием. Поэтому правовую культуру мы можем рассматривать как способ, позволяющий упорядочить жизнедеятельность огромного множества людей. Потому что неоднородное современное общество не монолитно, оно состоит из отдельных групп, этносов, социальных слоев и т.д., каждое из которых находится в процессе собственного развития и естественным образом вливается, синтезируется с общими тенденциями развития общества. Более того, каждое из них регулируется своими внутренними, родными и кровными традициями, обычаями и т.д. М.Б. Туровский, известный отечественный философ, отмечает, что общественное развитие объективно, поскольку оно формируется как саморазвивающийся процесс взаимодействия неопределенных относительно друг друга множеств – людей и мира, в котором эти люди живут [83].

В условиях современного состояния общества, специфики мировоззрения, мировосприятия и миропонимания наших современников, уровня научного и общественного сознания, характера общественно-политических и социально-экономических отношений правовая культура как отражение качественного состояния общества и особенностей его деятельности приобретает

огромную значимость и важность. Это усиливается еще и тем, что определение нашего государства в его Основном Законе – Конституции – правовым означает острую необходимость и насущную потребность в разработке концептуальных подходов к решению проблемы формирования, становления и дальнейшего развития правового государства в нашей стране [50].

С.С. Алексеев еще в середине 90–х годов говорил о том, что нам теперь никуда не уйти от понимания того, что действительное реформирование российского общества, переход от бесчеловечного, милитаризованного общества к обществу достойного существования и благополучия человека невозможно осуществить по-большевистски, одномоментно. По мнению С.С. Алексеева, при таких, реалистически понимаемых перспективах, первейшей, с большим отрывом опережающей другие, задачей в реформировании российского общества должно как раз стать создание крепкой, надежной и по-настоящему человечной правовой системы, которая сможет обеспечить обстановку спокойствия, стабильности, нормальный ход реформ, безопасность личности – надежно предсказуемую обстановку предупреждения и погашения конфликтов, и их решение исключительно в юридически-процедурных, процессуальных формах. Такую обстановку, когда в обществе безраздельно господствуют не власть и идеологические химеры, а право и правосудие [3, с. 322-323]. В то же время, проблемы формирования и функционирования правового государства непосредственно и тесно связаны с вопросами специфики его правовой культуры. Ибо правовое государство невозможно создать, построить, сформировать декретами сверху, решениями правительства и т.д. [54, с. 3-11]. При этом формирование правового государства во многом зависит и от той правовой культуры, которая должна служить основой для становления правового государства, стать своего рода трамплином, толчком для его зарождения [63; 65; 71].

Правовая культура способствует появлению в обществе институтов правового государства, восприятию идеи правового государства, осознанию необходимости формирования правового государства, освоению той истины, что правовое государство единственно возможная форма организации государственной деятельности и общественной жизни. Л.С. Мамут пишет о том, что «состояние, степень зрелости правового государства непосредственно детерминируются социокультурными качествами народа. А отсюда методологический императив – в изучение общих проблем правовой государственности (впрочем, это относится и к анализу общих проблем любого государства) обязательно должен быть вовлечен в качестве исследуемого объекта народ с его политико-юридическим менталитетом, со свойственным ему складом политико-юридического поведения. Без такого вовлечения всякий анализ упомянутых общих проблем ущербен» [43, с. 7]. Это объясняется также и тем, что у каждого государства имеется своя собственная правовая культура, и эти два понятия – государство и правовая культура – так же взаимосвязаны и неразрывны, как и государство и его территория, люди и природа, право и закон и т.д. Не бывает государства без правовой культуры, правовая культура выступает своеобразным индикатором степени огосударствленности общества, показателем практической освоенности, реализуемости законов и иных нормативно-правовых актов основными группами населения.

В правовой культуре находят воплощение в жизнь те требования законодательства, в которых нуждается население, которые востребованы самой повседневной жизнью, а не политическими, экономическими и иными мотивами, и способствуют удовлетворению насущных потребностей людей и это обеспечивается всей философией соционормативности правового регулирования общественных отношений. Аксиоматическую установку «каково государство, таково и общество, каково общество, таково и государство» можно было бы перефразировать в виде «каково государство, такова и правовая культура представляющего это государство общества», если бы не одно существенное обстоятельство. Дело заключается в том, что, во-первых, правовая культура является своеобразным результатом развития общества, во-вторых, показателем особенностей данного этапа в его правовом развитии, и, в-третьих, одновременно, точкой отсчета для дальнейшего развития этого же общества. Именно в этом, на наш взгляд, состоит специфическая особенность правовой культуры как феноменального явления в жизни общества. При всем этом правовая культура отражает соответствующий уровень и общекультурного развития того или иного общества

в целом, потому что она по своей сути глубоко синкретична, взаимосвязана и взаимообусловлена другими соционормативными регулятивными системами, функционирующими в обществе [11]. Несомненно, правовая культура, прежде всего, неразрывно связана с правом как регулятором общественных отношений, основана на правовых нормах и опирается на право, как на систему общеобязательных правил поведения людей в обществе и государстве, обеспечиваемых принудительной силой государства. Иначе она не будет правовой культурой, т.е. культурой, основанной на праве, связанной с правом, обеспечиваемой правом и определяемой принципами и тенденциями развития права. Тем не менее, на наш взгляд, здесь совершенно уместно привести определение понятия «право», предлагаемое М.Н. Марченко и Е.М. Дерябиной как наиболее приемлемое в теоретическом и практическом плане, согласно которому «право понимается как система общеобязательных, формально определенных норм, обеспечиваемых государством и направленных на регулирование поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни» [45, с. 76].

Таким образом, очевидна бесспорность того, что правовая культура находится в постоянном контакте с этими «устоями социально-экономической, политической и духовной жизни», представленными в виде соционормативных регуляторов, и вместе с ними обеспечивает определенный режим проживания множества людей различного склада мышления, образа жизни, происхождения и верований под юрисдикцией того или иного государства. Одновременно с этим, только наличие и функционирование в государстве соответствующей системы правовых норм преобразовывает общественные отношения в правоотношения, придает им правовой характер и предполагает правовые последствия. Правовое пространство государства создается в течение длительного времени и приобретает такое состояние, которое характеризуется не только наличием норм права, но и способностью и умением субъектов права соблюдать, исполнять и пользоваться этими нормами, отношением населения к праву как к чему-то важному и нужному или же, наоборот, как к чему-то второстепенному и не нужному, и все это зависит от сложившейся соционормативной системы общества.

В свою очередь, способность и умение людей соблюдать, исполнять и пользоваться нормами права, подчиняться требованиям действующего законодательства предполагает знание этих норм и их восприятие субъектами права и правоотношений, наличия у них представления о том, что такие нормы вообще существуют и функционируют, что за неподчинение закону можно претерпеть определенные лишения и неудобства. Политические катаклизмы, социальные катастрофы, экономический хаос и духовно-нравственный кризис отрицательно влияют на правовую культуру, сводя на нет то позитивное, что было создано в прошлом. А для формирования новых регуляторов требуется много времени, и не всегда созданные на скорую руку регуляторы общественных отношений выдерживают испытания временем.

На эти моменты обращают свое внимание и другие исследователи. И.В. Ковалева отмечает, что среди основных факторов, влияющих на культурные процессы в сфере права, следует назвать общие ценностные ориентации российского общества, обусловленные культурно-исторической традицией, которые дошли до наших дней, потому что соответствовали ментальности российского общества, его представлениям о добре и справедливости [36, с. 135]. «Большевистская власть разрушала многобожие старой России и насаждала единую для всего общества духовную основу – социалистическую идеологию, – пишет Л.И. Семенникова. – Эта была попытка преодолеть цивилизационную неоднородность общества, сделать его монолитным на основе общих духовных ценностей. Как свидетельствует современность, этого сделать не удалось. Общество осталось цивилизационно неоднородным, усвоив из социалистической идеологии лишь то, что не противоречило фундаментальным ценностям соответствующего типа цивилизации» [80, с. 400]. По нашему мнению, правопорядок, необходимый для обеспечения оптимальной жизнедеятельности людей, как особое отрегулированное состояние общественных отношений на основе нормы права, становится возможным только при сочетании и содействии других, имеющихся в обществе, соционормативных регуляторов, от наличия и функционирования которых зависит установленный в стране общественный порядок.

Безусловно, несмотря на то, что основой общественного порядка служат, кроме правовых норм, и все другие социальные нормы, право остается основным средством установления порядка. Тем не менее, «приверженность традиционным духовным ценностям культуры и религии в современных условиях нельзя игнорировать, поскольку они оказывают огромное воздействие на реальное осуществление международных стандартов прав человека в различных цивилизационных просторах» [48, с. 337].

Все это позволяет воспринимать правовую культуру не только как обособленное и автономное составляющее культуры вообще, а как явление, взаимосвязанное и взаимодействующее с другими проявлениями человеческой культуры, потому что право в человеческом обществе тоже является одним из регуляторов общественных отношений. Такое сочетание множества регуляторов общественных отношений на едином информационном поле и правовом пространстве государства позволяет рассматривать и анализировать их как некую целостность [12, с. 132], которая обладает огромной способностью воздействовать на процесс регулирования общественных отношений. Общие закономерности происхождения, совпадение векторов воздействия на сознание и поведение людей, специфика функционирования в обществе, идентичность целей и задач, стоящих перед этими социальными регуляторами позволяют им оптимизировать общественные отношения, способствовать формированию общественного и правового порядка, на этом и основывается вся философия соционормативности правовой культуры современного общества.

Список литературы

1. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
2. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
3. Алексеев С.С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. – М.: Юристъ, 1997.
4. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
5. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
6. Ананских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95.
7. Арзамаскин Н.Н. Переходное государство и его форма. – Ульяновск: УлГУ, 2006.
8. Баранов В.М., Худойкина Т.Р. Теория юридического конфликта: философские и социологические аспекты // Юрист-правовед. – 2000. – № 1. – С. 22-28.
9. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
10. Галиев Ф.Х. Правовая культура и регулирование общественных отношений. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2009.
11. Галиев Ф.Х. Правовая культура и социальные нормы. – М.: NOTA BENE, 2010.
12. Галиев Ф.Х. Правовая культура и традиционная картина мира // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8 (56). С. 129-132.
13. Галиев Ф.Х. Цифровые параметры правовой культуры // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 52-54.
14. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
15. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.

16. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 3(93). – С. 179-183.
20. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П.Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39-58.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. – 2016. – № 3. – С. 24-25.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17-22.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
27. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
28. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
29. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
30. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
31. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 42-50.
32. Карташова Н.В. Специфика конфликта в профессиональной юридической деятельности // Права человека и статус правоохранительных органов: Материалы международного симпозиума (3-4 марта 1994 г.). Ч. I. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1995. – С. 159-162.
33. Квачадзе О.Б., Романовская Л.Р., Семенова М.В. Статус свободной женщины и детей в европейском средневековом городском праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 140-146.
34. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
35. Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. – М.: Известия, 2002.
36. Ковалева И.В. Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX – начала XX веков. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2002.
37. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9-14.
38. Липатов А.А., Купрейченко А.Б., Громова А.И., Шрадер Х. Правильное общество / Под ред. Ю.В. Веселова. – СПб.: Литер, 2015.
39. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма, 2009.
40. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – М.: СГУ, 2008.
41. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы.- М.: Прометей, 1999.
42. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007.
43. Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. – М.: НОРМА, 1999.
44. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2009.
45. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права. Схемы с комментариями: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2012.
46. Никонов С.П. Семейное право в решениях волостного суда // Журнал М-ва Юстиции. – 1902. – № 10.

– С.79-104.
47. Основы конфликтологии: Учебное пособие / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Юрист, 1997. – 197 с.
48. Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2007.
49. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. акад. РАН В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 1999.
50. Раянов Ф.М. Конституционно-правовая организация общественной жизни: теория и практика // Реализация положений Конституции Российской Федерации в законодательстве. – Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию Конституции Российской Федерации. – Челябинск, 2003.
51. Раянов Ф.М. Государственно-правовые болезни: исторический диагноз. Научно-популярное издание. – Уфа: НИИППГ, 2005.
52. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 1 (39). – С. 6-14.
53. Раянов Ф.М. Концепция устойчивого развития и российская государственно-правовая действительность // Право и политика. – 2004. – № 12 (60). – С. 5-10.
54. Раянов Ф.М. Понимание гражданского общества и правового государства в отечественной юридической науке и современные потребности в его переосмыслении // Правовое государство: проблемы понимания и реализации: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа 16-17 апреля 2015 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 3-11.
55. Раянов Ф.М. Правовая организация общественной жизни: теория и практика // Государство и право. 2004. № 12. – С. 5-9.
56. Раянов Ф.М. Трудный путь к правовому государству. – Уфа: Башкортостан, 1999.
57. Раянов Ф.М. Юридическое право: время разобраться по существу: Препринт. – Уфа: БашГУ, 2001.
58. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
59. Романовская В.Б., Петикян С.Г., Семенова М.В. Заключение и расторжение брака по Судебнику астраханских армян XVIII века (страницы истории права) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 104-110.
60. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.
61. Рябова Е.Л. Культура конфликтного взаимодействия: Монография. – М.: Международный издательский центр «ЭТНОСОЦИУМ», 2008.
62. Сальников В.П. Правовая культура и поведение советских граждан: Вопросы теории: Дис. … канд. юрид. наук. – Л., 1980.
63. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
64. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
65. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
66. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – № 1.
67. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
68. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
69. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
70. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
71. Сальников В.П., Стремоухов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
72. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
73. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
74. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России

в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
75. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
76. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
77. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
78. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
79. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
80. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учебное пособие для вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. – Брянск: Курсив, 1999.
81. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
82. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ. – М.: АСТ, 2002.
83. Туровский М.Б. Философские основания культурологии. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.
84. Федоров А.В., Шахматов А.В. Компрехендный подход профессора В.П. Сальникова к изучению правовых вопросов противодействия наркопреступности: к юбилею ученого // Наркоконтроль. – 2016. – № 3(44). – С. 39-44.
85. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006.
86. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
87. Юридическая конфликтология: Монография / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: 1995. – 316 с.

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна,
сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (г. Орел, Россия)
E-mail: oksikdol@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ИДЕЯ СУВЕРЕНИТЕТА В ФИЛОСОФИИ ПРАВА Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

Аннотация. *Идея суверенитета в «Философии права» Гегеля развивает классическую трактовку этого понятия, заложенную в творчестве Марсилия Падуанского и Жана Бодена. Идея суверенитета раскрывается как институциональное проявление субъективности государства, обеспечивающей целостность его органов и самодостаточность в отношении других государств. Гегелевская концепция суверенитета основана на понимании государства как «души» гражданского общества, а потому не предполагает различия народного и государственного суверенитетов, которое в настоящее время отстаивает Ю. Хабермас. Суверенитет, по Гегелю, является высшей ценностью для государства и народа и исключает существование какой-либо высшей наднациональной (международной) инстанции над государством. В качестве таковой может быть признан только суд истории.*

Ключевые слова: *Гегель; государство; право; гражданское общество; суверенитет.*

KLIMENKO O.A.

THE IDEA OF SOVEREIGNTY IN LEGAL PHILOSOPHY G.V.F. HEGEL

The summary. *The idea of sovereignty in the «Philosophy of Right» Hegel develops the classical interpretation of the concept inherent in the works of Marsilius of Padua, and Jean Bodin. The idea of sovereignty is revealed as the institutional manifestation of the subjectivity of the state, ensuring the integrity of its bodies and self-sufficiency in relation to other states. Hegel's concept of sovereignty is based on an understanding of the state as the «soul» of civil society, and therefore does not imply differences in the national and state sovereignty, which currently stands Habermas. Sovereignty, according to Hegel, is the highest value for the state and the people and excludes the existence of a supreme supranational (international) jurisdiction over the state. The only judgment of history can be recognized*

Key words: *Hegel; state; right; civil society; sovereignty.*

К моменту написания Гегелем своей «Философии права» идея государственного суверенитета уже прошла длительный путь развития и вполне укоренилась не только в европейской теоретическом мышлении, но и в законодательстве. Поскольку понятие государства неотделимо от понятия суверенитета, постольку мы можем найти отдельные элементы последнего и в понимании Платоном природы государства как неделимой идеальной сущности, и в учении Аристотеля о природе государственной власти, качественно отличающейся от всех иных видов властных отношений [6; 20; 22; 28], и в естественно-правовых трактовках римских юристов. Но эти элементы, развиваясь в рамках общих теоретических концепций государства,

еще не сливались в единое философско-правовое понятие, поскольку ему не было бы точного соответствия ни в полисной, ни в имперской моделях государства.

Своего рода первоначальный синтез понятия суверенитета стал возможным лишь в условиях позднего средневековья, когда происходил генезис национального государства (но не само его формирование). Этот синтез современные исследователи связывают с именем Марсилия Падуанского, который выдвинул идеи, во многом предвосхищавшие взгляды поздних европейских просветителей о народном суверенитете и разделении властей [11; 13; 15; 17, стр. 143-144; 24].

В период позднего средневековья Западная Европа не знала понятия государства в его современном смысле. Средневековые государства носили партикулярный характер, основанный на вассально-договорных отношениях между вассалом и сюзереном. Уже в силу этого власть последнего не могла быть абсолютной. Она нуждалась в легитимиции в качестве элемента Римской имперской государственности, выступавшей в средневековье в ипостасях императорской или папской власти, которые конкурировали между собой за право «продуцирования» светской власти посредством его эманации от власти верховной, сконцентрированной в образе Рима.

Это начало, обладающее высшей легитимностью, эманировало легитимность княжеской, королевской и т.п. власти, но само оно имело в большей степени культурологическое и сакральное, чем собственно политическое значение. Поэтому и средневековые княжества, герцогства, королевства можно было назвать государствами лишь с некоторой долей условности.

Лишь с формированием первых собственно национальных государств Нового времени: Франции, Испании, Англии, в исторической тенденции – Германии и Италии, стало возможным говорить об их легитимитационной самодостаточности и субстанциальности осуществляемой в них политической власти. Идеологом государства нового типа стал, как известно, французский философ и юрист Жан Боден, который ввел в научный оборот понятие суверенитета как постоянной и абсолютной (непрерывной) власти государства, как его обязательного атрибута [18, стр. 153]. По Бодену, суверенитет предполагает полноту и неделимость властных полномочий, а также их персонализированность в фигуре высшего суверена [5; 10; 12].

Практическую реализацию понятие суверенитета получило в рамках «вестфальской» модели государства, связавшей идею государства с идеей народа. В трудах просветителей, в первую очередь Ж.-Ж. Руссо, обосновывался взгляд на суверенитет как на выражение всеобщей воли народа (которая, по меткому замечанию Руссо, не совпадает с «волей всех») [21; 23; 26].

Именно в творчестве Жан-Жака Руссо, других представителей Просвещения и Нового времени можно обнаружить зарождения идеи учения о суверенитете [1; 2; 4; 7; 31].

Эти представления в последующем закреплялись во Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и в Конституции Французской республики 1791 года.

Развивая понятие суверенитета, И. Кант проводит различие между понятиями народного суверенитета и государственного суверенитета, тем самым ставя под вопрос представления о субстанциальности и незыблемости последнего. Таким образом он выходит на идею всемирно-гражданского состояния, основанного на сопряжении народных суверенитетов. Это «всемирно-гражданское состояние» возвышается над отдельными государственными суверенитетами во имя общей пользы и преодоления в феноменальном мире начал «вечного зла» [3, стр. 35-36].

«Космополитическое расширение правового состояния, которое изначально учреждалось как состояние внутри государства, – комментирует этот ход мысли основоположника немецкой классической философии Ю. Хабермас, – желательно и значимо не только как следствие стремления к вечному миру, но и как требование практического разума… Идея всемирно-гражданского устройства, гарантирующего «объединение всех народов под эгидой публичных законов», обретает значение «истинного», императивного, а не просто временного состояния мира» [29, стр. 110]. Именно это различие позволило Хабермасу как идеологу постмодерна обосновать представления о возможности ограничения суверенитета государств в рамках наднациональных проектов, апеллирующих к «суверенитету народов».

В этой связи поучительно обратиться к интерпретации понятия суверенитета Гегелем,

настаивающем на незыблемости основных постулатов боденовской концепции. Великий мыслитель приходит к их новому пониманию, основываясь на диалектическом понимании вопросов единства индивида и государства, государства и гражданского общества, целостности и дискретности государственного устройства, трактуемых как экспликация развития всеобщего [14, стр. 63; 16, стр. 43].

Здесь важно иметь в виду саму идею государства в ее понимании автором «Философии права». Государство для Гегеля прежде всего является осуществлением духовной свободы, воплощенной как в обществе, так и в индивидах. И именно в таком качестве оно выступает как нечто нравственно целое и единое [8, стр. 283]. В противоположность Руссо и Канту Гегель не выводит суверенитет из воли народа, а связывает его непосредственно с самой идеей государства.

Согласно гегелевской диалектике, государство не является какой-либо искусственной конструкцией, возвышающейся над народом, а составляет неотъемлемое содержание народа, эксплицирующее его целостность. Это отношение государства к народу Гегель сравнивает с отношением души к отдельным органам тела. Однако при этом сам народа следует понимать не как агрегат индивидов (vulgus), а как внутренне дифференцированное и сложное образование (populus), т.е. как гражданское общество. На это обращает внимание и на этом настаивает сам Гегель в «Энциклопедии философских наук» [9, стр. 360-361].

В качестве «души» общества государство для Гегеля есть, во-первых, тотальность, т.е. неразрывность и континуальность всех его членов, а, во-вторых, абсолютное самоопределение, т.е. самоопределение, не зависящее от внешних начал, а имеющее источник исключительно в себе самом. Эта самообоснованность составляет действительную субстанциальность государства.

В таком качестве государство выступает как одно, как единица. Поэтому оно подобно единому и единичному живому существу: «Идеализм, составляющий суверенитет, есть то же определение, по которому в животном организме его так называемые части суть не части, а члены, органические моменты, изоляция и для себя пребывание которых есть болезнь» [8, стр. 317-318]. Эта субстанциальность, эта единичность, вытекающая из самой природы государства, и определяется Гегелем как его суверенитет.

Слово «идеализм» означает здесь отнесенность к сфере идеального, которую Гегель противопоставлял сфере реального. Идеальное в его трактовке есть внутреннее содержание реального, но при этом такое содержание, которое само по себе активно, определяет реальное и проявляется в каждом его элементе как нечто снятое, но в тоже время сохраняющееся [9, стр. 132].

В государстве, таким образом, он усматривает два начала: духовное начало, выражающееся в его внутренней дифференциации и в связи с дифференцированным гражданским обществом; и начало жизни, души государства, которая делает возможным именно его целостность, воспроизводящая саму себя, т.е. суверенитет: «государство как духовное есть развертывание всех своих моментов, но единичность есть одновременно душевность и животворящий принцип, суверенитет, содержащий в себе все различия» [8, стр. 316].

Суверенность означает, что каждое правомочие имеет своей внутренней стороной государственную волю и интерес, которые составляют ее «идеальность» в указанном выше смысле. Суверенитет как такого рода единство и «душа» государства предполагает, что все функции государства могут иметь источник только в государственной власти и не могут быть частным достоянием отдельных лиц, сословий или корпораций. В последнем случае общество будет представлять собой не организм, а агрегат отдельных частей и не сможет называться государством в точном смысле этого слова. Поэтому для Гегеля средневековые политические образования, где царил всеобщий дух партикулярности, не являлись государствами в точном смысле этого слова.

Исходя из этого положения, отмечал Гегель, легко впасть в заблуждение, полагая, что суверенитет означает возможность творить любой произвол от имени государства, поскольку оно суверенно в своих действиях и функциях. Такому подходу немецкий философ противопоставляет идею права, именно в праве усматривая то разумное начало, которое придает позитивную направленность всевластию суверена. Правовой характер государства, по Гегелю, является, таким образом, необходимым моментом его суверенности.

В таком контексте суверенитет может пониматься как выражение субъективности

государственной власти. Но всякая субъективность, по Гегелю, нуждается в персонификации. Такой персонификацией субъективности гражданского общества для Гегеля являлся судья. Персонификацию же суверенитета государства он связывает с образом монарха: «Но личность и субъективность вообще в качестве бесконечного, соотносящего себя с собой, обладает, далее, истиной, причем своей ближайшей, непосредственной истиной, как лицо, для себя сущий субъект, а для себя сущее есть также просто одно. Личность государства действительна только как лицо, как монарх. Личность служит выражением понятия как такового, лицо содержит одновременно его действительность, и лишь с этим определением понятие есть идея, истина» [8, стр. 319].

При этом, по Гегелю, власть монарха будет властью суверена только в том случае, если она осуществляется в правовом контексте и ограничена правом и общественным представительством. Только конституционная монархия может быть связана с идеей суверенитета. Если внимательно присмотреться к трактовке немецким ученым полномочий и прав монарха, то мы увидим, что за некоторыми исключениями (например, наследственность власти) гегелевский «монарх» полностью укладывается в современное общее понятие главы государства. Так что трактовка Гегелем соотношения суверенитета и суверена имеет не только историческое, но и актуальное значение.

Несколько в ином аспекте, чем «суверенитет, направленный во внутрь», Гегель характеризует «суверенитет, направленный во-вне». В отношении других государств любое независимое государство должно признаваться суверенным, пусть даже внутри его господствует дух партикуляризма и суверенитет не связал воедино функции и интересы всех граждан.

Здесь повторяются те же принципы, которые мы находим в начале «Философии права», в разделах «Абстрактное право» и «Моральность», где рассматриваются правовые аспекты межличностных отношений. Природа права и дух морали, как показал Гегель, требуют от нас относиться к другому человеку как к равной нам и свободной личности, независимо от того является ли этот человек значительным или ничтожным. Гегель в своей «Философии права» настаивал на том, что человек является субъектом права именно как абстрактная личность. Мы относимся к нему как к равному себе индивидууму не в силу его особых личностных качеств (глубины мышления, заслуг предков, цвета кожи и т.п.), а просто на основании того простого и совершенно абстрактного факта, что он является человеком. Именно отсюда вытекает формальная природа права. Отношение к человеку как к равному в силу присутствия у него конкретных качеств (например, трудолюбия) называется уважением, но это уже – категория морали, а не права.

Точно также и суверенитет государства должен быть содержательным для самого народа, являющегося его источником, и совершенно формальным для внешнего ему субъекта, т.е. для другого государства или для личности, не являющейся его гражданином. Суверенитет народа для внешнего субъекта должен быть безотносительной и совершенно константной величиной, сознательно полагаемой абстракцией. Только так он может стать объектом формальных по своей природе правовых отношений. В противном случае суверенитет перестает быть элементом права и это открывает путь для радикально либеральной модели, предполагающей абстрактные права личности источником всякого права, включая и международное. В таком случае права личности получают приоритет перед правом национального суверенитета.

Если на межличностном уровне признание другого равным мне и свободным субъектом гарантируется принципами права и волей государства, то на уровне отношения суверенных государств, по Гегелю, таких гарантий быть не может. В отличие от Канта, более жестко различавшего народ и государство, Гегель видит в государстве само идеальное единство народа. А потому он не может разделить народный и государственный суверенитет и поставить над государством какое-либо надгосударственное образование или международное право. (Стоит напомнить, что само понятие международного права Гегель считал ограниченным. Международное право, учил он, всегда основано на договорах, имеющих частное, не всеобщее значение [9, стр. 365]).

Гегель всегда отстаивал идею абсолютной ценности государственного суверенитета. Государство в полной мере выявляет духовную природу общества, а потому над ним не может быть поставлена более высокая инстанция,

которая бы несла в себе более высокое содержание, чем то, которое заключает в себе государство. Полемизируя с Кантом, Гегель пишет: «Несколько государств, образуя союз, могут, правда, составить суд над другими государствами; между государствами могут возникнут объединения, как, например, Священный союз, но эти союзы всегда только относительны и ограниченны, подобно вечному миру. Единственный абсолютный судья, который всегда выступает, и выступает против особенного, есть в себе и для себя сущий дух, выступающий во всемирной истории как всеобщее и как действующий род» [8, стр. 285].

Близкую позицию занимают современные русские юристы, указывающие на механизмы ценностной интеграции общества, актуальные преимущественно на уровне национального государства: «Если на уровне национального государства его целостность и устойчивость определяется системой ценностей граждан (а в число этих ценностей входит и само исторически сложившееся государство), то на наднациональном уровне (точнее сказать, на уровне «над-народном») становится трудно говорить о взаимном творчестве граждан по продуцированию, рефлектированию и воспроизводству ценностей, что в конечном итоге если не порождает, то во всяком случае обеспечивает воспроизводство государства, важнейшей скрепой которого является духовная культура общества» [24, стр. 174-175].

Можно констатировать, что современная российская юридическая наука в вопросах государственного суверенитета во многом солидаризируется с Гегелем [19; 25; 30; 32].

В конечном итоге для Гегеля, высшим судом для суверенных государств является только сама всемирная история, обращение к которой оказывается высшим результатом философско-правового исследования [9, стр. 365]. Философия права Гегеля может стать наиболее глубоким теоретическим основанием для современных правоведов, стремящихся сохранить представление о суверенитете как высшей социально-правовой ценности.

Список литературы

1. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры в противодействии коррупции, экстремизму и посягательству на государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 47-58.
2. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 182-195.
3. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
4. Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48.
5. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли. В 5-ти томах. Т. 2: Европа. V-XVII вв. – М., 1999.
6. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
7. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. – М.: Мысль, 1977.
10. Клименко О.А. Становление понимания государственного суверенитета в эпоху Модерна (от идей Ж. Бодена до правовых оснований Вестфальского мира) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 53-57.
11. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.

12. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 22-28.
13. Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский // Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и К°, 2014. – С. 11-63.
14. Маков Б.В., Масленников Д.В. Историко-философские основания идеи развития: от античности до синергетики. – СПб : НОИР, 2014.
15. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.:Дашков и К°, 2014. – 656 с.
16. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. – 2015. – № 6. – С. 42-46.
17. Мирзоев А.К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 141-150.
18. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
19. Мирзоев А.К. Юридические средства обеспечения государственного суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 27-41.
20. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
21. Развитие философии права в Новое время (Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Монтескье, Руссо) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, Л.А. Чеговадзе, В.П. Сальников, А.П. Альбов. Глава II // История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 78-157.
22. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
23. Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И.А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.
24. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
25. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Пужаев В.В. Правовая природа государственного иммунитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 36-44.
26. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
27. Сауляк О.П., Экимов А.И. Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
28. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.
29. Хабермас Ю. Расколотый Запад. – М.: Весь мир. – 2008.
30. Хабиров Р.Ф. Общее представление о методологии теоретико-правового подхода к исследованию суверенитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 17-21.
31. Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб., 2002. – 231 с.
32. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 47 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Мир политики и социологии» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Мир политики и социологии»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40505 от 01 июля 2010 г.

Название Мир политики и социологии

Адрес редакции 198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б

Примерная тематика и (или) специализация Научная; реклама не более 40 %

Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский

Территория распространения Российская Федерация

Учредитель (соучредители) Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя Р.В. Шередин

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций М.Ю. Ксензов

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017613

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«МИР ПОЛИТИКИ И СОЦИОЛОГИИ»

2016, № 7

Выход в свет 25.06.2015. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 27,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1005.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru

КАК ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ САНАТОРИЙ

В «Солнечном» всегда солнечно!

Среди многообразия курортных здравниц мы всегда стараемся выбрать для себя лучшее. По типу лечения, дополнительным услугам, а для кого-то критерием выбора является наличие бассейна, SPA и WELLNESS.

А почему из всех многочисленных прейскурантов Кисловодска стоит остановить свой взгляд на санатории «Солнечный». В этом нашего корреспондента убедил владелец и один из руководителей санатория Владимир ТУРУБИЦЕНКО.

- Начнем мы с известного «Солнечного» - самый большой и самый молодой санаторий Кисловодска, ему нет еще и шести лет.

Как удалось за столь короткий срок добиться популярности?

- Перед статус крупнейшей здравницы Кисловодска подразумевает в обязательность «Солнечному» в качестве главного значимости моды на курорте. В этих условиях мы простоянны инвестировать значительно больше ресурсов в развитие своей лечебной, оздоровительной и досуговой инфраструктуры по сравнению с обычными санаториями и SPA-отелями. Например, другие четырехзвездочные здравницы Кисловодска располагают либо одним стандартным открытым тонизирующим бассейном, либо предлагают лишь открытый бассейн в летнее время. И только в «Солнечном» крупный год вы можете бесплатно пользоваться сразу тремя специализированными бассейнами. Тут же расположены просторный зимний сад под огромным стеклянным куполом и зона релаксации в окружении двух плавных баров одно из которых работает прямо на воде. Сегодня подобное по силу предложить даже значительно более дорогие санатории и SPA-отели регионов.

В качестве другого примера можно привести новый конгресс-центр «Солнечного». Сейчас по существующим моде на курорте, возможность проводить многодневные бизнес-события высокого уровня с присутствием до 600 одновременных участников в пределах данного комплекса. Причем без остановки плановой работы самого санатория. Это открывает исключительные новые возможности проводить непрерывную масштабные корпоративные мероприятия на одном из самых знаменитых курортов России. Расскажу Вам и о самых передовых методиках, которые применяют для лечения пациентов «Солнечного».

Биорезонансная терапия (БРТ) позволяет протестировать аллергены по аллергенам, по продуктам питания, наличие вирусов, грибков, паразитов и избавиться от них без применения медицинских препаратов. Кроме того можно протестировать склонность заболеваниям и проверить подходят ли вам препараты, которые назначили.